

По утренней росе,
по чистым травам — навстречу
доброму рабочему дню...

8-86

ISSN 0130-2647

КРЕСТЬЯНКА

**НИНА ВАСИЛЬЕВНА
ПЕРЕВЕРЗЕВА,
Герой Социалистического
Труда, делегат
XXVII съезда КПСС:**

—...И родители мои здесь, и детство, и первые долги жизни. И все, что есть в нашем селе, все для меня имеет какое-то приключение. Вот дерево, обычное деревцо, а я-то знаю, что здесь назначала свидание, и на этом повороте расставались, а вот тут плясали и пели, и я знаю, о чем пела я тогда.

И дома везде есть не хуже наших, и деревья, и все остальное. Вот и хлеб — вот этот пирожок, пусть он и вкусным будет, и белым, и пышным, но все равно он не такой, как наш, домашний. Когда сам все это творишь — так и запаха расчудеснее не бывает...

ЧЕЛОВЕК НЕ МОЖЕТ БЕЗ ВОЛНЕНИЯ

МНОГО ЛЕТ ПРОШЛО

На комбайн я впервые села в пятьдесят девятом году. А до этого, не скрою, сильно меня тянуло к технике. Николай Петрович, муж мой, был уже давно комбайнером, я ему частенько обеды приносила. Принесу обед в узелке, покормлю его, а самой так и охота в кабину сесть и немножко покрутить. Ну просто сил нет, как тянуло.

Потом я стала работать у мужа помощником комбайнера. В первые дни он, конечно, давал мне порулить, но сам стоял позади меня, охранял и будто бы говорил: «Не бойся, я вот же, рядом, быстро помогу». А как-то смотрю, он меня усадил и — раз, прыгнул с мостика, я осталась одна. Ох, да как же я испугалась, и такая охота была вслед за ним прыгнуть! Но ничего, слегка успокоилась, еду-еду, до края поля доезжаю. Тут еще пуще забоялась, как же я поверну этот комбайн, он же громадный такой... А ничего, развернулась и опять зашла в рядок, еще круг сделала, и вот, смотрю, муж идет мне навстречу, улыбается. А мне, честно сказать, было обидно, и еще я была немножко зла на него за то, что он меня так коварно бросил, не предупредил даже, а прыгнул — и все дела.

Когда я сошла с комбайна, так я была перепугана, что заикаться начала. Но ведь не только перепуг — и радость была; все вместе — и заикаюсь, и торжествую. Пошумела, значит, на мужа, а потом решила, что правильно он сделал, потому что если бы он сказал: «Я тебя оставляю одну», — я бы заголосила: «Ой, нет, ради бога, не надо, боюсь я одна!» А когда он прыгнул, мне же деваться некуда, пришлось и рулить, и переключать, и выключать, и поворот делать, и оказалось, что все это я уже знала.

Много-много лет прошло, мы с напарницей получили новый трактор под уборку, недельки даже за две до уборки. Мы его обкатали, подтянули где надо, вымыли, как хозяйки кухню, потом полеглости убрали, сено громадили, и незадолго до уборки пришел наш черед воду возить.

Подцепляю я бочку, еду до башни, а у башни огромная такая лужа, ну что тут страшного — поеду напрямки и никаких

дел. И утонула, пришлось бульдозер вызывать. А у башни и лужи много трактористов собралось и скотников, полно всякого люда. И вот они смотрят на меня так, улыбаются так, ухмыляются, словом. От нервно-сти я с трактора не сошла, а прыгнула, нога подвернулась, тут-то я в этот ров с водой и нырнула. Кто там был, так все вповалку лежат, просто умирают от хохота. Ладно, если б мужик, они бы, может, и внимания не обратили, а тут — женщина. Я попыталась было тоже засмеяться, но охота поплакать была посильнее, еле сдержалась и только про себя думала: «Что ж я наделала, что ж я опозорилась-то так!»

Я была тогда много помоложе, степенности никакой. Подходит ко мне один разухабистый тракторист и говорит: «Ниночка, вам бы надо пойти в мореходку подучиться!»

Прошло там много ли, мало ли времени, я снова с бочкой приезжаю к башне. Тот самый удалой тракторист как раз на бульдозере гартовал ров, чтобы воду из лужи спустить. Всего-то ему ничего оставалось, когда машина вниз пошла, в воду. Я ж рядышком, я ж вижу, как он старался выбраться, а ему б надо было быстренько заглушить мотор, и вот он в этой неравной борьбе с техникой — буль-буль — и скрылся. Мы опешили, такая была злоецающая минута, только воздух клетотит в том месте, где машина скрылась. И вот он дверь под водой открывает, выныривает, выплывает наш герой. Тут и вся моя прежняя обида к нему прошла, а кое-что осталось. Подхожу к нему — он отдыхает на берегу — и ласково говорю: «Иван Иванович, вот бы вы были хороший водолаз, если б закончили курсы водолазов! А может, и курсы не нужны?» Мужики опять полегли от хохота, но все понимали и Иван Иванович тоже, что не по злобе я пошутила, а чтоб напряжение снять; ведь, когда забулькала, всем нам не по себе стало...

Двадцать лет назад наш председатель Иван Петрович Молчанов предложил мне новенький комбайн СК-4. Как я его облизивала перед уборкой, это не рассказать. Вот в первый день уборки мы с Николаем Петровичем вышли молотить, косить напрямую. На первом же круге я сорвала ему шнечк. Он немножко на меня побурчал, немножко покрестил, но все это ничего,

утряслось. А потом, где-то с обеда, он мне говорит: «Знаешь, Нина, давай мы с тобой разведемся». А я сразу: «Как разведемся, ты что?» Хотя он и был прав: у него была жатка пятиметровая, а у меня четырехметровая, и мы, конечно, не ладили: копны бросали разное, и с выгрузкой так же, словом, мешали друг дружке работать. Муж мне и говорит: «Ты оставайся здесь, а я поеду и отобью себе загонку».

Вот он уехал, я гоню круг, одна я среди поля. Слышу: что-то гудит в комбайне, а значит, сейчас что-нибудь да сломается. Думаю: «Что же мне такое делать теперь? До конца догнать — так будет далекоовато. Давай-ка я поеду к Коле прямо». Еду я, кошу, а Коля увидел такую картину, остановился. Что такое? «Да вот, Коля, гудит что-то, сломалось, наверное, что-то в комбайне». Ну хорошо, говорит, включай потихонечку молотилку, я послушаю. Я включаю, газу немножко даю, еще прибавляю оборотов по его велению, пока не выжимаю до конца, пока все не загудело-загремело, а Коля резко рукой отмахну дает, мол, кончай музыку. Я все выключила, заглушила все, думаю: «Наверное, он мне сейчас скажет: «Спасибо, Нина, какой ты все-таки молодец! Вовремя ты подъехала, предотвратив серьезную поломку!» Он, однако, другое сказал: «Вот с такой болью чтобы ты ко мне никогда не приезжала. Ничего там у тебя не ломается, не сломается, езжай работать. А то сама не работаешь и мне не даешь». И вот я от него поехала, сама молочу, сама и плачу, обернувшись немножко в его сторону и побурчу: что это за муж — не пожалел, а отругал!

А ведь мы с ним и познакомились на полевом стане: и он работал на прицепах, и я. Я, конечно, и раньше его видела, ну, парень как парень, просто он был тогда как все. А тут только я на него посмотрела, а у него до того были голубые глаза, просто как небо. Вот они-то мне так в душу зашли, эти глаза, и до сих пор — самый близкий и родной человек.

МИХАИЛ ПАНАСЕНКОВ,
представитель «Ростсельмаша»,
испытатель комбайнов.

Машины «Дон-1200» и «Дон-1500» испытываются пятый год. Поначалу было очень много скептиков. Не сказано чтобы со

страхом, но с явной робостью смотрят механизаторы на этот комбайн, особенно поначалу, в первый, второй год. А сейчас, как говорится, машина пошла. И отношение к ней стало получше, но все равно неуют механизаторы перед этой современной техникой. Нужно найти в себе смелость, что-то такое включить, чтобы преодолеть барьер,—это как после деревянного самолета в современный лайнер пере-сесть.

«Счастье — это когда есть любимая работа, надежные товарищи, большая и дружная семья».

Вот это «что-то» вместе с умом и смелостью замечательно обнаружила в себе Нина Васильевна Переверзева. Да, точнее говоря, ничего в себе она и не преодолевала, села за новую машину и сразу стала работать, ну буквально через полчаса. И так работает, что не выгонишь из кабины. Из тех, кого я встречал, она единственная по-мужски работает. И еще в ней есть дар такой: она машину чувствует, а любая машина это понимает и подчиняется.

ИСПЫТАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ «ДОНА»

Я и не скрывала радости и гордости, что комбайностроители оказали мне доверие — все ж таки не кому-то дали машину, а нашему звену. Наверное, они там пересчитывали, считали, равняли — кому дать, а кому не дать. Может, их покорила окончательно та дисциплина, что была в нашем звене. Потому что без дисциплины, пусть хоть золотые машины стоят, они работать не будут. Мы работали прежде на «Колосах». Многие механизаторы от них отказываются, мол, слишком, сложная машина. Тогда слух прошел, что нам дают специально подготовленные «Колосы». Ерунда, понятно. Получаем серийные, но, конечно, кое-что переделываем, потому они у нас и работают. Ведь мы на них по сто двадцать центнеров намолачиваем, а в 1978-м 152 тысячи дали — это же не маленький кусочек, это ж огромная гора зерна. Столько намолотить, столько времени покрутиться всем там валам, шкивам, звездочкам — это ж сколько они там миллионов оборотов сделают! А они, валы, шкивчики, звездочки, нам не отказывали. Так и «Дон-1200». Не буду скрывать, что в первый год машина была сырая, потому что, как бы мы ни старались, она еще и шла плоховато, и гидравлика канючила, и с соломой неувязки были. Вроде и дела мелочные, а, как ни говори, остановки, остановки — не работа. А вот когда мы с ней, с машиной этой, притерлись друг к дружке, когда я ей свои претензии высказала, так дело и начало ладиться потихоньку. И теперь я скажу, что это машина урубистая, так у нас говорят. Уже приросла к земле, укоренилась, обтесалась и стала той машиной, которая должна быть на наших полях. Сравнить не с чем; тот же «Колос» если взять — ты на нем поле убираешь, а она на тебе верхом сидит.

И вот что любопытно. Сама видала тех, кто боится новой техники, хотя они еще в кабине не побывали. «Эта машина плохая, — го-

ворят, — потому что сложная». Просто чудо-люди какие-то. Не хотят ни силу свою испробовать, ни силу машины. Ведь мы как считаем: «Трудно родить, но еще труднее воспитать ребенка». Машина родилась в конструкторских бюро и на заводе, а на поле мы ее воспитываем — ничего себе, пригожий парнишка вымахал.

Мастерство комбайнера не в том же заключается, чтобы штурвал крутить. Нет, машина требует от тебя, чтобы ты за ней ухаживала, но и ты ведь условия комбайну ставишь. Чтобы косил, молотил, чтобы соломка была качественная, чтобы зернышко чистое, непосеченное, чтобы без потерь. Чтобы ни колосок не прошел нигде, ни зернышко. Чтобы соломка в ряд лежала. И еще чтобы красиво сработано было. Мимо какого бы поля я ни шла, ни ехала — всегда смотрю, как комбайн работает. Просто так,

просто потому, что интересно мне. И вот смотрю, по показателям неплохо, а некрасиво, и меня заедает. Тогда я себя спрашиваю: а почему это меня заедает? Да потому, что когда некрасиво — это же бесхозяйственно. Если копны, например, не в ряд лежат, это и некрасиво, и бесхозяйственно. Ведь мы любую хозяйку понимаем, еще не видя ее, еще с порога. Если около порога порядочек, во дворе порядочек, мы говорим: «Ой, она такая прелестная, такая чудесная, такая работающая и красивая!» Так и в поле, поле — тот же дом. Это тот же порог, наш порог. К этому полю тысячи людей приезжают. И вот когда хорошо сработано, мне кажется, что даже посторонний человек едет мимо такого поля и улыбается. Улыбнется и подумает: красивое поле, значит, и хлеб будет красивый.

Нина Васильевна
и Николай Петрович
Переверзевы.

А я это поле помню совсем не таким — некрасивым, ужасным, исковерканным. Это было в моем детстве.

Детства мы не особенно видели. Папа наш воевал, нас с мамой оставалось трое. Значит, отец с братом на войне, старшая сестра замужем, а мы — трое с мамой — глядим, как на нас война катится. Наверное, мы все-таки играли тогда, хохотали, ведь без этого же совсем нельзя, но в основном мы работали. Рядом с мамами, вместе с ними, то с косами, то боронили на своих коровках. И самая главная, даже единственная мечта была — наесться хлеба. Хлеб, он постоянно нас преследовал. Вот все эти довоенные запахи, запахи свежего хлеба, пышек, пирожков, они весь день нас преследовали и в сны приходили. Мне было двенадцать лет, когда война началась. Фашист пришел в сорок втором, и началась нежить. Я тогда просто не понимала, почему мамка меня всегда старалась спрятать в огороде, чтобы я там в кустах проспала весь день. Я ж тогда, глупая, порой даже в обиде на нее была. Иногда вздрогнешь только от одного воспоминания, как они, фашисты, кричали — просто так, они ж никогда не говорили, только кричали, пугали, им так нравилось. Перестреляли всю нашу птицу, коровок, ни у кого в селе коров не осталось. Мало он у нас похозяйничал, быстро его выбили, а все же много людей перестрелял — и женщин с детшками тоже.

А мы, детвора, тайком на могилочку одной застреленной женщины ходили, и так было жалко ее, сил нет, просто будто кто-то родной тут был застреленный. Мамка охала, плакала, что я куда-то бегаю. Хоть хлеба не было, но от воздуха нашего я выглядела свежо, краснощек, теперь я понимаю ее тревогу. Сто сорок три дня мы были в оккупации, а не забыть их никогда, даже иногда и не верится, сколько зла можно принести людям за такой малый срок.

А как выбили фашиста, вернулся к нам в колхоз один трактор ЧТЗ. Мы его так и называли — «царь полей» за его единственность, да и мощный он был по тем-то временам.

Так я устроила, что попала на прицеп, к Егору Андреевичу, дяде Жоре Архипову. Его по брони в колхозе оставили, он понимал, что за него другие воюют, вот он за всех других и работал. И нас учил. Ну, всяко приходилось. За ночь, пожалуй, ни разка и не передремлешь — поля ж засоренные, а он, дядя Жора, таскал два спаренных плуга по пять лемехов. Нас было две девчушки у него. Это я сейчас только понимаю, какое ему надо было иметь мастерство, а пуще того — терпение, чтобы нас обучить. Ведь он и переживал за нас, что мы там, детишки, лазили по этим плугам, по этим лемехам ногами. А когда мы заканчивали смену, он всегда говорил: «Молодцы!», это у него как закон был. Он говорит «молодцы», а мы смазываем свой плуг, сдаем сменщикам, у нас ушки на макушке, когда учетчик объявляет, сколько мы сработали, и оказывается, что мы больше всех сработали, и дядя Жора, тоже уставший весь, говорит: «Девочки, мы все-таки славно поработали, хорошо вспахали. Молодцы вы!»

Теперь-то я понимаю, как он за нас боялся. Ну какими мы тогда были? Тоненькими, крохотными, сколько сил у нас? А было нам по тринадцать, по четырнадцать. И вот был он нам, без всякого размышле-

ния, как отец. От него, наверное, вселилась в меня любовь к технике, к машинам. Я еще девчушкой была, на прицепах работала, и так любила, что у меня и руки измазаны, и одежда пропитана бензином — как же я любила и люблю эти запахи! А больше всего гордилась, что у меня платье измазано, — это уж было как большая награда. Я даже тайком кой-когда себя сама измажу, чтоб все видели, какая я непростая.

А когда после войны все мои подружки по фермам разбрелись да и я тоже уже работала на ферме, все как-то так исподтишка поглядывала на трактор, и когда он загудит где-то далеко-далеко, я встрепенусь, как птичка, и все мне кажется, что это он меня зовет своим гудом и гулом.

И вот когда мне доверили испытывать «Дон» — это ж такое было счастье.

Нина КРАМСКАЯ,
повариха.

Мы как говорим: будет день, будет и пища. Они придут, такие уставшие. Так работать, как Нина Васильевна, как ее звено, — это же просто невыносимо. Не знаю, как они выдерживают это время, время жатвы. Ну круглые же сутки работают. Остановятся только утром, часа на два, когда свои комбайны помажут, и весь пересменок. Уставшие такие, заморенные, глаза сверкают, шуточки у них какие-то свои. Нина Васильевна, она странная. Она просто какая-то необыкновенно одаренная. Всю почти жизнь с железками, а такая ласковая, и добрая, и женственная. Вот в этом ее талант — она соединила железки с ласкою. Думаю, и от природы это у нее, и люди хорошие учили. Я, скажем, такая, я могу свой характер проявить, потому что я как все. А она? У нее как будто всегда на душе хорошо, и она от этого злой не бывает.

Приезжал к нам как-то один дядечка. «Хозяйка, — говорит, — а что это у вас висит в столовке портрет Нины Васильевны? Вы что же, так ее обожаете?» «Да, — говорю, — обожаю, а что?» «Ничего, — говорит, — вот вы мне скажите: она что, и питается вместе со всеми, героиня эта ваша?» «Да, — говорю, — и питается, и тот же компот пьет. А что?» Он аж усмехнулся и продолжает: «Не может этого быть. Чтобы героиня и член Центрального Комитета, и то, и се, и как все». «Вы это всерьез?» — я ему говорю. Тогда он попросил, чтобы я показала ему ее комбайн. Сам пожилой, со шляпой и портфелем. Не верил. Чудак.

КОРИДОР БЕД — САД РАДОСТЕЙ

Наш район не подарок. Мы его так и называем: коридор всех бед. За зиму может не выпасть ни одной снежинки, а морозы гуляют, а ветры задувают насквозь. Земля, до того она, бедная, вымерзнет, аж полопаются. Ходишь по этой земле, смотришь — какое ж сердце надо иметь, чтобы такое выдержать! Кажется, твою кожу драли, порой не знаешь, что бы сделать, лишь бы уйти от всего этого. Только от зимней тоски отойдешь, от шквалов этих, а тут весна коварная, тучки иногда нагонит, но дождя не жди, все равно не будет. Вот и посеём вовремя, и хорошими семенами, и

всходы как невесты, а от засухи томятся они, и ты вместе с ними маешься, ходишь, едешь каждый день, как на свидание, просто уговариваешь: «Да потерпи не-множко, ну как-нибудь, ну еще малость...»

Они и терпят, а тут пыльные бури, некоторые поля подчистую выдувало: солнца не видно, темно, как устоять? А дождь идет, конечно, не тогда, когда его просят, а когда косят. Только выйдешь на уборку, а он тут как тут, да уж и ему радуешься, но как бы град все не повыбивал. Сколько же хлеба и людям сил надо, чтобы друг друга поддерживать! И сил, и воли. Сам себя успокаиваешь, давишь в себе что-то ноющее: ничего, мол, все будет хорошо. Что там ни говори, а наполовину мы все-таки зависим от погоды. Поле — наш дом, небо — наша крыша; и все-таки погода погодой, а люди людьми, они, знаете, тоже не любят себя в обиду давать, и мы по проценту от этой погодной половины открадываем.

Трудно? Я бы так не сказала. Я бы сказала: непросто. А то уж мы привыкли по каждому поводу говорить: «Ой, трудно, ой, невмоготу!» Мы так привыкли к этому слову, что уж и смысл его теряется. Конечно, хлеб требует наших волнений. Может, человек в чем-то себя и ущемляет: в отдыхе, в режиме, вилами помахать приходится. А с другой-то стороны: ну какая тяжесть, если идет комбайн, обед прыгает следом, душ к тебе подплывает, автотравка тут же, агитбригада поет и пляшет — ну какая же здесь трудность? Это же прелесть просто, а не работа.

А по-настоящему трудно было во время войны. Я помню, как у дороги стояла женщина с косой и котомочкой. А в котомке одна лепешка. И она ее не ела, детям берегла. Вот ей действительно было трудно: косить это поле, и детей растить, и мужа ждать. Она уж вся бессильная была, а по полгектара скашивала за день. А мы теперь работаем чуть не в белой рубашке, чуть не в галстучке в этом комбайне и говорим: тяжело. Это, кажется, традиция у нас такая. Просто, я думаю, надо знать ценность слов и беречь их. А отдавать всего себя, как это бывает во время уборки, — то не «трудно», то просто работа.

А может, когда о том, что тяжело, вовсе не о трудностях думают, а вот об этой боли душевной? Когда подъедешь к полю на комбайне, и далеко в душе обязательно защемит — не потому, что боишься работы, не потому. Просто, наверное, хлеборобская доля такая — испытать какую-то не обозначенную словами душевную боль. Я со многими говорила, у всех так. Будто смотрит мать на дочку или сына, и все у них хорошо, и здоровыми растут, и красивыми, а в душе тревога: какими вы будете? Человек не может без этого волнения, без этого душевного переживания войти сразу в поле, потому что оно живое существо. Когда оно богатое, так радуется вместе с человеком, когда посеченное, так будто извиняется. С ним, с полем, можно поговорить и помолчать, вернее, про себя что-то ему тихонько бормочешь, и оно тебе так же тихонько отзванивает в ответ. Встанешь поутру, и начинается твой день. Завтрак надо приготовить — и чтоб все довольные были, сытые. Чтобы в радости на работу пошли. Корову подоить, проводить — и чтоб она тоже в настроении была. Занимаешься домом и себя на радость настраиваешь. А уже пять часов. И до того охота на улицу выйти, только чтоб стен никаких не видеть. А выйдешь на улицу, и кажется, что вот тебе

вся радость скопилась этим утречком. Просто это такая прелесть — не знаю, что романтиков называют, а я это: когда утро, и на улицу выйдешь, и все хорошо, что тебя окружает, и такая благодать.

Не замечала всего этого, пока никуда не выезжала: думала, везде так. А заметила, когда впервые поехала я в Москву, одна, на совещание по сельскому хозяйству. Ой, думала, ночь не спала: и то купить, и это, все считала — надо же гостинцев всем, подарочков — и родным, и соседям, и подругам! Решила я взять для гостинцев большой чемодан — он у нас еще с довоенного времени сохранился. Прямо сундук, только картонный.

Иду я улицей, а она такая узкая, тесная! И я на ней совсем одна. Такой сильный ветер поднялся, швыряет меня из стороны в сторону вместе с чемоданом, треплет, назад куда-то тянет, несет, прямо как на парусе. Добралась я все же до места, говорю регистратору: «Я из Ростовской области, Переверзева я». А он удивляется: «Переверзева, комбайнер?» «Да, — говорю, — Переверзева, комбайнер». «Ой, — говорит, — а мы думали, Переверзева, если она комбайнер, должна быть повыше ростом, плечистенькая. А вы такая худочая!»

Съездила я так впервые в Москву, возвращаюсь и думаю: как хорошо-то в Москве было, а только что же сердце так прыгает, когда к селу подъезжаешь?

Где родился, там и содился. Может, и не про всех сказано, а про меня и многих других — точно. Тут же оно мое, родное. И родители мои здесь, и детство, и первые долги жизни. И все, что есть в нашем селе, все для меня имеет какое-то приключение. Вот дерево, обычное деревцо, а я-то знаю, что здесь назначала свидание, и на этом повороте расставались, а вот тут плясали и пели, и я знаю, о чем пела я тогда. И так тянет, тянет, когда в разлуке, особенно сейчас, уже года подходят к таким большим горам — уж лишнего часа вдали не проживешь. И домá ведь есть не хуже наших, и деревья, и все остальное. Вот и хлеб — вот этот пирожок, пусть он и вкусным будет, и белым, и пыльным, но все равно он не такой, как наш, домашний. Когда сам все это творишь — так и запаха расчудеснее не бывает.

Это странное чувство, когда все твоё. И все, что вокруг, и все, что в тебе.

А. В. АРХИПОВ,
председатель колхоза.

В нашей градобойной зоне мы не имеем права затягивать уборку больше чем на 9—10 дней. А это значит, что должна быть очень высокая выработка на комбайн. Не подготовишь безупречно комбайн к жатве, всего-то, может быть, два дня потеряешь потом, а это не два дня — половина дела. Нина Васильевна — потрясающий работник. Пусть не каждое звено за ней угонится по результатам, но каждое звено может, обязано изучать, как ее орлы готовятся к уборке. Ведь к празднику в доме так не готовятся! Хлеба полегли — к ней бегут: Нина Васильевна, а вы что придумали?

Ну просто злой человек до работы. Задумали они ночную уборку проводить. Балабоньки скажут: а, понимаем, соседей опередить, рекорды ставить! Да ничего подобного, рекорды же всегда только результат чего-то большего. Ночью тише, ветра меньше, значит, и меньше осыпания подсолнечника. К тому же большая влажность воздуха, опять же меньше потеря. Они в звене об этом думали, а уж рекорды их сами нашли.

А еще у нее есть какое-то особое чутье. Я

уж и не знаю как сказать. Такой чисто женский, домашний подход к делу, когда вроде двигаются плавно по дому, песенку мурлыкают, совочком гремят, а дело вроде само делается. Тут правильно надо понять. Она, став механизатором, ни ухваток себе мужичьих не завела, ни голоса грубого, ни словечек этих шелуховых. В поле такая же симпатичная женщина, как и в дому. И слов говорить не надо; само поведение, сама жизнь — урок и наставничество. И опять у нас двое девчат остались после школы механизаторами, а учились хорошо, мы бы их в любой вуз на колхозную стипендию отправили. Но их воля такая была. Спросите их, может, они и не скажут, что это Нина Васильевна на них повлияла. Только так это: вот она идет по улице — и девочки учатся гордости, а в поле — как хозяйкой всему свету быть, а в гости если придут — ласковости наберутся. Такой уродилась и не растеряла себя по жизни.

НАВСЕГДА МОЕ

Да, все мое, ничего не хочу отдать. В пятьдесят втором я выходила замуж за Николая Петровича. Мама меня отдавала бедновато. В приданое она мне дала прабабушкин сундучок, в нем надо было заменить одну досточку, подгнила она. Досточку заменили, а краску негде было достать, так и осталась одна досточка белая. Кому же я отдам это: топтогон наш, где мы плясали под гармошку и балалайку, досточку белую, счастье наше — все мое!

А через двадцать лет у мужа комбайн, у меня комбайн и у сына Вани комбайн. Тогда у меня шея стала подлиннее, потому что все время обирачивалась: ну что он там встал, что не выгружается, почему не научился? А он научился, это мне только кажется, что не очень-то, и шея-то все вытягивается — и это навсегда мое. И как мы договаривались никогда не считать, сколько заработали, а сколько намолотили. И как отвыкали без дела говорить «трудно», «тяжело». В двадцать девятый раз встречаю жатву. Вот бы самой себе пожаловаться. А не хочется! Трудно не работать. И тем, думаю, трудно, кто привык не работать. Их сегодняшнее время догала раздало, слов лишило.

Каждый человек, наверное, задумывается о своей жизни, о всех тех годах, которые прошли. И вот я так порою все-все в глубине души измеряю и каждый раз прихожу к одному выводу: я какая-то одаренная. Вот чем одаренная — не могу сказать. Наверное, жизнью.

А оттого, наверное, и счастливая. Жизнь меня всем одарила: и прекрасной семьей, и любимой работой, и друзьями. А это ли не счастье? А внуки? А хлеб? А поле?

Николай Петрович ПЕРЕВЕРЗЕВ.

Да вот так, с пятьдесят второго года — семья. Меня спрашивают иногда: ты гордишься ли своей женой? Не понимаю вопроса. А кто не гордится своей женой? Тридцать четыре года назад она для меня красивой была. Не знаю, как для других. А для меня — очень красивая. Такой и осталась.

**Материал подготовила
автор фильма «Перед жатвой»
Марина ГОЛДОВСКАЯ,
лауреат премии
Ленинского комсомола.**

Фото Б. ЗАДВИЛЯ.

Колхоз «Путь Ленина»,
Песчанокоспский район,
Ростовская область.

” ПРЕДЬЯ

Записки экономиста

Екатерина КАЛАЧЕВА,
кандидат экономических наук,
старший научный сотрудник
Всероссийского научно-
исследовательского института
экономики, труда и управления
в сельском хозяйстве.

Зеркало

Конфликт у бригадира с управляющим вышел такой. что потом всем хозяйством их мирили. И что бы, вы думали, было в основе конфликта?

Бригадир вывел управляющего отделением из равновесия тем, что наотрез отказался подписать чек, где значилось, что тракторист работал семь часов. А проработал тот всего четыре.

— Да пойми ты, — урезонивал управляющий стропитивого бригадира, — сейчас зима! Ну куда я пошлю его на оставшиеся три часа? Выходит, я должен поставить трактору неполный день эксплуатации?

— А почему наша бригада должна платить лишнее? — возмущался бригадир. — Мы заранее оформили заявку, из графика не вышли.

— Всегда так было, — недоумевал управляющий. — Раз берешь — пиши семь часов...

Наверно, одно из главных достоинств чековой формы контроля в том, что она обнажает все нестыковки в хозяйственных делах, служит справедливости, что ли. Ведь за каждый ресурс кто-то должен отвечать. Кто именно?

При чековой форме контроля сразу видно, на каком этапе происходят потери, что недорабатывает и по какой причине. Выходит, эта форма контроля — как зеркало, в котором отражаются все этапы хозяйственной деятельности колхоза или совхоза.

Заглянул в него и директор подмосковного совхоза «Жилевский» Юрий Иванович Логашов. Плохи у совхоза были дела. Правда, к 1983 году хозяйство прорвало большую организационную перестройку: были созданы цехи, введена бригадная форма организации труда. Впервые надеялись получить прибыль, по расчетам — не менее 800 тысяч рублей. Однако вышло в два раза меньше. Получался парадокс: высокими темпами росло производство — и росли издержки на него, а отдачи не было. Есть отчего прийти в замешательство!

Когда Юрий Иванович впервые познакомился с чековой формой контроля затрат, он просто загорелся этой идеей, в нем мы нашли самого верного соратника.

Результатам одинаково рады были и работники совхоза, и ученые: постоянно заглядывая в «зеркало», совершенствуя взаимодействие подразделений, совхоз в 1984 году по сравнению с предыдущим сэкономил 88 тонн жидкого топлива, снизил себестоимость основной продукции — мяса — на 10,6 процента...

Вскоре мы уже работали со многими хозяйствами Московской, Тульской, Рязанской, Курганской областей. От предложенного отбою нет. На столе у заведующего отделом доктора экономических наук Дианы Никитичны Письменной пухлая пап-

ВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА,

ЧЕК!

ка. Кажется, нет области, откуда бы не поступил запрос на помощь в организации и внедрении чековой формы контроля. Но лишь в России 24 248 хозяйств, а в отделе, как известно, — несколько человек.

А всегда ли необходимо наше присутствие? Рекомендации в общих чертах отработаны и разосланы в каждую область РСФСР по числу имеющихся — подчеркиваю! — колхозов и совхозов. А над деталями не грех поразмыслить и самим специалистам. Люди на местах достаточно квалифицированные, а чековая форма контроля проста, не требует особых расшифровок.

Есть, правда, одно неукошительное условие, без которого не стоит и начинать: это **желание работать по-новому**. Прежде всего желание руководителя хозяйства. Если его нет, то это будет просто игра в чеки. Ни материальная база, ни погода не определяют судьбу внедрения этой формы контроля. Лишь степень организационной перестройки **всего** хозяйства. Только она.

Итак, что же нужно, чтобы чековая форма контроля действовала?

● Прежде всего хорошо подготовиться, изучить рекомендации. Если что-то непонятно, напишите, мы готовы пояснить. Не стоит изобретать велосипед, то бишь чековую книжку: в стране и без того их 24 варианта! Доверьтесь ученым: мы изучили все их и совместно с бывшим Минсельхозом СССР и ВНИИ экономики сельского хозяй-

ства создали обобщенный вариант — чековую книжку на производственные затраты хозрасчетного подразделения (форма № 249 — сельхозучет).

● Изменить порядок планирования: указать все работы, сроки, ответственных.

● Установить обоснованные, всесторонне обсчитанные, выверенные по последним двум-трем годам лимиты затрат.

● И, конечно, разработать единые планово-учетные цены. Тут от специалистов, прежде всего от бухгалтеров, требуется ювелирная работа. Иначе может получиться так: подразделению идет прибыль, а хозяйство в убытке.

Детектив... с экономией

— Значит, так, товарищи! — строго предупредил бригадир работников животноводческой фермы. — Отныне ни одна горсть комбикорма, ни единый клочок сена не должны пропасть. Следить буду за расходом сам. А за экономию нас поощрять будут!

— И сколько же нам причитается? — спросила оператор по откорму телят.

— Животноводам — 40 процентов от сэкономленной суммы, растениеводам — 25.

— Интересно! У нас же возможностей мало: корма-то выдают по лимиту!

— И все же надо экономить!

И действительно, бригадир следил сам за расходом кормов. И не только «из любви к искусству», хотя, надо заметить, соревнование при введении этой формы контроля затрат заметно обостряется. Всем сразу видно, как прошел день, сколько чего израсходовано и сколько осталось. Наглядность!

К тому же и руководители подразделений поощряются из фонда материального поощрения. А это два процента от суммы полученной экономии. За необоснованный же перерасход размер доплат по итогам года снижается. (Есть тут верхний и нижний «потолки» — они указаны в методических рекомендациях.)

Бригада старалась. Горсти сэкономленного корма превращались в килограммы, килограммы — в центнеры. Вот только привесы почему-то не росли. Может, не весь корм отдают?

Проследили: нет, нормы соблюдаются...

К концу месяца просто-таки скандал: по привесам бригада на одном из последних мест. Что же ее — поощрять?

— Корма ведь сэкономили, — говорит бригадир.

— Так что из того? Мяса-то вы не дали.

— Мы соблюдали рацион. Все, что положено, раздавали сполна.

Детектив, да и только.

Как в детективе, стали скрупулезно разбираться. Пригласили нас. Что же выяснилось?

Животноводы, как говорится, вошли в раж: даже тот корм, что уже роздан, но по какой-то причине группой животных не съеден, из кормушек выгребали и отдавали другой группе. А что животные недоедали, на это закрывали глаза: уж очень хотелось побольше сэкономить...

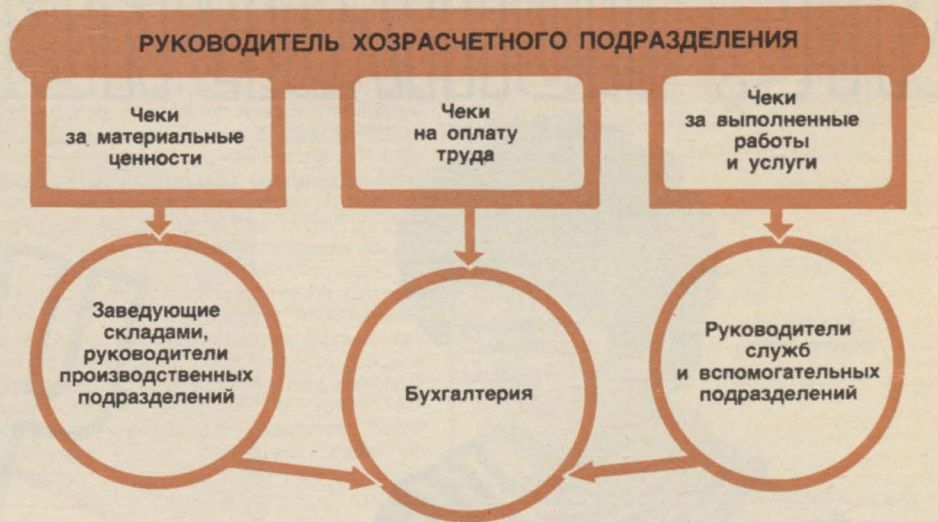
Для нас это явилось уроком. Теперь **экономия поощряется лишь в том случае, если основные показатели выполнены**. Да и не только экономия. Мы поняли, как важно учесть все нюансы не одной экономики, но и психологии. Надо так увязать производство, чтобы человеку было просто невыгодно плохо работать, ловчить. На наш взгляд, чековая форма контроля как раз и отвечает таким требованиям.

Как устояла труба

Техник совхозной котельной пришел в кабинет главного экономиста и уже с порога начал «права качать»:

— И кто придумал такие лимиты? У меня вон на ремонт на весь год пятьсот рублей выделено — о чем думали?

СХЕМА ДВИЖЕНИЯ ЧЕКОВ В ХОЗЯЙСТВЕ

— Так... вместе же думали,— растерялась сначала главный экономист.

— Но кто мог предвидеть, что у котельной труба прогорит и в конце концов упадет? — наступал руководитель подразделения. — Это же авария — как ее предугадаешь? Короче, нужны деньги.

— И много?

— Я тут прикинул... Думаю, тыщи три. Еще недавно так и было бы. Действительно, трубу ремонтировать надо — куда денешься? А ремонт — это материалы, рабочие руки, зарплата. Все по смете. И упала бы труба... на себестоимость продукции.

— Что ж,— говорит главный экономист. — Надо так надо. Пишите объяснительную, почему труба раньше срока из строя вышла. А мы разберемся, кто в том виноват. Ну и, само собой, сделаем начет на виновных. Труба-то ведь не бесхозная. За нее тоже кто-то отвечает. И будет платить.

Переступил теплотехник с ноги на ногу, почесал в затылке:

— Пожалуй, того... Сами подзалатаем. Да и дело-то пустяковое,— добавил уже уверенно. — И поднимем сами, тросами. А труба — что ж, она еще постоит.

И действительно: труба стоит до сих пор...

В некоторых хозяйствах введена и служит укреплению дисциплины, причем без всяких понуканий, система санкций (апробировал ее подмосковный колхоз «Заветы Ильича»). Скажем, надо привезти на ферму опилки. Бригадир заранее, дня за три, заказывает транспорт. Причем учитывает и грузоподъемность, и стоимость работы машины в час или за тонно-километр, в зависимости от принятого в хозяйстве исчисления. Скорее всего, он выберет ЗИЛ-157. И грузоподъемность подходящая, и стоит 3 рубля 80 копеек в час. Если заказ сделан вовремя.

А если бригадир закрутился, заматался или что там еще в таких случаях говорят — скот без подстилки останется?

Вовсе нет. Гараж и в этом случае примет заказ. Срочный, на завтра. Но час работы автомобиля будет стоить 7 рублей 60 копеек. То есть в два раза дороже.

Можно сделать и аварийный заказ, гараж выполнит его немедленно и даже с удовольствием: ведь в этом случае партнер заплатит за час работы автомобиля уже 11 рублей 40 копеек! Правда, желающих платить тройную сумму почти не осталось. Чековая форма контроля учит думать, прикидывать, планировать работу.

Ну, а может ли водитель, как бывает иногда, сделать «левый» рейс — дровишек завезти приятелю, в соседнее село в гости смотаться? Может, конечно, если совесть позволяет. Но подразделение, а стало быть, и наш герой окажутся внакладе: перерасход горючего, конечно же, не поощряется. Дешевле в том же гараже заказать более подходящую машину. Внес деньги в кассу — и поезжай, ни от кого не прячься.

Учит наглядно

У чековой формы контроля много задач. Одна из главных — воспитать у работников среднего звена, рядовых труженников чувство хозяина. Чтобы сам работник регулировал свои хозяйственные нужды, был заинтересован в том, чтобы получить как можно больше продукции и не любой ценой.

...Небольшой коллектив картофелеводческого звена работал на посадке. Сажали клубни, разумеется, с помощью техники, но подправлять приходилось деревянными лопатками. Сами придумали (ведь звено на коллективном подряде, урожай — цель и

венец, ради него можно и лопату взять в руки). И все бы хорошо, да вот беда: ломаются лопаты часто. Заказать можно в своем строительном цехе, сделают быстро и недорого, рубль штука. Но...

— Лопатка-то — рубль, да нас трое,— говорит звеньевой. — А это уже грабеж среди бела дня!

— Да у тебя ж чековая книжка на руках с общим лимитом затрат в 373,2 тысячи рублей! А три рубля пожалел,— удивился один из картофелеводов.

— Три рубля сегодня, три — завтра... Эдак-то наберется! Нет, надо самим заготовить палки и чинить лопаты.

Перебор? Может быть. Но вот что важно: имея тысячу, человек рубля лишнего не истратит.

В другом районе той же Московской области при мне в кабинет совхозного экономиста вбежали два рассерженных бригадира — фермы и стройбригады.

— Грабеж! Несколько досок перестелил, а требует семь кубометров записать!

— Хорошенькие «несколько досок»! Да ты посчитай, сколько!

— И посчитаю! А чек не подпишу.

— Что, и обрезки будешь считать? — усмехнулся строитель.

— Да обрезки — это целый кубометр! — кипятится животновод. — Сжигать их — это ж ассигнации жечь!

— Куда ж их, обрезки-то?

— На мелкий ремонт пустить можно, — спокойно заметил экономист. — Тебе ж выгода, пилить не надо.

Настоящую головоломку устроила работница фермы из Подмоскovie завгару: чтобы отвезти в детсад два бидона молока, КамАЗ прислали! Думаю, то был последний случай перевозок по-купечески...

Таких примеров десятки, а мы, экономисты, видим в них главное: крестьянин становится подлинным хозяином. И как добрый хозяин, наводит порядок в своем собственном доме. А что горячится порой — так надоела ж расхлябанность, неразбериха. У иных бухгалтеров выработались свои «маленькие хитрости». Скажем, подскочила себестоимость молока (там, где для двух бидонов могут КамАЗ прислать). За это по головке не погладят. А мы сделаем ее, молочную себестоимость, пониже. И за счет зерна — за него ведь не ругают. Всем хорошо, у всех премия. Но ведь кто-то ее недополучил, а кому-то дали незаслуженно!

При чековой форме контроля такая эквилибристика просто невозможна. Без ведома бригадира бухгалтер и копейку не «пе-

ребросит». Хотя чек и не документ, а лишь форма контроля, но любой документ, не оформленный чеком, незаконен. На каждую операцию, на каждую марку автомашин, каждую культуру — свой чек. Его можно проанализировать, сопоставить с документом, он незамедлительно, по горячим следам дает оценку проделанной работе. Человека, подразделения, хозяйства.

Что дала чековая форма контроля совхозу «Жилевский»?

● Систематически снижается себестоимость основной продукции.

● Снизились издержки производства.

● Все работы выполняются в срок.

● Возросла творческая и деловая активность работников.

Все это в конечном итоге заметно сказалось на рентабельности хозяйства: в прошлом году прибыль составила 1 миллион 28 тысяч рублей.

Родословная

...Как-то заведующий конюшней попросил руководство выписать ему часы. Разрешили приобрести в местной потребительской, но на какую сумму — не указали. Вскоре все ахнули: конюх поволок в свою конюшню на спине... напольные часы с боем. Говорят, прежде они в каком-то имении стояли.

— Зачем тебе для конюшни-то? И в конторе таких нет.

— Значит, вам, конторским, можно, а конюхам нельзя?

А завклубом уж такое красноречие применил, чтобы выманить часы, — не помогло.

И вдруг конюх сам отнес часы в клуб. Что случилось?

— Да инвентаризация эта... Определили, что стоят часы пол-лошади. Плати, говорят, рубль в месяц за амортизацию. Нет, я уж лучше ходики куплю. А то в моей чековой книжке ничего не останется.

Произошла эта история... более 50 лет назад, в коммуне, созданной легендарным Котовским. Именно там впервые была применена чековая форма контроля. Изобрел ее председатель коммуны Виктор Федорович Левицкий. А рассказал об эпизоде с часами тоже соратник Котовского, Г. М. Шалль, один из первых в СССР сельских экономистов, в книге «Вторая профессия полководца». Так что, как видим, у чековой формы контроля боевая родословная.

И хоть нынешние хозяйства и сравнить-то нельзя с бедняцкой коммуной, основа у прежних и сегодняшних чеков одна: беречь народное добро.

ЗАТРАТЫ ЗА МЕСЯЦ (перво), рублей

Статья затрат	Лимит	Изменение лимита			Фактические затраты	Экономия (-), перерасход (+)	
		дата	сумма	подпись гл.			
Оплата труда	2100				2100	1291	-409
Семена	13700				13700	1040	
Горючие и смазочные материалы	1900				2044	1750	-294
Удобрения	10400				27300	24800	
Автотранспорт	100				100	85,5	-14,5
Амортизация	4400				4400	4400	
Текущий ремонт	2100				6700	4650	+120
Ядохимикаты	100				2800	800	
Итого	34200				58400	48176,5	-597,5

Руководитель совхозпредприятия *Полова* Главный экономист *И.И. Сидор*
Главный бухгалтер

**БЕСЕДЫ
О ХОЗЯЙСТВЕННОМ
МЕХАНИЗМЕ
АГРОПРОМА**

**НОРМАТИВНО-РЕСУРСНЫЙ
МЕТОД ПЛАНИРОВАНИЯ***

(Беседа вторая)

В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О дальнейшем совершенствовании экономического механизма хозяйствования в агропромышленном комплексе страны» разработка планов колхозов, совхозов и других сельскохозяйственных предприятий должна осуществляться на основе контрольных цифр по закупкам сельскохозяйственной продукции, лимитов капитальных вложений и поставок основных видов материальных ресурсов.

Как определяются контрольные цифры? Исходя из нормативов, учитывающих экономическую оценку земли, обеспеченность трудовыми и материальными ресурсами, то есть из оценки производственного потенциала.

Совокупная оценка ресурсного потенциала производится в денежном выражении по трем основным группам ресурсов: **земельные** (сельскохозяйственные угодья), **трудовые** (среднегодовая численность работников, занятых в сельскохозяйственном производстве), **материально-технические** (основные производственные и оборотные материальные фонды).

Рассмотрим оценку **земельных ресурсов**. Она составляется на основе данных Гипрозема по каждому району и сельскохозяйственному предприятию. При этом пашня и многолетние насаждения оцениваются по показателям окупаемости затрат, а природные кормовые угодья (сенокосы и пастбища) по их продуктивности.

Оценка одного гектара пашни и многолетних насаждений каждого хозяйства (района) равна их баллу по окупаемости затрат, умноженному на единый по стране норматив денежной оценки балла — 18 руб., который определен на основе дифференциально-го дохода, полученного в расчете на 1 га пашни.

Для пашни и многолетних насаждений за 100 баллов принимается средняя по стране окупаемость затрат — 2 руб. 65 коп., которая соответствует стоимости продукции растениеводства в кадастровых ценах на рубль затрат.

Баллы оценки пашни и многолетних насаждений определяются путем деления окупаемости затрат данного хозяйства (в рублях) на средний их показатель по стране и умножения на 100.

Например, окупаемость затрат пашни в хозяйстве составляет 2 руб. 30 коп., а многолетних насаждений — 2 руб. 10 коп. В этом случае оценка пашни составит $(2,30 : 2,65) \times 100 = 87$ баллов, многолетних насаждений $(2,10 : 2,65) \times 100 = 79$ баллов.

Рассмотрим расчет денежной оценки пашни и многолетних насаждений. По данным государственного учета земель, в хозяйстве числятся 2500 га пашни и 300 га многолетних насаждений.

Оценка 1 га составит: пашни — $18 \times 87 = 1566$ руб., многолетних насаждений — $18 \times 79 = 1422$ руб. Оценка в целом всей площади пашни — $1566 \times 2500 = 3915$ тыс. руб., многолетних насаждений — $1422 \times 300 = 427$ тыс. руб.

* В своей беседе автор опирается на методики расчета и доведения контрольных цифр по закупкам сельскохозяйственной продукции до районов и хозяйств на основе ресурсного потенциала, рекомендуемые Главным управлением планирования социального и экономического развития АПК Госагропрома СССР.

КОРЕШОК ЧЕКА № 1
на производственные затраты

Статья затрат *горючие и смазочные материалы*
Остаток лимита *1900 руб. 00 коп.*
Выдан *зав. м.фт.х.з.и.с.т.м. Поповой Т.И.*
должность *зав. м.фт.х.з.и.с.т.м.*
Фамилия, и. о. *Попова Т.И.*
наименование затрат *дизельное топливо*
лимитно-засадная карта № 47
от *30.03.85г.*
Сумма *1500 руб. 00 коп.*
Объект затрат *бригада №2*

Чек получил *Попова*
подпись *Попова Т.И.*
Фамилия, и. о.

Отделение (цех, участок) *растениеводство*

Хозрасчетное подразделение *бригада №2*
Статья затрат *горючие и смазочные материалы*
Остаток лимита *1900 руб. 00 коп.*
ЧЕК № 1
на производственные затраты
Выдан *зав. м.фт.х.з.и.с.т.м. Поповой Т.И.*
должность *зав. м.фт.х.з.и.с.т.м.*
Фамилия, и. о. *Попова Т.И.*
наименование затрат *дизельное топливо, лимитно-засадная карта № 47*
лимитно-засадная карта от *30.03.85г.*
номер и дата документа
Сумма *1500 руб. 00 коп.*
Объект затрат *бригада №2*

Сверхлимитный расход *—* руб.
Разрешено *—* подписью *И.И. Сидор*
Чек выдан *Никитин Н.К.*
подпись

РЕКОМЕНДАЦИИ СПЕЦИАЛИСТА

Чековая форма контроля затрат — важнейший элемент внутрихозяйственного расчета. Она рассчитана на привлечение всех работников к управлению производством, формированию у них экономического мышления. Суть чековой формы контроля в совершенствовании хозяйственного механизма.

Каждому руководителю подразделения на месяц выдается книжка чеков, форма № 249 — сельхозучет, с утвержденным лимитом средств по всем статьям прямых затрат соответственно хозрасчетному заданию.

Главный экономист и главный бухгалтер хозяйства разрабатывают схему движения чеков. Схема эта регулирует сроки, периодичность взаиморасчетов чеками между подразделениями хозяйства: за выполненные работы, полученные товарно-материальные ценности, услуги и т. п.

Книжку чеков выдает планово-экономический отдел руководителю подразделения под расписку, зарегистрировав в специальном журнале. Список «чекодержателей» устанавливается и утверждается приказом директора совхоза (решением правления колхоза). Лимит средств утверждают руководитель хозяйства, главный экономист и главный бухгалтер.

Вот как оформляется чек. Например, бригадир фермы получил на складе 10 тонн комбикорма. За них он выписал заведующему складом на сумму 1200 рублей, подписал его и отдал заведующему складом.

Заведующий складом отдает чек в бухгалтерию вместе с первичными документами. В книжке бригадира фермы остается корешок, подписанный заведующим складом. По этим корешкам руководитель подразделения ежедневно контролирует целесообразность произведенных затрат, имеет возможность корректировать их.

При этом обязательна разработка единых планово-учетных цен. Главный бухгалтер разрабатывает их на товарно-материальные ценности, которые имеются в хозяйстве и будут приобретены в текущем году; главный экономист — на продукцию, производимую в хозяйстве, и услуги вспомогательных производств. Единые планово-учетные цены разрабатывают по средневзвешенной величине наличных и планируемых средств в хозяйстве с добавлением затрат на доставку. При этом ценности включаются по фактической их стоимости, а продукция собственного производства и услуги — по плановой себестоимости.

Единые планово-учетные цены — необходимый инструмент налаживания хозрасчетных отношений, а следовательно, совершенствования внутрихозяйственного расчета, внедрения коллективного подряда не на словах, а на деле. Они не позволяют переносить результаты деятельности одного подразделения на другое.

Фото Б. БОРИСОВА.

Оценка природных кормовых угодий (сенокосов и пастбищ) производится по их продуктивности по отношению к пашне.

Например, в хозяйстве имеется 1000 га пастбищ и 500 га сенокосов. Оценка пашни по валовому продукту равна 50 баллам, сенокосов — 15 баллам и пастбищ — 5 баллам. Тогда коэффициент корректировки оценки 1 га пашни для сенокосов будет $15:50 = 0,3$, а для пастбищ — $5:50 = 0,1$.

Денежная оценка 1 га этих угодий составит: сенокосов — $1566 \times 0,3 = 470$ руб., пастбищ — $1566 \times 0,1 = 157$ руб.

Оценка всей площади кормовых угодий: сенокосов — $470 \times 500 = 235$ тыс. руб., пастбищ — $157 \times 1000 = 157$ тыс. руб. Итого 392 тыс. руб.

Денежная оценка всех сельскохозяйственных угодий хозяйства равна сумме их оценок по видам угодий: 3915 тыс. руб. (пашня) + 427 тыс. руб. (многолетние насаждения) + 392 тыс. руб. (сенокосы и пастбища) = 4734 тыс. руб.

Оценка трудовых ресурсов производится умножением среднегодовой численности работников, занятых в сельскохозяйственном производстве, на единый норматив компенсации выбытия одного работника материально-техническими ресурсами. В расчетах на данный период этот норматив определен в размере 16 тыс. руб. и является единым для всех районов и хозяйств страны. Этот норматив рассчитан по данным ЦСУ о затратах на компенсацию выбытия одного работающего в промышленности с учетом сложившегося соотношения фондовооруженности труда в промышленности и сельском хозяйстве.

Общая стоимость **материально-технических ресурсов** определяется как сумма среднегодовой стоимости основных производственных фондов сельскохозяйственного назначения и материальных оборотных фондов.

Исходные данные для определения суммарной стоимости ресурсного потенциала района (хозяйства) берутся из годовых отчетов хозяйств и материалов земельно-оценочных работ, проведенных организациями Гипрозема для каждого конкретного хозяйства, района, а также области (края, АССР) в целом:

1) Для денежной оценки сельхозугодий по их видам берутся:

а) наличие площадей из годовых отчетов колхозов, совхозов и других сельхозпредприятий: форма 12 сх, строка 2030—2060 и форма 12 сх — наличие на конец года, графа 2, строка 1470—1570;
б) денежная оценка 1 га каждого вида угодий берется из материалов Гипрозема:

— пашни и многолетних насаждений — по показателям окупаемости на 1 руб. затрат;

— сенокосов и пастбищ — по продуктивности 1 га (в рублях или баллах) по отношению к показателю продуктивности 1 га пашни (соответственно в рублях или баллах).

2) **Среднегодовая численность работников**, занятых в сельскохозяйственном производстве, берется из годовых отчетов:

— по совхозам — форма 5 сх, строка 110 минус расчетная численность привлекаемых временно на сельхозработы со стороны, скорректированная по коэффициенту 0,5.

3) **Основные производственные фонды** сельскохозяйственного назначения берутся из годовых отчетов колхозов, совхозов и других сельхозпредприятий (форма 11 сх, строка 110). Среднегодовая стоимость основных фондов исчисляется за 5 лет предпланового периода.

На плановый период стоимость оборотных материальных средств определяется путем умножения планируемой стоимости основных производственных фондов (ОПФ) на соотношение, сложившееся в предплановом периоде:

$$\begin{array}{c} \text{ОПФ} \\ \text{сельскохозяйственного} \\ \text{назначения} \\ \text{(плановый период)} \end{array} \times \frac{\begin{array}{c} \text{Оборотные} \\ \text{материальные средства} \\ \text{(предплановый период)} \\ \text{ОПФ} \\ \text{сельскохозяйственного} \\ \text{назначения} \\ \text{(предплановый период)} \end{array}}$$

Существует и более сложный метод определения производственного потенциала, основанный на анализе зависимости валовой продукции от обеспеченности отдельными основными видами производственных ресурсов.

Затем можно приступать к расчету контрольных цифр по закупкам продукции.

Общие объемы закупок сельскохозяйственной продукции как за предплановый, так и на плановый периоды определяются по среднеобластной себестоимости, сложившейся за последние 3 года.

Прежде всего определяются плановые задания по закупкам продукции предприятиям, работающим на государственных кормах, тепличным комбинатам и другим узкоспециализированным предприятиям, в натуральном выражении в соответствии с их производственными мощностями. Установленные им объемы закупок исключаются из общего по району объема закупок, распределяемого по хозяйствам. Одновременно исключаются и производственные ресурсы этих предприятий из ресурсного потенциала соответствующего района.

Дальнейшие расчеты проводятся в следующем порядке:

— рассчитываются объемы закупок продукции на 1000 руб. ресурсного потенциала в предплановый период;

— определяются коэффициенты использования ресурсного потенциала районами в предплановый период;

— рассчитывается средний по области норматив закупок продукции на 1000 руб. ресурсного потенциала на плановый период путем деления планового объема закупок на планируемый объем ресурсного потенциала;

— определяется средний по области темп прироста норматива закупок, для чего объем планируемых закупок (на 1000 руб. ресурсного потенциала) делится на объем фактических закупок (на 1000 руб. ресурсного потенциала), от полученного результата отнимается единица, затем он умножается на 100;

— рассчитываются коэффициенты дифференциации по районам среднего темпа прироста норматива закупок продукции;

— рассчитываются планируемые для каждого района темпы прироста норматива закупок продукции;

— определяются нормативы закупок продукции на 1000 руб. ресурсного потенциала для каждого района;

— определяются общие объемы закупок продукции по районам.

В аналогичном порядке проводятся расчеты контрольных цифр по общим объемам закупок сельхозпродукции.

Доведенные районам задания по общим объемам закупок продукции распределяются по видам, исходя из структуры товарной продукции предпланового периода, скорректированной с учетом предусматриваемого углубления специализации и совершенствования структуры производства.

Расчеты проводятся по формуле:

$$P_n \times \frac{P_o \times Y}{C \times 100}, \text{ где}$$

P_n — план закупок конкретного вида продукции в натуральном выражении, в тоннах;

P_o — суммарный план закупок по району, в тыс. рублей;

Y — удельный вес продукции данного вида в суммарном объеме закупок, в %;

C — стоимостная оценка единицы продукции, в рублях.

Пример расчета. Общий план закупок сельскохозяйственной продукции на плановый год по району составляет 34,7 млн. руб. Удельный вес мяса в структуре товарной продукции данного района — 23%. Оценка 1 т мяса по себестоимости — 1800 руб. План закупок по мясу составит:

$$\frac{34,7 \text{ млн. руб.} \times 23,0}{1800 \text{ руб.} \times 100} = 4,4 \text{ тыс. т.}$$

Аналогично рассчитываются планы закупок и по другим видам продукции.

И. УШАЧЕВ,
доктор экономических наук,
профессор.

ПОЭТИЧЕСКИЙ КЛУБ

**Анатолий
КОБЕНКОВ**

Анатолий Кобенков — иркутянин, автор трех поэтических сборников. Для его стихов характерны теплота голоса, искренность, добрый взгляд на мир. Предлагаем вашему вниманию новые стихотворения поэта.

***

С песнями не стоит торопиться
в трудный век звонков и телеграмм.
Как это ни грустно,
мы не птицы,
словы не родственники нам...

Хорошо ли, весело на свете —
все-таки припомнится подчас:
как это ни грустно,
мы не дети —
женщины иначе любят нас...

Но зато все то, что накопилось,
все, что между пальцев протекло,
как рубец
и как необходимость,
не спросившись,
на сердце легло...

***

Оставленные, брошенные мной
давным-давно
Татьяна и Галина,
пришедшие из жизни неземной,
земную жизнь пройдя до половины,
окликнули меня издали,
и я бреду,
шатаясь и сутулясь,
в ту нелюбовь,
в которую строка,
на холоде намаившись, уткнулась...

И странно знать, что я не позабыл
ни слова, ни полслова, даже знака
и помню тех, которых не любил,
сильней, чем тех, из-за которых плакал...

Начало зимы

Говорят,
«земля преобразилась».
Я молчу, но знаю:
первый снег
вышал потому, что мне приснилась
женщина хорошая во сне.

Говорят,
«земля в ковры оделась».
Это потому произошло,
что хорошей женщине хотелось
жить по-человечески светло.

Говорят,
«снежинки полетели».
Спорить не намерен,
но хочу,
чтобы вы и нас не проглядели —
я ведь рядом с женщиной лечу.

***

Я тебя не оставлю — кому
станет счастьем
волос твоих вечер...
И глаза, и улыбка,
и плечи,
и колени в ольховом дыму —
никому, только мне одному!

Я уже не уйду никуда —
это ты от меня уходила,
все ворота, все двери закрыла —
не понадобятся никогда...

Вероятно,
уже никому
не солгу в озареньи счастливым:
лживо слово, но губы не лживы —
злы, настойчивы, нетерпеливы:
никому, только мне одному!..

Песенка

Мне сегодня весело.
Это ты, наверное,
вспомнила, что вечером
я могу грустить.
Видимо, поэтому
необыкновенное
как обыкновенное
можно объяснить.

Ясно, что явилась ты
из иной галактики,
ясно, что с туманами
ты обручена,
и яснее ясного
сказано в грамматике,
из какого правила
ты исключена.

Знаю, что прописана
не в Иркутской области,
помню, что приписана
к области морей, —
все же глянь на облако,
поднимись на облако,
проплыви на облаке
области моей.

***

То птица, то комар, то самолет,
то тишина... Уж лучше б Ольга пела
про юность, покидающую тело,
про боль, что не проходит,
но пройдет...

Мне хорошо: пока она поет,
она моей печали не поймет.
слез не увидит... Но не в этом дело.

Мне хорошо: пока ей вольно петь,
мне вольно думать, что моя неволя —
нелепая фантазия, не боле;
я волен жить и волен умереть,
мне жизнь свою, что прожита на треть,
ничто не стоит начисто стереть
иль заново перепахать, как поле...

То Ольга, то звезда, то облака...
Приходит жизнь, наполненная светом,
с деревьями, с автобусным билетом,
с Сократом у табачного ларька...
Пой, Оленька, дорога далека,
душа легка, а истина близка,
коль ты поешь...

И дело только в этом.

***

Еще и не жил на свете —
только что собирался,
на форточку звезды наклеил,
на крышу прибил луну,
только что с мамой простился,
по улице разбежался,
споткнулся о божью коровку —
разрушил ее страну;

только что сжал кулак я —
мащу кулаком после драки,
шумно ломился в завтра —
явился в позавчера...
Об этом уже рассказывает
хозяйка моей собаки,
мать моих ребятшек,
музы моей сестра...

Рис. Е. РЫЩЕНКОВОЙ.

Сойдя со старого сибирского тракта, я пошел в горку, разглядывая село Грязновское: коттеджи и избы, телеантенны и печные трубы. Напротив разваленной церкви стояла школа красного кирпича... А приехал я в это уральское село из-за компьютера.

Мы все — программисты

Общая ситуация такова: за эту пятилетку в школах страны должны появиться четыре-пять тысяч компьютеров. И кто-то на них должен работать. Летом прошлого года в Свердловске прошли двухнедельную подготовку около тысячи учителей, среди них молоденькая Раиса Михайловна Минаихметова. Машины из тысячи пока получили единицы, в том числе и Грязновская школа. Уральский политехнический институт предложил, и хозяйство приобрело. Две машины за двадцать пять тысяч для школьного кабинета информатики.

Раиса Михайловна снова съездила в Свердловск и навезла кассет с программами. Девятиклассница Валя Куникова учила при мне четвероклассницу Кристину Курицыну: «Садись, будешь печатать». «А что печатать?» «Вот видишь, большие буквы будешь печатать на верхнем ряду, а маленькие на нижнем. Нажимай слово «ран» — по-латынски. Знаешь, что означает? Хочешь узнать? Это значит, что мы начинаем с ней работать. Набирай...» За спиной подружка звала на танцы, а теперь шепчет: «Букву «А» пропустила». Заодно, значит, учимся грамоте, подумал я. Потом готовили программу для восьмиклассников, у них завтра лабораторная по физике, и чтобы не тратить время на расчеты, использовали компьютер. Выходило, что здесь, в кружке, ребята накапливали для других свободное время — мерило общественного богатства.

Компьютер потихоньку входил в школу, заставляя по-иному взглянуть на привычное. Я прислушался к разговорам в учительской. «Говорят, машины от мела портятся, надо эпидиаскоп приобрести...» Учительница в первом классе, раздавая малышам карточки с прорезью для пропущенной буквы — м...роз, п...нал, уч...ник, — говорила: «Ребята, такая карточка называется перфокартой». Я видел, как Миша Черных делает с помощью компьютера домашнее задание по математике. Слышал, как восьмиклассница рассказывала четверокласскам: «Вы знаете, что случилось 21 декабря 1951 года? Не знаете?» Я тоже не знал, что в этот день заработала первая в стране электронно-вычислительная машина. Она занимала площадь трехкомнатной квартиры, а считала всего в полторы тысячи раз быстрее человека. «По сравнению с нашей — черепаха», — сказала ученица.

ЭВМ входила в жизнь, и чем дальше, тем больше. И сейчас наступил момент, когда без компьютеров уже никто не может обойтись: ни генеральный директор «Уралмаша», ни колхозный агроном, ни ученик Грязновской средней школы Саша Измадемов, показывавший мне кассеты с программами по физике и математике.

«Я проверю, как ты знаешь признак делимости на 3, — загорается на экра-

ПРОЕКТ

Дзубан

не. — Необходима подсказка? Да — 0, нет — 1. Сколько примеров ты хочешь решить?»

«Два».

«Это несерьезно, — замечает компьютер, — возьми хотя бы 5. Делится ли число 6889 010 на 3?.. Умница! Делится ли 513 987 на 3?.. Ты считаешь почти как я, — удивляется компьютер, — ну-ка еще один: делится ли 9726 837 на 3?..»

«1» (то есть нет).

«В мое время за такие ответы сдавали на металлолом! Сообщи тебе признак делимости на 3?.. Ну вот, а еще отказываешься. Посмотри, где ошибка. Сообщи сумму цифр этого числа. Правильно. Делится ли оно на 3?.. О, как мне плохо, — жалуется компьютер, — признайся, ведь ты не знаешь таблицу умножения, признайся, я никому не скажу».

Я не удержался, тоже сел за компьютер и буквально замучил его неправильными ответами. Он охал и ахал, жаловался, что у него от моих ответов чешется микросхема, предлагал подсказки, пробовал меня так и этак, и когда, наконец, я осилил все-таки задачу для шестого класса, на экране загорелось большими буквами: «ПОТРСАЮЩЕ! ПОТРСАЮЩЕ! ПОТРСАЮЩЕ!» Одиннадцать раз. «Ты хорошо поработал, — сообщил компьютер, — и честно заслужил оценку «2». Хочешь еще порешать?» Я не захотел, и он вежливо попрощался: «ДО СВИДАНИЯ, ДО СВИДАНИЯ, ДО СВИДАНИЯ...»

Дети засмеялись. Я подумал о том, что им все-таки повезло. Умный программист, говоривший с ними через машину, передавал вместе со знанием какую-то систему ценностей: доброту, улыбку, терпеливость учителя, его равенство с учеником — все, что

характеризует настоящую педагогику — не машинную, но о чем машина напоминала учителю и ученику, возбуждала желание стремиться к этому.

И они стремились. Я видел программы, написанные группой ребят, в их числе девятиклассниками Сашей Измаденовым и Женей Берсеневым: «Таблица умножения» для второго класса, «Делимость на 3» для четвертого, «Полет в космос» для восьмого. В сравнении с отлаженными программами профессионалов эти, ребячьи, были угловатыми, сбивчивыми, неровными, как первые юношеские стихи, но я знал: общаясь с компьютером, подросток растет быстрее. Я представлял недалекое будущее сельских школьников вполне отчетливо и реально, потому что уже видел его в московском Свиблове, в компьютерном кружке Министерства просвещения СССР.

Представьте себе обыкновенных из окрестных школ мальчишек 12—13 лет, которые сидят по кругу за персональными компьютерами и торопят руководителя: пожалуйста, побыстрее. Руководитель рассылает из «банка памяти» программы. «Это не моя! — жалуются расстроены шестиклассник. — Моя сигма девять». Я не сразу сообразил, что на экранах дисплеев собственные программы ребят по физике, геометрии, игровые, музыкальные, литературные. Справочники, летательные аппараты, мосты под нагрузкой... Не сразу осознал, что дети не только учатся и играют, а занимаются производительным трудом, результаты которого сегодня на мировом рынке ценятся выше станков, приборов, даже самих компьютеров.

В этом дисплейном классе мальчишки предпочитали собственные программы чужим. Один сделал свой графический редактор, хотя имелся японский с фирменным знаком. Ну это еще было бы понятно — сам же сделал! Удивляло другое: к программе, составленной за соседним компьютером, ребята относились с большим доверием, чем к чужим. И мне подумалось: быть может, детство моделирует что-то очень существенное для нашей взрослой жизни — союз науки и производства, взаимоот-

ношения со смежниками, личную ответственность и инициативу. И эти же самые школьники порой изымают от бездарного ученичества, пустопорожней болтовни, безделья ума и рук.

Конечно, многое зависит от программиста. Мы все — программисты. Мы программируем детей честными, добрыми, отзывчивыми, почему же так часто результаты не соответствуют задуманному? Может быть, мы вставляем не те кассеты: хотим воспитать тружеников, а используем программы для бездельников, проектируем граждански активных, а включаем алгоритмы социальной безответственности? Сколько еще детей не включены в реальные общественные отношения, реальный современный труд, реальный анализ результатов деятельности? В деятельности не включены, а повседневностью перегружены. Пять институтов Академии педагогических наук СССР констатируют: перегрузка во всех классах, половина учеников не успевает выполнить домашнее задание. А конфликты, а рост психоневрологических отклонений? А неразвитость мышления, угасание любознательности? «Устойчивый интерес, — читаю в академическом отчете, — обнаружен всего у 14% учащихся», даже при усовершенствованных программах «творческая сторона мышления имеет тенденцию к снижению...». Может быть, поможет компьютер?

В вычислительном центре Уральского университета мы с сельскими учителями садились за клавиатуру, пытались понять что же ему под силу. Мы водили машину, стараясь не врезаться в выскакивающие из-за поворота гудящие автомобили, вступали в бой с летательными аппаратами начиная с конструкции 1910 года, уворачивались от падающих балок, легкомысленно тонули на ярко-зеленой лужайке — игры были не наши, но, по словам специалистов, развивали пространственно-двигательную ориентацию. Мы учились письму и счету, осваивали электроцепь и закон всемирного тяготения: на экране дисплея загоралась Вселенная, и ракета, выполняя команду, падала на земной шар, вращалась вокруг него или уходила в немыслимую даль. Это была отечественная программа для восьмого класса, и освоение космических скоростей занимало в ней 3—4 минуты вместо сорока пяти. Мы наблюдали невидимое: расщепление ядра и мир глазами муравья,

вычисляли интегралы и угадывали число, а компьютер — наш день рождения.

Что же такое компьютер: заместитель преподавателя? Долгожданная индивидуализация — по способностям, характерам, интересам? Диалог, логика, выбор оптимальных решений, неслыханный ускоритель познания? Кто же может ответить наверняка? В большинстве школ компьютеров пока нет. Но они будут, должны быть. Потому что альтернативы у нас нет. Мы должны неотложно обеспечить компьютерную грамотность учащихся. На Урале пошли таким путем: наука взяла на себя программы, вычислительные центры предоставили машины, народное образование организовало ликбез, комсомол выслал десант.

«Посетили компьютер всей семьей»

Идею компьютерного десанта студентам подсказал академик Николай Николаевич Красовский: время изменилось, сегодня селу нужна не только агитбригада с гитарами, но и инженеры с компьютерами. Обком комсомола сформировал компьютерный десант: студенты политехнического, педагогического и архитектурного, молодые ученые Института математики и механики. В составе десанта наметили три эшелона. Задача первого — пропаганда компьютера на селе, второй эшелон должен оборудовать в школах дисплейные классы, третий — обеспечить программы и наладить обслуживание.

И вот десант приступил к действиям, маршрут — две тысячи километров. Что-то вроде передвижной избы-читальни, обьезжавшей двадцать сел: автобус, двенадцать молодых людей и компьютерный комплекс. Уложили в ящики три персональных компьютера, калькуляторы, микропроцессоры, книги и картины, написанные ЭВМ, и поехали.

Из документов компьютерного десанта: «Обследование показало, что до приезда десанта во всех школах отсутствовали средства вычислительной техники и не было намерения их приобрести. Микрокалькуляторы в колхозах и совхозах находятся в нерабочем состоянии». Это как раз не было неожиданностью, говорили мне члены десанта, хуже другое. «Село Ильинское.

чик.

Руководитель компьютерного десанта Сергей Карасев: «Каждый из этих ребят сможет стать колхозным программистом».

Школа имеет неопрятный вид. Практически отсутствуют наглядные пособия. Село Б. Брусняны. Обследование школы не проведено, так как учителя не пришли на беседу в 15.00.»

Я читал и думал: если бы в тринадцатый век приехал обыкновенный автобус, как его приняло бы местное население? Очевидно, непросто, но сейчас не тринадцатый: телевидение, свет, все читают газеты, почему же учителя оказались неподготовленными? «Это от культуры зависит, не от формального образования,— размышлял руководитель десанта инженер Сергей Карасев.— В одном селе пришел старый счетовод, старый-престарый, я, говорит, всю жизнь со счетами проработал. Мы ему: дедушка, садитесь, не бойтесь. А я, говорит, не боюсь. Сел, поработал. Молодцы, говорит. И пошел...»

В Ильинском подстанции сидели на дереве и заглядывали в окно. Но один все-таки слез, чего-то сообразил и привел компанию: «Мужики, сейчас будем домашнее задание делать!» И за два часа они прорешали ползаданчика.

Бойцы десанта считали, что проект «Одуванчик» удался. Желтый одуванчик, нарисованный на стекле автобуса, у него четыре тысячи семян-зонтиков, до стольких сельских школьников долетел компьютер. Даже на одну тысячу больше. «Нам очень понравились все машины. В игре «Вася» машина была очень хитрая, но мы ее перехитрили. 4-й класс «Б». «Дорогие старшие друзья! Мы очень благодарны вам за то, что вы к нам приехали. Приезжайте еще, и мы вместе сделаем машину, которая сможет показывать движения танцев. 8-й класс». «Знаете, многие считают, что школьник должен быть разносторонне образованным, и мне кажется, что с помощью компьютера этого

удастся добиться. Наташа, село Бруснянское». И еще за компьютером посидели учителя, хотя бы по одному на школу, те, которым предстояло внедрять новый предмет. «Впервые в натуре увидела ЭВМ, поняла, что будущее за ними». И родители: «Посетили компьютер всей семьей. 5 человек. Приезжайте еще!»

И руководители хозяйств, за компьютер они не садились, но лекцию о компьютерной революции выслушали. И в большинстве случаев договорились хотя бы об обыкновенном микрокалькуляторе. А я думаю — предложить бы ЭВМ задачу: есть ли связь между полуразрушенным школьным зданием и убыточным колхозом, отношением к детскому компьютеру и своему будущему? Видимо, есть. Из отчетов десанта ясно: подозрительно отнеслись к компьютеру те руководители, у которых в графе «Что планируете по интенсификации производства?» — пусто.

Научим мыслить или убьем фантазию?

Школьный компьютер на Урале всколыхнул невиданные страсти. Ему посвящались заседания партийных комитетов и ученых советов, сельские сходы и производственные совещания, сборы энтузиастов, профессионалов, любителей. Обком комсомола объявлял конкурс на лучшую обучающую программу. Знаменитый Свердловский молодежный жилищный комплекс закладывал школу-комплекс на 2800 учеников, управлять ею собирались с помощью компьютеров. Раздавались озобоченные голоса: а как же классно-урочная система, воспитание через коллектив,— компьютер

встанет между учителем и учеником, вы можете предсказать, что будет? Взлет интеллекта, новая культура труда,— убеждали другие,— с помощью ЭВМ будем готовиться к родительским собраниям. Опасно.— говорили третьи,— научим логически мыслить и убьем фантазию, приучим отвечать и не задавать вопросов. О чем вы?— недоумевали четвертые,— компьютер освободит время для творчества.

Схлестывались стратегии: ликбез и проекты на третье тысячелетие, компьютер на ферме и клуб компьютероманов.

— Мы находимся сейчас будто в революции,— говорил мне начальник вычислительного центра Сергей Васильевич Терентьев.— Расслоение. Не все понимают, даже инженеры. Но главная опасность, считал академик, Герой Социалистического Труда Николай Николаевич Красовский заключалась в словесной трескотне, подмене реальных перестроек разговорами о них. Без машин компьютерная революция превращалась в оторванное от жизни алгоритмическое чистописание. Но и в тех школах, где компьютер уже был, он порой превращался в мертвый груз, принадлежность образцового кабинета, куда водили министра. Не были подготовлены ни педагогическая наука, ни органы образования, и уроки информатики висели в воздухе, без всякой связи с другими предметами. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии М. С. Горбачев говорил, что «... темпы и глубина реализации предусмотренных реформой мер еще не могут удовлетворить нас. Интересы дела требуют более глубоко поставить изучение научных основ современного производства, ведущих направлений его интенсификации. И что особенно неотложно, обеспечить компьютерную грамотность учащихся».

И бабушкам, и внукам интересно в кабинете у преподавателя информатики Раисы Михайловны Миниахметовой.

Николай Николаевич Красовский настаивал: надо незамедлительно создавать центры компьютеризации, чтобы охватить массы. «Все-таки после революции,— говорил он мне,— грамоте учили всех, мы — не рабы, писали, рабы — не мы. Worse учили, лучше, больше, меньше, но всех». Он торопился и обрывал разговор. И я шел за ним по коридору Уральского университета, первого центра школьной компьютеризации, где за дисплеями сидели учителя, набирали на клавиатуре первые слова, учились грамоте, письму, счету, и все это напоминало 20-е годы: ликбез и программы трудовой школы, определяющие стратегию ее развития на столетие. Я смотрел на школьных преподавателей, сидевших за пюльтами, казалось, что компьютер, как лакмусовая бумажка. У части учителей машина вызвала детское удивление, стремление к совершенствованию. Они обнаруживали новизну того, о чем рассказывали ученикам столько лет, обнаруживали неполноту собственного знания. «Вот странно,— удивлялся заслуженный учитель,— закон знаешь, а применить не можешь». Но больше всего беспокоили те, кто поглядывал на часы. Стоило ли давать им компьютер? Начальник ВЦ Терентьев считал, что необходимо: компьютер перестроит психологию учителя. «Знаете, как они впервые смотрят на него?.. Как на Мону Лизу». Что ж, компьютер удивлял, но его «улыбка», считали программисты, приходит в противоречие с «комплексом исполнительности», с этой тяжелой учительской привычкой работать по директивам. Парадокс, но освоение компьютера требовало не пассивной исполнительности, а иного типа мышления, решительности, инициативы.

Геннадий Васильевич Сыков привозил сюда школьников на совхозном автобусе из Белоярского района, не было автобуса — на электричке, встала бы электричка, пришел бы пешком. Сыков был в числе тысячи учителей, уже обученных, но возвращался, каждые две недели возвращался. Многие, кстати, возвращались. Сыков работал с компьютером не спеша, будто кошу точил, и его ученики тоже сильно отличались от городских. Программисты считали, что дело не в городских и не в деревенских, а в Сыкове — у него же в школе кабинет модульный, лингафонный, пюльты, как на атомной Белоярской. Я думал, может быть, они правы, иначе почему работают по одной программе, а результаты противоположные? Как объяснишь, почему в этом классе относятся к машине по-человечески, а в том — как будто открывают ногою дверь, у этих — аккуратность, у тех — небрежность, здесь — любознательность, там — снобизм.

Все-таки я спросил у Сыкова, зачем ему компьютер. Он ответил: «Я говорил со своим директором совхоза, давайте приобретем. С удовольствием, говорит, да нет денег. Хозяйство у нас убыточное,— пояснил Сыков.— Пять с половиной тысяч отдавали. А сейчас три. Почему?» Он сделал запрос, и компьютер рылся в громадной памяти... «Вот,— говорил Сыков,— освоим машину, заставим директора приобрести. Будут и у нас программисты в хозяйстве».

Я ходил по классу и присматривался к будущим совхозным программистам. Что давал им компьютер? «Обычно считаешь по формуле, и все, а тут сами программу составляем, и как-то на другие предметы переносится», — поясняла мне девятиклассница Рая Халимова. «Что переносится?» — допытывался я. «Соображение», — удивлялась будущая учительница начальных классов. Люда Малышева пока

не решила, будет ли она агрономом или зоотехником, но летом работала дояркой на ферме, поэтому в программе, которую составляли в классе, появлялись реальные данные: сколько доярок выполняют норму, если... Программист, который вел урок, не знал этого «если», а Люда знала: и сколько надаивают за сутки, и сколько за год, и почему не у всех слова сходятся с делом. Я не знаю, кто из учеников Сыкова станет первым совхозным программистом, но то, что они принесут с собой иные требования и иные решения проблем, очевидно. «Допустим, на ферме стоит компьютер...» — диктовал задачку программист.

В сторону человеческого

В селе Грязновском он уже стоял. Члены компьютерного десанта объясняли мне, что Грязновское оказалось первым из-за типичности: ни выдающегося, ни плохого — обыкновенное село с обыкновенной школой. Именно поэтому все, что происходило здесь, имело огромное значение для других. А что происходило? В Грязновском появились два компьютера и изменился взгляд, требования к жизни. Внешне еще ничего не изменилось, но система требований уже была иной.

— Да, прогресс. Тридцать лет назад,— рассказывал директор птицефабрики Владимир Евгеньевич Зарывных,— подвешивали крапиву, и куры, прыгая, склевывали витамин, а в деревне Чудово ночью зажигали свет — и второе яйцо несли. Не было тогда реле времени. Но сейчас же есть! Пробовали, говорят, автоматику — убирать помет, да не вышло,— ждут теперь инженера из Челябинска.

Полсотни человек с высшим образованием на фабрике ждут, полтора года — со средним специальным. «Вот придет барин — барин нас рассудит...» Странно, барина в Грязновском никогда не было, тут проживали государственные крестьяне, занимавшиеся хлебопашеством, но приписанные к уральским заводам. Знавшие кандалный звон каторжников, останавливавшихся тут на ночлег, и сами яростно бунтовавшие — «картофельным бунтом» тысяча восемьсот сорок второго года. Выстроившие железную дорогу от Екатеринбурга до Тюмени, преодолевшие безграмотность и создавшие первую коммуны... Много тут чего было, и Владимир Евгеньевич Зарывных, испытывавший и войну, и разруху, никогда не надеялся на барина, кто бы им ни был — районное начальство, проверяющий из треста; компьютер...

Да дело, может, и не в компьютере, в конце концов это только железка, обостряющая наш интерес. Я расспрашивал в Грязновском: есть ли у вас интересные люди? Не знаем, отвечали учителя, бригадиры, у нас все одинаковые. Вы не поняли, добывался я, ну есть же в селе человек, мастерит что-нибудь необычное, песни поет по-своему, с ребятами возится. «Не знаем,— говорили люди,— у нас все одинаковые». Я ходил по селу, приглядывался: к старым измам с любовно вырезанными личниками, к новым домикам со всеми удобствами. Смотрел, как вечером в клубе под плакатом топчется подвыпившая молодежь — одинаковые механические движения. Я пытался понять, почему перестроенный из церкви клуб, где когда-то выступал Ю.Б. Левитан, превратился в печальную развалину, неужели из-за одной балки, которая выпирала из гнезда, а некому было ее вправить? Неужели все одинаковы: один из бывших председателей, выстроивший уборную на фасадной стороне улицы, и

другой — Зарывных, проложивший асфальтовые дорожки к каждому двору. И Ираида Федоровна Асинцева, бывший председатель колхоза. В январе пятьдесят четвертого, в первый год ее председательства, начался падеж скота. Надо было продергаться до весны, и они разгребали кучки соломы из-под снега и всю зиму рубили лес, строили — женщины, дети и несколько мужиков. Вышло, что за два года, при тогдашних технологиях, на сушеной крапиве и мягкой подстилке из разваленного хозяйства вышло первое в районе. Она рассказывала, а я пытался понять, как же они решали эти задачи, неподъемные, творческие по любым меркам, что помогло их решить: счеты, знания школы второй ступени, то, что «люди со мной были хорошие»? Что было в том, докомпьютерном решении: интуиция, логика, ответственность поколения? Разве мы сейчас все безответственные, ведь находит одно решение, будет думать, учиться у черта, дьявола, ночью спать не будет, а найдет. А другого никакой ангел-компьютер не проймает.

«Почему ты провалил план,— спросит машина,— помешала комета Галлея? Да — 0, нет — 1».

И он схватится за комету, за ноль...

Разве дело в логике — и нам не хватает логичных решений? В девяти километрах от Грязновского, в двух — от шоссе на трассе находилась дивная деревушка Чудово. Это самое Чудово тридцать лет назад отдало своих девушек на ферму и птичник, подняло убыточное хозяйство, а теперь оказалось брошенным на произвол судьбы. Со всеми своими восемью жителями. В столичной школе я рассказывал семиклассникам об этой деревне и ставил задачу: два населенных пункта, а денег столько-то: куда и на что расходовать? Где больше народу, уверенно отвечали семиклассники, не будешь же тратить из-за восьмерых. Практично отвечали, логично, убедительно, как те программисты, что некогда разделили жизнь на полезную и никчемную, это уж потом задним умом поняли, что ошибка, страшная ошибка в расчетах, которые учли все, кроме человека. Это уж потом поняли, что совестливое решение в конечном счете оказывается самым экономичным, что надежная экономика не бывает бессовестной.

* * *

Надо учиться, учиться набирать на клавиатуре, готовить пользователя нового мира, который уже заглядывает в окно. Загоздила в «пользователе». От какого он корня: от дающего пользу или забирающего? На что мы рассчитываем, приближая компьютерный век: на общественные блага, которые польются потоком, на ЭВМ, обслуживающую нас с головы до ног? На заводы-автоматы, где нечего делать, тепло, уютно... Ладно, это пока фантастика, а что — нет? Я расспрашивал Игоря Иосифовича Логвинова, директора главного информационно-вычислительного центра Министрства просвещения СССР: могут ли создать программу, которая будет пересказывать учебник, проверять тетради, вызывать к доске, спрашивать, ставить отметки? Могут хоть сейчас, алгоритмы известны, неизвещено, как примут в школе... Нам многое пока неизвестно. Например, чем будут заниматься дети, вступив через пятнадцать лет в мир, сильно отличающийся от нынешнего. Соревноваться со справочно-информационной системой, пережимать робота? Что же такое компьютер и для чего он нам?

(Окончание на 30-й стр.)

Вечер в домашнем кругу

СЕМЕЙНЫЕ ЧТЕНИЯ

Лучшее, что есть на

Отрывки из дневников Льва Николаевича Толстого и Софьи Андреевны Толстой относятся к первому и, по-видимому, самому счастливому десятилетью их общей жизни. Она была долгой и трудной, эта жизнь. Долгой, трудной, необычайно плодотворной, необходимой. Великий писатель и великая женщина обрели себя—в семье, через семью.

Любовь—вот слово, которое чаще всего звучит со страниц дневников. Что кроется за ним? Трепетное и нежное отношение друг к другу, пристальное внимание к душевным движениям—своим и любимого человека, обостренная совестливость. За долгие годы жизни они не утратили этих прекрасных чувств, и если были в их судьбе и раздоры, и конфликты, то все же каждый честно старался признаться в своей неправоте, раздражительности или несправедливости.

Дневники Л. Н. Толстого и С. А. Толстой—не только документ их личных биографий, но и урок добра, привязанности, любви.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ. «Вы не любите»,—она говорит, и мне так смешно и радостно.

...И утром то же сладкое чувство и полнота любовной жизни... Кто-то заговорил, и мне показался ее голос.

...Ехал и думал: либо все нечаянно, либо необычайно тонко чувствует, либо пошлейшее кокетство... либо и нечаянно, и тонко, и кокетливо... Никогда так ясно, радостно и спокойно не представлялось мне будущее с женой.

СОФЬЯ АНДРЕЕВНА. Всегда, с давних пор, я мечтала о человеке, которого я буду любить, как о совершенно целом, новом, чистом человеке. Я воображала себе, это были детские мечты, с которыми до сих пор трудно расстаться, зато этот человек будет всегда у меня на глазах, что я буду знать малейшую его мысль, чувство, что он будет во всю жизнь любить меня одну, что, не в пример прочим, мы бба, и он и я, не будем перебиваться, как все перебивается и делаются солидными людьми.

Л. Н. Неимоверное счастье. И опять она пишет подле меня. Не может быть, чтобы это все кончилось только жизнью...

С. А. Я только что была не в духе и сердилась за то, что он все и всех любит, а я хочу, чтоб он любил меня одну. Теперь пришла и одна рассудила, что я капризничаю опять; он и хорош своею добротою и богатством чувств... Как я только подумаю, вот я люблю того-то или то-то, сейчас оговорюсь, что нет, люблю одного Лёвочку. А надо любить непременно еще что-нибудь, как он любит дело...

Л. Н. Люблю, когда мы долго одни и я говорю: что нам делать? Соня, что нам делать? Она смеется. Люблю, когда она рассердится на меня и вдруг, в мгновение ока, у ней и мысль и слово иногда резкое: оставь, скучно; через минуту она уже робко улыбается мне. Люблю я, когда она меня не видит и не знает, и я ее люблю по-своему. Люблю, когда она девочка в желтом платье и выставит нижнюю челюсть и язык, люблю, когда я вижу ее голову, закинутую назад, и серьезное и испуганное, и детское, и страстное лицо...

С. А. И как я могу только делать ему что-нибудь неприятное. Все думала я... как бы мне сделаться лучше для него. Любить его я не могу больше, потому что люблю его до последней крайности, всеми силами, так, что нет ни одной мысли другой, нет никаких желаний, ничего нет во мне, кроме любви к нему. И в нем ничего нет дурного, ничего, в чем я хоть подумать бы могла упрекнуть его.

Л. Н. Я все тот же. Так же недоволен часто собой и так же твердо верю в себя и жду от себя... Еще бы я не был счастлив! Все условия счастья совпали для меня.

С. А. Неужели, кроме дел денежных, хозяйственных... ничего и ничто его не занимает. Если он не ест, не спит и не молчит, он рыскает по хозяйству, ходит, ходит, все один. А мне скучно—я

одна, совсем одна. Любовь его ко мне выражается машинальным целованием рук...

Л. Н. Она не знает и не поймет, как она преобразовывает меня, без сравнения больше, чем я ее...

Я ее все больше и больше люблю. ...Я испытываю давно не испытанное сначала чувство уничтожения перед ней. Она так невозможно чиста и хороша и цельна для меня. В эти минуты я чувствую, что я не владею ею, несмотря на то, что она вся отдается мне. Я не владею ею потому, что не смею, не чувствую себя достойным...

А я счастлив. Тут и надо работать над собой. И немного нужно, чтоб закрепить это счастье: 1) порядок, 2) деятельность, 3) решительность, 4) постоянство, 5) желание и делание добра всякому...

Я думал, и что стареюсь, и что умираю, думал, что страшно, что я не люблю... Я проснулся, мне кажется.

С. А. Ужасно хочется всех любить и всему радоваться, но если кто дотронется до этого чувства—все рассыплется. Вдруг такая нежность к мужу, доверие, любовь, может быть, оттого, что вчера пришло в голову, что могу ведь и его лишиться. Нынче тем более уверилась, что не могу и не буду, ни за что не буду думать об этом. И слушать не стану, если кто заговорит, и его не стану слушать... Теперь я радуюсь своей радости, и мне веселее всех.

Л. Н. Отношения наши с Соней утвердились, упрочились. Мы любим, то есть дороже друг для друга всех других людей на свете, и мы ясно смотрим друг на друга. Нет тайн, и ни за что не совестно. Я начал с тех пор роман, написал листов десять печатных... (Роман этот потом будет назван «Война и мир».—Ред.)

Последний раздор оставил маленькие следы (незаметные)... Каждый такой раздор, как ни ничтожен, есть надраз—любви. Мгновенное чувство увлечения, досады, самолюбия, гордости—пройдет, а хоть маленький надраз

свете

останется навсегда и в лучшем, что есть на свете, в любви. Я это буду знать и беречь наше счастье...

С. А. Вообразить можно все — тысячи разных миров, жить надо в самом тесном кружке. Я свой полюбила, мне ничего не надо, он от своего устал и опять стал желать... А трудно жить, железной надо быть. И рассчитывать надо, как жить. Прежде, не замужем, я рассуждала умно, что самое лучшее прожить не любя. Знала себя, что любить мало не могу, любить много — трудно... Я сама надрезаю... Каждый надрез отнимает у меня жизни, т. е. отнимает немного силы, немного молодости, энергии... И не починишь никогда этого надреза. Беречь надо его любовь.

Л. Н. ...Мне недостает (все это время) — сознания, что сделал все, что должен был, для того, чтобы вполне наслаждаться тем, что мне дано, и отдать другим, всему, своим трудом за то, что они мне дали.

С. А. Вчера Левочка говорил, что чувствует себя молодым, и я так хорошо поняла его. ...Он сказал, что чувство этой молодости значит: «я все могу». А я все хочу и могу...

Дети — это мое самое большое счастье. Когда я одна, я делаю гадка сама себе, а дети возбуждают во мне всевозможные лучшие чувства. ...С детьми я уже не молода, мне спокойно и хорошо.

...Левочка нынче стал ласковее... Я переписываю ему и рада, что полезна чем-нибудь.

Л. Н. Я часто боялся, думал — у меня ничего не останется целого; но вот я стареюсь, а у меня целого и невредимого много, больше, чем у других людей... Давно я более не разрушаю; а целыми остались у меня непоколеблены — любовь к одной женщине, дети и всякое отношение к ним, наука, искусство — настоящие, без соображений величия... и все? Это ужасно много.

Коплы — жанр старинной испанской поэзии. Он был распространен и по сей день живет во всей Испании. Существует множество циклов этих четверостиший. Обычно они исполняются под музыку, и каждый исполнитель складывает их в некой последовательности, напоминающей по внутреннему строению небольшие поэмы.

Перед вами андалузские коплы XV—XVI веков. Это первая их публикация на русском языке.

КОПЛЫ

1

Ночь спокойная такая,
что не слышен шорох в листьях.
Если бы была такая
тишина в душе и в мыслях!

2

Есть две лесенки стеклянных,
чтобы в сердце по ступеням
восходить моим печалям
и спускаться утешеньям.

3

Если бы моим печалям
встретились твои печали,
как они бы говорили,
как друг другу отвечали!

4

Птица с ниточкою в клюве,
ты летишь легко и дивно.
Дай мне нитку, чтоб пришилось
сердце к сердцу неразрывно.

5

На горе я дом построил,
говорили — темный, тесный,
а вошел — и все светилось
красотой твоей небесной.

6

Как любовь твою делять,
как бы ей не дать остынуть?
Не пускать, вести за ручку
или самому загинуть?

7

Разбиваются о камни
волны в бурном океане,
как о сомкнутые губы
бурное мое лобзанье.

8

Не нужна другая роскошь,
только б видеть сны с тобою
и чтоб было изголовье
убрано твоей косою.

9

Я люблю сильнее жизни,
крепче всех родных и милых,
горячей земли и неба.
И сильней любить не в силах.

10

Все твердит, твердит мне сердце:
— Умираю, умираю!
— Исповедуйся скорее, —
я на это отвечаю.

11

Как иду я по мосточку,
вижу — ты белье стираешь
и со всей своей красою
вниз по речке уплываешь.

12

А любовь твоя, как речка,
вниз по ней бежит водица,
набегает, убегает
и вовек не возвратится.

13

Поцелуй, вздохи, стоны,
слезы, что текут упрямо,
отчего идут — известно,
а куда идут — незнамо.

14

Я услышал грустный голос
в тишине, без повторенья.
— Кто зовет меня? — спросил я.
И в ответ услышал: — Время.

Перевод Д. САМОЙЛОВА.

Ш

офер все поглядывал на нее искоса, а потом притормозил автобус и сказал:

— Выходи за меня замуж.

Она посмотрела на него внимательно — кажется, клинцовский, с центральной усадьбы, а может быть, и нет — в Клинцовке народу много.

— Я и не знаю тебя, — сказала тихо.

Он торопливо полез в карман, достал паспорт: смотри, читай.

— Володей меня зовут. Так как, выйдешь?

— Нет у меня ничего. Ни дома, ни коровы, — сказала она. — И детей двое.

...Шестнадцать ей было, когда демобилизованный солдат увез городскую девочку из Усть-Каменогорска к себе на родину, в деревню под Саратов. Ехала с ним, ничего не боялась — пускай глушь, пускай деревня и читанное только в книжках слово «степь».

Распаковав два легких чемоданчика, стали жить. Толя по делам ушел, а она решила обед приготовить. Положила в кастрюльку картошку с капустой, поставила на плитку, а закипела вода, выключила. Сидела гордая, ждала мужа: щи сварила, как настоящая жена! Толя «щи» попробовал и улыбнулся: «Давай лучше чайку попьем». Жизнь складывалась легко, во всем было ощущение удачи, даже в том, что королева Наде терпеливая попала — стояла спокойно, пока по часу, по два Надя надаивала полведра... Но все смешные и добрые воспоминания с гибелью мужа потеряли всякий смысл. От них только ныло помертвевшее сердце. Похоронила мужа, похоронила и молодую жизнь.

Ходила молчаливая, тихая, равнодушно делала домашнюю работу. А в ответ на вопрос в глазах дочки говорила, что отец уехал далеко-далеко и вернется не скоро. Забегали соседи, подбадривали кто чем: это сочувственным словом, кто редким в этом краю апельсином. Надя делила апельсин между Светкой и годовалым Сережей, Светка совала свою половину матери. Однажды соседская бабушка Мотя подарила Светке платье: «Это тебе от папы». «У меня нет папы», — сказала Светка. Жизнь их словно замерла на одной горестной ноте и никуда дальше не двигалась. К Наде приехала мать, они вместе все не могли решить: ехать, не ехать на родину, вроде бы уже на узлах сидели и все не трогались с места. И вдруг это: «Выходи за меня замуж...»

На следующий день он примчался за Надей в Любичкое. Надя твердила: «Нет». В этом «нет» были все резоны: и не знаю тебя, и не люблю, и что люди скажут, словом, «нет и нет». Только одно ей было непонятно и мучило сомнением. Володя — парень видный, серьезный, с делом в руках, непьющий, как люди говорили. Чем не жених для любой совхозной девочки! А уж какая она невеста?! Исхудавшая до крайности, до какого-то детского размера, с лицом, почерневшим от бессонницы, невеста во что одетая. Да еще без профессии, с годовалым Сережей и четырехлетней Светкой на руках. Почему он звал ее замуж? Из жалости звал, может быть, даже из любви — еще не к ней, к Наде, а к ее так внезапно разрушенной молодой жизни. Надя не знала, где он ее приметил, как понял на расстоянии, что с ней творится.

Она говорила «нет», сто раз «нет» и, может быть, один раз «да» и снова «нет». Но Володя словно бы ее и не слышал.

ПОПУ

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЛЮБВИ

Под Новый год он увез Надю в Клинцовку. Там, у Володиных родителей, осталась жить — не жена еще, не сестра, не дочь. Но в первый раз, не дождавшись боя курантов и наступления Нового года, она после долгих бессонных ночей заснула.

Они и не говорили почти ни о чем. Володя только ходил за ней, как за больными ходят, и все одно твердил: «Разве не слышала, в поселке Янтарный один женился на четверых детках. Знаешь, что жена его говорит, когда автобуса ждет с ними из города? Смотрите, мой-то с четверыми катит!» Надя пожимала плечами, расписываться и идти не хотела — людей стыдно. Но через две недели после Нового года он ее за руку притащил в сельсовет. Так, сквозь слезы, и вышла замуж, стала Надеждой Шейной.

Ни песен, ни плясок, ни шампанского, ни платья белого — никаких примет будущего счастья. И до счастья, казалось ей, никогда не дожить.

-А э-ро-би-ка, — произносит Володя со вздохом, и видно, что к этому слову он настроен враждебно.

— Понимаете, — объясняет терпеливо, — она же многодетная мать. Какая ей аэробика?

А на Надю смотришь — скорее похожа она на старшую сестру своей десятилетней Светки. Аэробика, хор, танцы к Наде как раз прикладываете легко, а вот четверых детей... Да, теперь уже четверых.

— Многодетная мать, и туда же, петь, танцевать, как маленькая, — продолжает хмуро Володя.

— А бабушка Орлова тоже маленькая? — переспрашивает, смеясь, Надя. — Ей за семьдесят, а лучше всех в Клинцовке поет.

— Ты скажешь, — не соглашается Володя. — Лучше всех Люба Третьякова поет. Запоет «Лучинушку», в землю вырастает.

Надя смотрит на мужа с ласковым сомнением.

— Как всех детей вырастим, я стану такой же бойкой бабкой, как Орлова, вот увидишь! На репетиции каждый день бегать буду, петь выучусь. Эх, скорей бы бабкой стать!

Володя глядит на жену недоверчиво, видно, не верит, что когда-нибудь его Надежда станет бабушкой. А Надя — такая у

нее манера — тут же и от своих же слов бросается мужа защищать:

— Пускает, пускает он меня на репетиции. Я упрошу, он и отпустит. — После паузы: — Правду сказать, какая из меня певица, я и петь во весь голос стесняюсь. Танцую еще ничего. А аэробика наша, к его счастью, развалилась.

Порой большие Надины глаза смотрят куда-то мимо, поверх чужих взглядов, сама она словно застывает на минуту, и в глазах что-то застывает, потом это проходит, и снова Надя веселится, рассказывает что-то, что-то вспоминает по ходу рассказа, тормозит молчаливого мужа, вызывая его на противоречивый разговор, и тут же сама в этом разговоре себя с ним мирит.

— Вот джинсы, — говорит она как бы между прочим, в раздумье. — И джинсы можно надеть. Как, Володя?

— Многодетная мать — и джинсы! — Больше у него нет слов.

— Ну, не буду, не буду, — сразу соглашается Надя. — Вот когда ты мне разрешишь, тогда и надену.

— Он мне все разрешает, — между прочим сообщает она и, видя, что муж почти что рассердился, быстро перестраивается: — А вообще у нас в доме все, как он скажет.

По весне разливается Большой Иргиз, на котором стоит районный Пугачев. Заливает дамбу, яблоневые сады на другой стороне реки стоят по колено в воде.

Люди переправляются через Иргиз на лодках. Маленькая речка, несудоходная, но на месяц-полтора при большой воде связь между городом и деревнями замирает. В эту пору Надя скучает в своем магазинчике. Смотрит на свежепобеленные стены, и чистота ее не радует. Скорей бы Иргиз спал и привезли в магазин яблоки, мясо. Вот смеху было, когда крохотное помещение завалили ящиками с виноградом. Надя уверяла, что не съест ее деревня столько винограда, но привезли, сгрузили, и — делать нечего — стала продавать. Весь день продавала, а потом перебирала, ни одной гнившей ягодки не оставила. Пришла наутро — баюшки, снова испортился. Так продавала и перебирала целую неделю, получила от людей даже временное прозвище — Надя-Виноград. И магазин

ТНЬИЙ АВТОБУС

пришлось по новой белить. Лишняя работа? Но так веселей, чем тосковать над мешками с мукой и вышедшими из моды туфлями.

Народ, правда, всегда заходит.

— Надя,— привычно подшучивают,— посмотришь на тебя, в чем душа держится, где ты себе такого мужа отхватила?

— А не терялась,— отвечает Надежда.— Он мне паспорт показал, я и вышла.

— Ты, видно, Надя, несовременная женщина, учиться не собираешься.— Это совхозный парторг, Петр Иванович Шляпников.

— Почему же, Петр Иванович?— не соглашается Надя.— Я мечты своей не теряю.

— Какая же у тебя мечта?

— Готовить хочу научиться.

Парторг округляет глаза:

— Ты что ж, Надя, мужа не кормишь?

Надя машет рукой:

— Кормлю, конечно. Щи — так хоть неде-

лю щи, он у меня не капризный. Тут хотела его лапшой куриной побаловать, стала по двору за курицей бегать, еле поймала, она у меня из рук вся разлетается, а я ей: ой, ты миленькая моя, ой, хорошенькая, потерпи немножко. А потом опомнилась, что ж я горожу, сама голову ей рубить собралась, и «миленькая»... Я ведь городская, Петр Иванович, непривычная...

— А голову-то отрубила?

— Ой, отрубила,— вздыхает Надя.

«Да,— думает в это время про себя парторг.— Некоторые деревенские не знают, с какой стороны к корове подойти... Ничего себе, городская».

Он уже выходит из магазина, но в дверях вдруг вспоминает:

— Так зачем тебе готовить учиться?

— Для красоты, Петр Иванович.

Надя вертит в руках босоножки на тонких каблучках, читает сниженные цены — 7 рублей, 13 рублей, ерунда, а не цены, и удивляется про себя, как же раньше на таких каблучках бегала...

Раньше... В первую пору их с Володей жизни Надя все больше на диване лежала, отвернувшись к стенке. Переделав домашнюю работу, ложилась на диван и лежала молча. Володя подходил, что-то говорил ей, она, бывало, и не ответит, только во взгляде можно прочесть: «Уйди». А Володя, словно ничего особенного не происходит, течет у них жизнь, как у всех людей, занимался с маленьким Сережкой, ночами к нему по три раза вставал, говорить учил, кормил с ложечки. Иногда спросит Надю: «Съездим на кладбище?» Но после кладбища вроде бы чуть-чуть налаженная жизнь снова разлаживалась. И снова ее нужно было строить из маленьких кирпичиков, маленьких, каждодневных, житейских забот...

Встали, затопили печь, завтракать сели. Надя с детьми в детский сад побежала, Володя на целый день сел за баранку совхозного автобуса. Работа нянечки в детском саду ей сначала пришлось по душе. Убирай, мой, детишкам носы подтирай — ни о чем подумать не успеешь, как день прошел. Но свои дети, как ни пряталась от них Надежда, ходили за ней хвостиком,

плакали: «Ма-ам». Но она-то на работе, для нее здесь все одинаковые!

Свои, чужие... Как она этого страшилась, и сколько люди вокруг говорили, что никто детям родного отца не заменит, хоть бы весь он из чистого золота. Надя все приглядывалась к Володе: так, не так? Но приглядываться было не к чему. С детьми он был добр без игры и строг без боязни.

Завели корову — забот прибавилось. По весне в совхозе передовым работницам продавали утят, и Надя жалела, что она не передовая, просто нянечка в саду, и утят ей не положено. А ведь девочка у нее растет — ей бы спать на подушке из утиноного пуха!..

Маша родилась на третий год их жизни. Еще одна девочка в семье, на женской стороне получился перевес. Тогда еще мода на низкий каблук до их Клинецовки не дошла, по любому небудничному поводу вставали на высокий — и ничего, бегали...

Надя думает, что теперешняя мода не чета прежней, хорошая, и низкий каблук, и приспущенные плечи, и женственные линии. Она сама шьет, до ночи за машинкой просиживает, и если раньше — спать не лягу, а сделаю, к утру должно быть платье готово, то теперь стала терпеливей. Один халат семь ночей шила. Она бы — а что, журналы выписывает, моды смотрит — и шляпку б с вуалью надела! Но какая в таких хлопотах шляпка, курам на смех, да и что Володя скажет?..

То ли беда, то ли счастье им такое в жизни — разные характеры. Володя молчаливый, даже нелюдимый, сдержанный, серьезный, над жизнью как будто все время в раздумье. Он согласно кивает, когда Надя говорит про него, то ли жалуясь, то ли радуясь:

— Вы таких мужиков встречали? Придет в гости, поест — и домой, к детям. Раз в жизни на 8 Марта упросила его со мной потанцевать. Ему бы и вовсе праздников в жизни не было. В выходной ни минуты без дела не посидит. Он ведь и печку может сложить, и цветной телевизор починить. Правда, Володь? С этим телевизором каждый раз в Пугачев не поедешь, да еще починят ли там, вопрос. Если б не Володя, я бы этот ящик детям давно на игрушки раздала. Работящий у меня муж, а я — нет я не такая...

Накормив четверых детей, подоив корову, прибрав и пропылесосив три просторные комнаты своего дома, помыв полы, она еще способна полночи шить костюм Бабы-яги для новогоднего карнавала. Юбка в лохмотьях — это ведь искусства требует.

Рядиться во что-нибудь — ее страсть. Когда в Клинецовке играют свадьбы, без Надежды не обходится. На второй день кто-то из гостей наряжается в жениха и невесту, новоявленные молодожены изо всех сил стараются втиснуться на

место настоящих. Надя любит выступать за жениха. Смешной такой жених получается, маленький, худенький, рук из рукавов пиджака не видно... Веселье, людей она не то что любит, жизни без этого не представляет. И даже с домашними заботами справляется лучше и больше успевает сделать, когда, выскочив до времени из декретного отпуска, выходит на свою работу.

— Соседка, ты спишь когда иль нет? — спрашивают ее в деревне.

— Я у всех на виду. С коровой, с поросятами, в магазине, с детьми. Вроде бы дымлюсь аж, как работаю. А его, — добавляет Надя голос, — никто не видит. С ним еще четверых родишь — не пропадешь! Все думаю: может, и неправильно это, — добавляет серьезно. — Он с работы с детьми сидеть, а я после работы покручусь у зеркала — и в клуб, на репетицию. Я, правда, знаю, и как упрости его, и как обиду загладить. Ведь для него самая большая радость — вдвоем посидеть. Бросить, что ли, мне этот хор...

Кто знает, что такое любовь?

Володя говорит так:

— Целый день за баранкой сидишь, о жене только и думаешь. А приедешь домой, она в клуб, да?

Вроде сердится, а глаза ласковые.

Однажды Надя растерялась. Отеллилась корова, и две свиньи принесли поросят. Поросята, чтоб не померзли холодными зимними ногами, в избе жили. А на руках Сашка—совсем маленький. Родился в доме еще один мужик, стало их мужиков и женщин, поровну. Как Машка выросла, почему-то никто не заметил. А над этим Сашенькой сразу стали трястись всей семьей, и мать, и отец, и Светка. А тут еще поросята. В доме визг, гвалт. За телят страшно, за поросят боязно. За Сашку душа дрожит. И всех накорми, выходи, поставь на ноги. И на всех про всех четыре руки. Крутилась Надежда как заводная, про праздники и репетиции думать бросила, об одном была печаль, как бы только все маленькие жизни сохранить...

Володины родители живут тут же, в Клинцовке, и рады бы были помочь, да случилось так, что внуки от старшего сына им в дети достались. Так и крутятся старики Шеины с двоими, молодые—с четырьмя.

И в ту зиму перекрутились. К концу зимы Сашка пошел.

Теперь ему два года. Надя младшего сына еще не разгадала. Только видят они с Володей, что балованный он, любимый, никого не боится, так и живет, словно на свете вообще бояться нечего.

Светке Надежда говорит так:

— Повезло тебе, что я молодой тебя родила, ничего еще про себя не забыла. Ты, когда куклам шьешь, не торопись. Я всегда торопилась, а потом выбрасывала со злости.

Но Светку к куклам тянет не особенно. Она просит мать:

— Научи корову доить. Ну, пусти к Ночке, я сама научусь.

Надежда отмахивается—рано еще. И нравится ей, и жалко, что старшая дочь растет такая серьезная. А Сережа—тот сорвиголова, сладу с ним нет, приказного тона не выносит, если о чем надо попросить, так изволь... Надежда придумывала им соревнования, кто быстрее уберется, потом график дежурств повесила, кто сегодня убирает, кто завтра.

График, как игра, понравился, но потом, как любая игра, надоел. Светка и без графиков матери помогает. А Сергей прирастает к месту в единственном случае, когда отец примется чинить радиоприемник, стиральную машину, сепаратор, проигрыватель, цветной телевизор, благо, все ломается. С Машей пока никаких хлопот, спокойная девочка. Но все они, спокойные и своенравные, собираясь вечером в избе вместе, такой тарарам устраивают, только держись. Надя расстраивается:

— Опять все раскидали. Опять беспорядок в доме.

А Володя ей говорит так:

— Станем мы, Надь, с тобой старенькие, будем сидеть в чистоте и порядке, а ты попросишь: кто бы мне здесь все раскидал?..

Что помогает человеку выстаивать в самых тяжелых ситуациях, а выстояв, радоваться новому дню, словно только родился на свет? Легкий характер? Конечно, посмотреть на Надю—характер у нее легкий, нрав незлобивый. Она не любит судить да рядить людей, не делает маленькие несогласия с близкими и дальними началом стойкой вражды. Слово бы на плохое в жизни закрывает глаза. И живет, радуясь.

Хорошо жить, радуясь. Всякий бы желал. А если не выходит, стало быть, природа твоя виновата? Но, видно, причина не в одном нашем характере, легком или тяжелом, хорошем или плохом. И даже не в том, какие характеры способны сочетаться в семейной жизни, а какие—нет. Бывает, что вроде бы должны совпасть, соединиться, высечь искру счастья... а не получается. Причина, наверное, в вещах, с одной стороны, будничных, с другой—глубоко внутренних, потаенных, безотчетных... Вот встал человек с веселым сердцем и пошел по белому дню. Тут споткнулся, здесь не уберется от грубого слова, там лишний раз насупился, рассердился, тяжело вздохнул... А если вместо этого огляделся, промолчал, замечтался? Прожил день в трудах и заботах, но радостно, людям вреда не сделал, сохранил под вечер добрые слова и надежду на завтра. Так можно жить, если настроен к жизни с любовью, если не ищешь других, лучших людей, а стараешься в тех, кто рядом, и в том, что вокруг, находить смысл.

Пусть коротки, как вспышки, праздники, но Надя ждет их, надеется, что люди вокруг тоже ждут и все вместе они живут для лучшего. Это не просто черта характера, а убеждение, дар любви к жизни. А чтобы ощущение лучшего не исчезало из будней, чтобы любовь твоя не гасла, нужно стараться каждый день ни в чем не допустить беспорядка—ни в доме, ни в магазине, ни с мужем, ни с детьми.

Но одного порядка с его железной логикой не хватило бы для счастья, нужна еще и красота—всегда разная, во всем возможная...

Недavno навещали в Клинцовке Надо родственники. Удивились:

— Увидели деревню, ну, думаем, конец пути, а все едем и едем—большая. А плоско у вас здесь, как на ладошке.

У Нади в первое время от простора голова кружилась. И богатые же места: отойди от дома на километр и рви смородину, пока руки не опустятся. Летом к этим кустам они выбирают всей семьей, даже маленький Сашка ягоду собирает. И на пруд ездят. Володя там рыбу ловит, потом сам уху варит. Но это когда выкроит время. С мая до середины осени его не бывает дома с полпятаго утра до половины десятого вечера: возит доярков в летний лагерь. Домой успевает заскочить, кое-что переделать, но жены не видит. Надя в это время на работе, младшие дети в саду. Жизнь размерена по минутам, и счастье свидания с женой короткое, но верное.

Ему по душе эта жизнь. Ни о чем другом не мечтает, разве только, чтоб Светка с Машей красавицами выросли, а Сережка и Сашка пошли в летчики.

А Надя не такая, нет. Все ей чего-то надо.

Свезили детей в Пугачев на карусель, она:

— Вот бы Саратов детям показать!

Хочется ей, чтоб они все повидали: и горы, и море, и большие города. Володе не совсем понятно, зачем, когда есть дом, в котором они живут, и есть жизнь, которую надо прожить.

Долог из забот слагающийся день: месяцы, годы летят быстро. Сойдет вода в Иргизе, не успеешь оглянуться, как степь станет белой, придет зима.

А там опять вспашка, сев, большая вода.

Идут годы, растут дети, жизнь в доме лепится по образу и подобию тех, кто в нем живет. И кто же ответит, что такое любовь? Может, умение лепить эту жизнь? А может, способность не терять друг друга из вида, откликаться на радость и обиду, если из-за тебя твой близкий человек радуется или на тебя обижается? А может, любовь—такая, как в песнях про нее поют? Но песни поют не каждый день, а живут каждый.

Смотрит Надежда на свой большой дом, гадает, сажать цветы или приберечь луковицы гладиолусов до следующего года. Все равно баньку класть, погребку чинить, живого места в палисаднике не останется. «Нет,—решает,—построит муж баню, тогда можно и цветы». Все бы ей мечтать, заглядывать в будущее...

Вечер. В доме Светка с Сережей делают уроки. Маша с Сашенькой на полу возятся. Во дворе корова мычит. Заглушив мотор, вылезает из автобуса Володя. Мужа выбегает встречать маленький круглоголовый щенок Принц, подобранный Надей на дороге. Володя, смирившийся со щенком, треплет его за ухо.

— Какие у меня мечты?—рассмеется Надя.—Ничего особенного. Вот вырастет Принц, станет нас сторожить.

Т. ШОХИНА

Фото С. КУЗНЕЦОВА.

Саратовская область.

Вот она, семья Шеиных: Света, Машенька, Владимир, самый младший сын Саша, Надежда и Сережа. ▶

ПОД КРЫШЕЙ ДОМА СВОЕГО

СТЕФА

Стефа Степановна Муха все вспоминает те дни...

Умом понимала она тогда беду, но так же, как односельчане, не видела ее примет. Леса чистые, прозрачно-зеленые, в садах яблони зацветают — дождалась тепла, в огородах ботва из земли лезет, на полях... «Что ж с полями-то?» — думала Стефа. Ее бригада уже успела все посадить, и картошку, и помидоры, и бураки. Уже всходы взошли, потянулись из земли под майским солнцем, скоро пойдут дожди, полезут сорняки, кому полоть, если все уезжают? Мысли шли по затверженному кругу, а нужно было этот круг разомкнуть и понять — погубила невидимая беда их поля, нет пока к ним возврата.

А люди спрашивали:

— Какая радиация? Мы ее не бачим!

— У тебя глаз, Стефа, нет? Вот же чистые всходы!

Насмешил всех один дед. Схоронил от радиации свою корову так: на копыта надел ей бабкины чулки, спину плащом накрыл, хвост упрятал в полиэтиленовый пакет, а на рога платок повязал.

— От чего хоронимся? — спрашивали бригадира.

И она терпеливо объясняла, от чего, чем страшна невидимая и неслышная радиация, для которой не надо дорог, как поднимаются аварийные работы... А время поджимало. Колхозных коров уже увезли. Осталось сдать частный скот, сесть на автобусы и уехать.

В суете перед отъездом да в хлопотах не заметила Стефа, как простилась с собственным домом. И только когда уже сели в машину, опомнилась — хоть взглянуть на прощание... Но автобусы уже катили по деревенской улице. Поехал черновыльский колхоз «Дружба» в колхоз имени Ленина Бородинского района.

В Берестянку приехали глухой ночью. На ферме горел свет, и Стефа с мужем притормозили: здесь вылезем, чего людей будить. Первым, с кем они в Берестянке познакомились, был бригадир, явившийся ранним утром на ферму.

— Вот вы где! — удивился Иван Алексеевич Холодилин. — Все ваши по хатам уже спят, а вы здесь горе маете. Пошли скорей до нас, целый дом во дворе пустует, вас ждет. Поедите да спать будете.

Но поспать не пришлось. В то же утро

вместе со всеми Стефа поехала в летний лагерь. Колхозные коровы, проделавшие впервые на скотовозах путь в 80 километров, еще дичились, нервничали. Не давали привязать себя к месту — каждую привязывали цепями по двадцать минут, вдвоем, а то и втроем, потом доили. Доярки, свои и берестянские, работали за двоих, если не за четверых. Даже самая пожилая работница берестянской фермы, и та появилась в летнем лагере. Бригадир, жалая старую женщину, наказал ей на ферме сидеть.

Она обиделась:

— Что ж я, хуже других?

С хлопотами по скоту впору было Стефе Степановне забыть, что она полевод. Но не забыла и бригаду свою из виду не выпускала.

— Вы, девочки, не разбегайтесь, скоро сажать будем.

В это время младшая дочка Оксана, еще раньше отправленная с черновыльскими ребятишками в Крым, в пионерский лагерь, писала матери: «Здесь дети до дома хотят. А я им, мама, сказки рассказываю, чтоб не скучали...»

В первый раз в жизни рассталась Стефа сразу с тремя дочерьми. Но не одна она, все начинали жизнь на новом месте внезапно обедневшими детьми и внуками семьями. И главный разговор, с чего начинался и чем кончался каждый день, шел о детях. Стефа утешала грустивших матерей:

— Ты что ж, не рада, что дочка твоя в море купается?

Она уже осваивалась в маленькой хате на бригадирском дворе. Если сначала от стеснения не знала, куда ступить, как бы незаметнее скользнуть по чужому двору, то вскоре и думать об этом забыла.

Но совсем вздохнула свободно, когда вышла в чистое поле со своей бригадой и воткнула в землю первый стебелек помидорной рассады.

К осени поставят 60 тысяч домов для переселенцев.

Черновыльским переселенцам в хозяйствах выделили землю под огороды.

Берестянская ферма колхоза имени Ленина приняла 1400 коров черновыльского колхоза «Дружба» впридачу к своим 2000. Лучшая берестянская доярка Ольга Иосифовна Житницкая и не считала, сколько литров молока надоили в эти дни ее руки. В ее хате живут две черновыльские семьи.

Коллектив фермы № 2 совхоза «Майдановский» решил выполнить план 1986 года за девять месяцев. В четвертом квартале люди будут работать в счет плана черновыльского совхоза «Припятский».

О Чернобыле уже написано много.

О первых труднейших днях, о героизме тех, кто встретил беду лицом к лицу, о подвиге людей,

принявших на себя главную тяжесть и опасность...

А рядом с ними — обыкновенные женщины. Такие, как Стефа, бабушка Настя и Евдокия, терпеливо и мужественно одолевшие испытания.

Они всегда рядом с подвигом и в решающий час помогут, поддержат, одарят силой, которая объединяет нас и делает непобедимыми.

БАБУШКА НАСТЯ

— Жили нас двое, я и худобка моя. Она меня кормит, я при ней в няньках, куда она, туда и я.

Бабушка Настя вздыхала, и Люба вздыхала, говорила бабушке Насте:

— Наживем еще коров, и у вас будет корова гаренькая.

...Приметили они друг друга у сельсовета в толпе эвакуированных из Чернобыльского района не сразу. Люба уже позвала к себе в дом жить одну семью, и тут видит — стоит старушка, одна, с маленькой торбой в руках, народ ее кругом обтекает, полутьма еще, не рассвело, и не понять, своя ли, чужая. Но поняла: не липовская. Повела к себе. В дом.

Для всех в колхозе «Прогресс» Макаровского района Любовь Константиновна Мудренко человек уважаемый, называют ее по имени-отчеству. А для бабушки Насти она просто Люба.

— Люб, я свиной покормлю, кролям травы задам, ладно? — спрашивала бабушка Настя. А Люба первое время не знала, что и сказать, отдохнуть уговаривала, посидеть, чайку попить. Но потом поняла, что так жить ей невмочь. Книг бабушка читать не выучилась, нет с нею ее «худобки», и огород свой с посаженной картошкой остался далеко, а сидеть сложа руки она не привыкла, тоскует. И Люба перестала отговаривать бабушку Настю от дел.

Очень скоро узнала немудреную историю ее жизни. Анастасия Терентьевна Кудренко, рожденная по паспорту в 1910 году, в датах разбиралась плохо... Говорила задумчиво:

— Верно, больше мне годов, Люб, да кто теперь сосчитает...

Жизнь помнилась ей по событиям, по горю и радости, наполнявших их смыслом, а не по годам.

— Когда похоронка на мужа пришла? — допытывалась Люба.

— Чернова-то? Не помню. Написали: без вести. Я все ждала, ждала какой вести, так не было. Знала бы, где он живе, пешком бы туда пришла...

Фотографию мужа в военной форме она не снимала со стены всю войну. Фашисты, отступавшие на запад, рыскали по хатам, искали партизан и партизанских жен. У Анастасии Терентьевны весь дом перерыли, в подпол заглядывали, пытали, где муж.

Она показывала на карточку на стене:

— А больше его и нет нигде, не ищите.

Когда война кончилась, все радовались и плакали: А Настя в лес ходила и песни там пела— про двух своих малых детишек, умерших еще до войны, про мужа, без вести пропавшего, про себя, оставшуюся в живых...

Люба испугалась, когда собралась ее бабушка Настя в Киев, к родным сестрам. «Ну,— думала Люба,— не вернется». Но на следующее утро увидела в окне, как идет по тропинке к дому ее бабушка Настя.

— Вот мое сено, вот мои бураки, вот мои кролики, вот моя хата,— приговаривала бабушка Настя и с теми словами появилась на пороге.

«Обидели, что ли? Сестры, не может быть»,— не поверила Люба.

— Обижались, обижались на меня,— кивала бабушка Настя.— Езжай, говорят, до чужих людей, коли там тебе лучше. Я, Люб, и поехала. Не могу в городе, я там как птица в клетке.

Иногда бабушка Настя скажет:

— Вот бы побачить, как там мой овес растет...

Тянет ее домой. Там прожита долгая жизнь, на тех полях колхоза «Коммунар» изработана ее молодость, зрелость да и часть старости. В тех лесах с клюквой и журавлинкой исхожены ею все тропы, те ясени и дубы все ее песни слышали.

О возвращении в Красницу бабушка Настя мечтает так:

— Я как вернусь до дома, каждый день буду тебе писать. Хоть и неграмотная, а два словечка выучу: приезжай, Люба.

Предполагали, что чернобыльцы раселятся у местных жителей по профессиональному принципу: доярка к доярке, механизатор к механизатору, агроном к агроному. Но все получилось не совсем так. Приезжих «разбирали», едва они ступали на землю. Вели в свои дома, и только потом уже выяснялось, кого привели, доярку или зоотехника. В совхозе «Майдановский» есть одна пенсионерка, у которой живут пятнадцать человек. Хата большая.

Из узбекского колхоза привезли в Берестянку и бесплатно раздавали переселенцам цветную капусту, огурцы, помидоры, молодой чеснок.

«Неразлучные мы»,— говорят о себе председатели колхозов. А в правлении сидят рядом местный парторг и чернобыльский. И рядом с местным председателем сельсовета чернобыльский. Шутят: переименовать сельсовет в Липовскую Речицу или Речицкую Липовку.

Табличка «Чернобыльский районный комитет Коммунистической партии Украины» — на здании Бородянского райкома партии.

ЕВДОКИЯ

Поле с цветущим льном похоже на голубой платок. Набежит ветер, и платок покажет свою изнанку, зеленую, слегка серебристую... Смотрит Евдокия на поле и не знает, с какой стороны оно лучше, с изнанки или с лица. И почему глаза радуются, завидев издали голубую полоску, не знает... Нет, знает: лен зацвел, словно подал надежду на добрую весть.

Говорят, короток женский век. Но нарожай четверых детей — и узнаешь, короткий он или долгий. Всех четверых Евдокия Ефимовна Коваленко любит одинаково, но младший, Алешка... Кто поймет этих млад-

ших? Пристают к сердцу намертво, так что кажется невозможным с ними расстаться, отпустить в другую от себя жизнь...

Как проводила Евдокия в армию младшего сына, с того дня и стала ждать обратного. Поля со льном были еще зелены. Глядела Евдокия на эти поля, а больше вдаль, за синюю кромку леса, и все вспоминала своего Алешку. И серьезный он, и добрый, и работающий. Придет к ней на ферму, по сторонам не глядит, на женские шуточки ноль внимания, сядет под корову и доит — матери помогает. Нет, не мал он уже! И не беззащитен — сам Родину защищает. Но все равно младший, несмышленый, любимый — два года ждать!...

Эвакуацию со всей своей большой семьей Евдокия Ефимовна: конечно, переживала. Но не так горячо и остро, как односельчане. Была у нее своя тревога — ждала первой весточки от сына.

Письмо нашло ее здесь, в Макаровском районе близ села Липовка. Здесь как раз зацвели поля со льном, они были такими же голубыми с лица и такими же зелеными и серебристыми с изнанки, как дома, в Речице. Евдокия разглядывала конверт и дивилась: нашло ее письмо!

Сын успокаивал мать с отцом: «Все устроится, главное, чтоб были вы здоровы и у мамы сердце не болело».

У Евдокии с этим письмом словно тяжесть с плеч спала. Ожила. Развеселилась. И подумала так: «Робить надо с душой, как дома».

В летний лагерь колхоза «Прогресс» вместе со своими речинскими доярками она выехала на второй после переселения день. Но по-настоящему, с душой, как прежде, как всегда работала, принялась за дело после Алешкиного письма.

Вглядываясь в здешнюю жизнь получше. Свои кормораздатчики ходят, свои трактористы корм развозят, вот только мехдойки нет и своих коров приходится доить вручную, а в остальном жизнь похожая.

На свою липовскую хозяйку Галя Петроченко Евдокия поглядывала с вопросом: может, встречались где, уж больно знакома, не лицом, не фигурой, а чем-то таким, что словами не назовешь.

— Мы с мужем, как вас ждали, всю ночь не спали,— рассказывала ей Галя.

А Евдокия Ефимовна думала: «Что б я на ее месте делала? Да тоже не спала бы. Полы мыла, постели стелила, борща бы в самой большой кастрюле наварила. Вот отдали они нам комнату с телевизором. А я бы отдала телевизор? Да отдала бы. Пусть люди душу отведут...»

Хочешь не хочешь, а в одной хате невольно заметишь, ладно или нет живут хозяйин с хозяйкой. Видела Евдокия, что Галя с мужем хорошо живут, ровно, как они с Алексеем, и детишек трое, и забот сотня, а живут без крика, без несогласий, без лишних слов, словно с первого дня уговорились так жить и ничего с того дня не изменилось. Галя — тоже доярка, Евдокии почти ровесница. «Что ж я сразу не догадалась,— вдруг поняла Евдокия Ефимовна.— На меня она и похожа...»

— Татьяна замуж моя идет,— жаловалась Гале Евдокия.— Ну до свадеб ли сейчас?

— А что нет? — удивлялась Галя.— Пусть идет...

Свадьбу сыграли. Сколько перемен в жизни, а она идет, и беда, и тревога идут в ней рука об руку со счастьем. От старших детей у Евдокии Ефимовны уже внуки. Вот и опять внуки будут, продолжат жизнь, и все они вместе будут еще долго, долго жить на свете.

Бывает так: струсилась с человеком беда, а другой думает: ничего, обойдет-

ся, помогут без меня. Помогает обычно ближний, и, если дальний постоит в стороне, вроде бы не случится ничего страшного. Не то с чернобыльской бедой.

Кто помогал и помогает Чернобылью? Родина. Государство помогает. Люди. Молодая женщина, переселившаяся с семьей в соседнюю деревню к матери и оставившая хату со всем имуществом новым хозяевам. Дед, уехавший в райцентр к внукам, чтобы не стеснять своих гостей. Партийные, профсоюзные, комсомольские работники — те, кто помогал организовать и провести эвакуацию. Председатели колхозов и директора совхозов, принявшие к себе целые хозяйства. Руководители хозяйств Чернобыльского района, сумевшие в экстремальной ситуации сохранить свои трудовые коллективы. Люди, сходящие с поездов, чтобы уступить свои места детям, срочно отправленным на юг. Шоферы. Врачи. Медсестры. Нянечки. Коллективы профилакториев, санаториев, пионерских лагерей. Женщина из пригорода Ворошиловграда, стоявшая на дороге с ведром черешни и остановившая автобус с эвакуированными ребятишками: «Возьмите мою черешню».

Неужели все, задумавшись мы, кто принял участие в чернобыльской беде, такие замечательные люди? Есть замечательные, есть самые обыкновенные. Но в трудный час в советском человеке говорят лучшие чувства и лучшие, святые силы души заставляют делать все возможное, чтобы облегчить судьбу ближнего. В Макаровском и Бородянском районах Киевской области, где живет сейчас очень много переселенцев из тридцатикилометровой зоны, не нашлось ни одного, кто закрыл бы двери своего дома.

СТЕФА

Смотрит Стефа на свои новые поля и вспоминает родной дом. Вздыхает:

— Сколько убитку...

Берестянские ее спрашивают:

— Имущества много осталось?

— Да я не про себя. Про колхоз, про Украину. Ничего, одолеем.

БАБУШКА НАСТЯ

Любу Мудренко младший сын, Володя, просит:

— Пусть бабуля у нас всегда дома будет.

— Оставайтесь,— говорит Люба.— У меня мама умерла. Мамой мне будете.

— А то и останусь,— кивает бабушка Настя и идет кормить кролей.

ЕВДОКИЯ

Галя предлагает Евдокии просто:

— Давайте с нами зимовать. И картошки, и дров, всего как-нибудь хватит.

— Может, и перезимуем,— соглашается Евдокия и прикидывает: «Лето, считай, уже прошло, потом зимовка и еще лето с зимой, а там и Алешка вернется».

Лен цветет сине, сине,

А мать ждет до дому сына.

Так в старой песне поется...

Татьяна ИВАНОВА

Села Макаровского и Бородянского районов, Киевская область, Украинская ССР.

УТРО В ДЕРЕВНЕ

«Встанешь поутру, и начинается твой день. Завтрак надо приготовить — и чтоб все довольные были, сытые. Чтобы в радости на работу пошли. Корову подоить, проводить — и чтоб она тоже в настроении была. Занимаешься домом, и себя на радость настраиваешь. А уже пять часов. И до того охота на улицу выйти, только чтоб стен никаких не видеть. А выйдешь на улицу и кажется, что вот тебе вся радость скопилась этим утречком. Просто это такая прелесть — не знаю, что романтикой называют, а я — это: когда утро, и на улицу выйдешь, и все хорошо, что тебя окружает, и такая благодать».

Так рассказала нам про свое утро Нина Васильевна Переверзева («Человек не может без волненья», стр. 2). А снимали утро наши фотокорреспонденты Н. Софронова и С. Кузнецов в селах Кировской и Саратовской областей.

„Пишу вам, как самому“

В письмах к ней обращаются по-разному: «Клара Степановна», «Клавдия Степановна», «Клавдия Петровна». Дети пишут просто: «тетя Клара»...

Почта, пришедшая на имя народной артистки СССР, лауреата Государственной премии СССР Клары Лучко после показа по телевидению фильмов «Цыган» и «Возвращение Будулая», очень велика.

«РЯДОМ С НИМИ НЕЛЬЗЯ СФАЛЬШИВИТЬ»

«Как благодарна я всем вам, жившим жизнью главных героев фильма, за мучительную боль сердца и горькие слезы мои, товарищи дорогие! Не хочется с вами прощаться. Вы добру учитесь. Добру и любви.»

Н. К., г. Винница».

«Вы играете честно, искренне. Ведь сыграть так, чтобы люди поверили, чтобы людям понравилось, очень нелегко. Я пишу вам, как самому дорогому человеку.»

Наташа О., Ростовская область».

«Много лет назад по ЦТ показывали спектакль «Суровое поле». Хотя давно это было, я запомнила вас, наверное, потому, что вы сумели передать чувства и боль своей героини.»

Е. Волошина, г. Шахты».

— Удивительные у нас зрители,—говорит Клара Степановна.—Как они все замечают, помнят! Действительно, играли мы когда-то в Театре-студии киноактера «Суровое поле» Анатолия Калинина. Моя роль в том спектакле—как бы дальний подступ к Клавдии Пухляковой. Ту работу увидел Калинин, и она ему очень понравилась. Десять лет назад я побывала в гостях у писателя на хуторе Пухляковском, и мы тогда мечтали: хорошо бы снять на телевидении «Цыгана». А в 1978 году началась работа над телефильмом.

Мы снимали в донских степях, на хуторе Пухляковском. Меня окружали казачки—веселые, сильные, независимые и... ранимые. В каждой было что-то от Клавдии, от ее судьбы. Счастливая бабья доля прошла мимо многих. Война лишила их любви, мужской заботы, сами себе были они опорой и защитой. Они не жаловались, наоборот, были энергичны, жизнерадостны, но боль-то внутри сидела. Рядом с ними нельзя было сфальшивить.

Клавдия—вся от сердца. Из сердца. Ей все хорошее до последней капли хотелось отдать. Хотя, повторяю, заразительность этого образа возникла во многом благодаря окружавшим меня женщинам. Общение с ними помогало быть точной и узнаваемой. А мне очень хотелось, чтобы Клавдия была узнаваемой—вот такая живет по соседству.

Возвращаться к героям «Цыгана» в новом фильме всем нам было интересно, но и страшно. В жизни прошли годы между съемками первого и второго фильма, а по сюжету несколько месяцев. Мы же не рассчитывали, что будет продолжение, и постарались «выложиться» до конца. Теперь надо было в определенных, знакомых характерах искать новое, а ведь в близких людях не так-то легко это новое открывать! Все даже боялись первого съемочного дня.

В «Возвращении...» для меня самым главным было, чтобы зритель уверовал в силу любви героев, чтобы он вместе с нами ждал и надеялся. Наши герои ни слова не говорят о своей любви, более того—Клавдия с Будулаем и встречаются-то лишь в конце фильма. Так что каждому из нас поодиночке надо было завоевывать зрительское доверие.

«ТОЛЬКО НЕ ГОВОРИТЕ «СТОП!»»

«Я забыла, что вы артистка, а думала, что самая настоящая деревенская женщина, очень добрая, необидчивая, скромная.»

Лена Слатвинская, г. Омск».

«Я бы хотела, чтобы мне повезло в жизни и я бы познакомилась с такой необыкновенной, прекрасной женщиной, как Клавдия Петровна.»

А. Л., Приморский край».

— Клара Степановна, так какая же ваша героиня—обыкновенная или необыкновенная женщина?

— Я думаю, что все-таки... обыкновенная. Если разобраться, что такого сверхъестественного совершает Клавдия? Спасла чужого ребенка и вырастила его хорошим человеком? А как иначе можно было поступить? Бросить его? Крепко полюбила и ждет того, кого любит? Так ведь это же так естественно! Или, может быть, ей надо

было забыть Будулая и выйти замуж не любя, чтобы никого не удивлять своей верностью? Да нет же, она испытывает нормальные чувства, живет по нормальным законам! Я даже не знаю, можно ли сказать, что ей трудно так жить. Наверное, по-другому было бы трудно. А если мы считаем ее необыкновенной, то только потому, что далеко не всегда ощущаем в себе и в других такую внутреннюю силу, цельность. Если видим предательства, измены, себе изменяем, мельчим свою жизнь, то привыкаем думать, что только так—на компромиссах—можно существовать.

В фильме есть верная любовь, прекрасные герои и мрачные злодеи, добро, одолевшее зло, и счастье, которое в конце концов находит любящих—как в сказке. Но ведь вместе с тем умудренные житейским опытом люди увидели в фильме жизнь подлинную, не усомнились в ней. Да, зрители наши доверчивы, но не до беспредельности же!

— Мне кажется, что герои, в частности Клавдия, завоевали симпатии не только искренностью переживаний, но и достоверностью поведения. Все у вас на экране получается ловко, умело...

— В кино все надо делать по-настоящему: не играть, что стираешь белье или моешь пол, а стирать и мыть. Я умею красить, белить, чинить телевизор, шить, готовить, что там еще? Причем не просто умею, как умею скакать на лошади или водить машину, но делаю, это моя повседневность. Всегда ли мне хочется эти обязанности выполнять? Нет, конечно. И времени бывает жалко, и себя. Сосед недавно увидел, что сумку с картошкой несу, всплеснул руками: «Кларочка, вы ж моя любимая актриса, что ж вы так перекинулись?!» И смех, и грех. Много на нас, женщин, сегодня навалилось. Но ни от одного своего умения не хотела бы отказаться. Чем больше человек способен сделать своими руками, тем он независимей в жизни, увереннее.

...В один из дней работы над двухсерийным телефильмом «Тетя Маруся» помреж сказал ей: «Клара Степановна, сегодня сниматься не будем». «Почему?» «Видите ли, мы не нашли печника». «А зачем нужен печник?» «Ну как же, он должен вам показать, как обмазывать печь». «Ну, а таз, глина, вода у вас есть?» Все, что просила народная артистка, немедленно принесли. Лучко обратилась к режиссеру с одной просьбой: «Пока не обмажу, «стоп» не говорите».

И все время, пока шла работа, оператор не отрывался от камеры, а группа удивленно и внимательно наблюдала за актрисой. Не печь получилась—игрушка!

— Все эти навыки у меня с детства, от мамы. Мама удивительная была женщина, с легендарной биографией. Выросла она в большой семье, самой бедной в селе Старые Санжары. На гражданскую войну ушла медсестрой. С махновцами воевала, спасала беспризорников, выступала в передвижном агиттеатре, участвовала в коллективизации, создавала колхозы. Кулаки и стреляли в нее, и

мост подпиливали, по которому она должна была проехать. Окончила партшколу, была председателем колхоза. И мама, и отец были настоящими коммунистами, предельно честными людьми.

ГЛАВНЫЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА — ИСПОЛНИТЕЛИ

«Когда вы прибежали в дом Будулая и не застали его, мне так хотелось быть с вами, обнять вас, успокоить. А когда рядом появился Ваня, я завидовала ему. Вы меня извините, что пишу так откровенно, но после этих фильмов я вас очень полюбила.

Светлана С., г. Луцк».

«У меня такое впечатление, что Михай Волонтир — не герой фильма, а живой Будулай с прекрасной душой ребенка. Не мог бы он прожить жизнь Будулая, не имея в настоящей жизни прекрасное сердце.

Н. Калиновская, Черновицкая область».

«Говорят, что в ролях раскрывается истинный характер актера. Я не знаю, так ли это? Похожи ли вы на свою героиню Клавдию?»

Г. Ксенофонтова, г. Куйбышев».

— Что бы вы ответили, Клара Степановна?

— Могу только повторить слова Сергея Герасимова: «Человеческая сущность актера проступает в роли, как пот на лбу». О себе говорить неловко, я лучше расскажу о Волонтире.

В жизни он внешне совсем не похож на Будулая — без бороды и цыганской шевелюры. Многие зрители его, наверное бы, не узнали, столкнувшись на улице. Он скорее похож на учителя, да он и был раньше учителем. В нем суть угадана, соответствующая роли, — суть доброго и порядочного человека. Добрый и мудрый взгляд ведь не «сыграешь», верно?

дорогому человеку

Народный артист СССР Михай Волонтир работает в Бельцах, в музыкально-драматическом театре, ездит по всей республике, в Молдавии его хорошо знают. Его жена тоже актриса этого театра. У них прекрасная семья.

Михай вырос в селе, не избалован жизнью, у него хорошие, работающие руки. Он тоже считает, что на съемочной площадке все надо делать всерьез, а не приблизительно. И если уж играет кузнецка, то никто не уличит его в том, что в кузне он что-то делает не так.

...В одной из поздравительных открыток читаю обращение: «Дорогие друзья, Клавдия Петровна, Будулай и Ваня!» Неужто зритель так наивен, что отождествляет актера и героя, ставит между ними знак равенства? Не думаю, что дело в наивности: сегодня все смотрят «Кинопанораму», не хуже киноведев знают, как делается фильм, и даже дети понимают, что жизнь исполнителя не обрывается со смертью героя.

Зритель вполне сознательно идет на это отождествление. Даже прекрасно отдавая себе отчет в том, что такие люди, как Клавдия и Будулай, встречаются не каждый день, зритель воспринимает их земными, конкретными уже потому, что за ними стоят актеры, обладающие, по твердому зрительскому убеждению, теми же достоинствами. Иначе и быть не может, в таких ролях без духовного совпадения личности и образа, как опять же уверен зритель, не обойтись.

Что ж, актерам остается только соответствовать.

НОСТАЛЬГИЯ ПО НАСТОЯЩЕМУ

«Мне хотелось бы иметь мужа такого же хорошего, как Будулай, и быть такой же счастливой, как Клавдия. Я, может быть, еще и встречу его. Ведь у меня еще все впереди.

Е. С., Омская область».

«Вы очень по характеру и добротой души похожи на мою маму. Или моя мама на вас. Я стала думать о жизни по-другому. Вокруг есть много хорошего, а самое главное — люди.

Г. К., г. Кишинев».

«Спасибо за образы ваших героинь, которые продолжают делать хорошее даже после экрана. В своей жизни я бы очень хотела быть на вас похожей. И буду стараться.

О. Н. В., г. Новочеркасск».

— Одна девушка написала мне, как ее мучит совесть: она уехала из деревни поступать в институт, провалилась, пошла работать на стройку, а от мамы это скрыла. И вот одинокая мать посылает своей «студентке» с трудом сэкономленные рубли, и дочка их

принимает. После фильма, писала девушка, я долго плакала, мне было так стыдно и так жалко маму, я решила ей во всем признаться. Может, еще каких-то людей наш фильм подтолкнул к хорошему?

...Фильм, конечно, можно упрекнуть за недостатки. Его и упрекали. Но мы сейчас не об этом. Важна и интересна зрительская реакция, которую он вызвал. Бескорыстие и самоотверженность героев, их полная испытаний, но достойная, честная жизнь так остро прочувствованы зрителями и вызвали такую ответную волну человеческого участия, что еще раз стало ясно, как притягательны для миллионов сердец личности цельные, чистые.

А как сама актриса объясняет успех картины?

— Есть нужда в таком мужском и женском характере не только в кино, но и в жизни прежде всего. Все мы в той или иной мере испытываем «ностальгию по настоящему», потребность в прочных, глубоких чувствах. Великодушный, мужественный, надежный мужчина. Верная, нежная, ласковая женщина. В них не только конкретные люди нуждаются, но и общество в целом.

Я заметила, если после «Цыгана» мне писали в основном зрелые женщины, жены и вдовы бывших солдат, то после «Возвращения Будулая» приходит очень много писем от молодежи. Значит, наш фильм обращен не только к прошлому, но мы коснулись каких-то болевых точек в настоящем.

Читая письма четырнадцати-пятнадцатилетних подростков, чувствую, как иные ребята одиноки: им некому открыть душу, они не находят рядом близких людей, которым могли бы довериться. А какая у многих тоска по отцу: дети завидуют Ване и артисту Алеше Никульникову, что у него был такой отец, хотя бы в кино. А какой страх, что им не встретится настоящая любовь!

Каждый человек должен иметь перспективу собственной судьбы. И я буду рада, если после фильма какая-нибудь семнадцатилетняя девушка догадается, что поспешная близость — вовсе не любовь. Если вовремя поймет, что есть другие отношения, другие, истинные чувства...

— Клара Степановна, одна зрительница поблагодарила вас за то, что вы сумели «всколыхнуть душу». Пожалуй, это и есть главный итог фильма, как вы считаете?

— Нам об этом и мечталось, чтобы люди не только восхищались чужим благородством, но и сами захотели бы стать честнее, справедливее. Будулай и Клавдия меньше всего на себе сосредоточены, у них на всех хватает сердца. И важно, чтобы те, кто испытывает сочувствие к героям, захотели бы испытать его и к соседу, товарищу, прохожему. Стали внимательнее, добрее к близким.

А. МХИТАРЯН
Фото ТАСС.

Я пел в яслях, в детском саду, как все. В школьном хоре и на гитарных перекрестках тоже, как все. Лучше многих других понимала, что все это несерьезно, моя мама, а потому она приняла волевое решение и приехала забрать меня домой, из Ленинграда в Курск, уже после того, как я поступил в театральное училище. Профессию инженера она считала более надежной, и скорее всего она была права. Кроме одного: сниматься, петь, играть в театре—это все-таки серьезно.

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

ИГОРЬ СКЛЯР

СТАРЫЙ РОЯЛЬ

(Песня из кинофильма «Мы из джаза»)

Стихи Д. ИВАНОВА,
музыка М. МИНКОВА.

Старый рояль весь в испуге.
Раньше играл он только фуги.
Он весь дрожит от страха,
Не слыша Баха...
Теперь на нем играю я.
Старый рояль, мне поверь,
мне поверь,
Старый рояль.

Трудно тебе, но пойми ты:
В жизни теперь другие ритмы.
Конечно, трудно сразу
Привыкнуть к джазу,
И мне тебя немного жаль,
Старый рояль, мне поверь,
мне поверь,
Старый рояль.

Когда этих клавиш коснется рука,
Тогда улетает из сердца тоска.
С тобой мы разделим и грусть,
и печаль,
Мой старый, усталый рояль.

по вашей просьбе —

И СКАЗКИ, И ПЕСНИ...

Рубрика «По вашей просьбе», обязательная в каждом номере журнала и, пожалуй, одна из самых популярных, особенно у молодых читателей, представляет исполнителей ваших любимых песен и сами песни. Но просьба так много, что выдержать все просто невозможно. Как быть? Ведь, к сожалению, купить новую пластинку в ином селе — проблема. И как ни дорога фотография артиста, подаренная журналом, хочется услышать его голос и песню, которая нравится...

Помочь «Крестьянке» выполнить ваши просьбы вызвала Апрельская база «Роспосылторга». Предложенные ею грампластинки рассчитаны на любителей классической и эстрадной музыки. Пожелания малышей сказки учтены: для них можно выписать по почте музыкальные кассеты, вышла из строя магнитная головка звукоснимателя — тоже вырчит Апрельская база.

Вот список: выбирайте грампластинки!

№№ по каталогу	Цена
45-389 П. И. ЧАЙКОВСКИЙ. «Щелкунчик», балет-феерия в 2 действиях, соч. 71. (2 пластинки).....	2-90
45-413 И. ШТРАУС. «Императорский вальс», соч. 437; «Вечное движение», музыкальная шутка, соч. 257 и другие произведения.....	1-45
45-174 Л. БЕТХОВЕН. Сонаты для ф-но № 6 фа мажор, соч. 10 № 2; № 23 фа минор, соч. 57.....	1-45
45-444 М. МУСОРГСКИЙ. «Картинки с выставки».....	1-45
47-436 ПОПУЛЯРНЫЕ ОРКЕСТРОВЫЕ ПЬЕСЫ.....	1-45
49-312 АЛИ-БАБА И СОРОК РАЗБОЙНИКОВ. Музыкальная сказка. (2 пластинки)....	2-90
49-297 АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК. Пьеса по сказке С. Аксакова.	1-45
49-251 В. ШАЙНСКИЙ. ВСЕМ-ВСЕМ, ВСЕМ. «По секрету всему свету», «Крейсер «Аврора» и другие песни.....	1-45
55-355 ЛЮДМИЛА ГУРЧЕНКО. «Песни военных лет».....	2-50
55-375 ЖАННА БИЧЕВСКАЯ. «Простите меня», «Наша жизнь не игра» и другие песни.....	3-00
55-399 АННЕ ВЕСКИ. «Я обещаю вам сады», «Ожидание», «Позади крутой поворот» и другие песни.....	2-50

55-380 АНДРЕЙ ПЕТРОВ. Музыка и песни из к/ф «Жестокий романс».....	2-50
55-348 ГРУППА СТАСА НАМИНА. «Лето Пикассо», «Первая любовь» и другие песни.....	2-50
55-385 ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЕ ТРИО под управлением САШИ СУБОТЫ. (Югославия).	2-50
55-384 АНСАМБЛЬ «ПЛАМЯ». Рук. С. Березин. «Кинематограф».....	2-50
55-413 АНСАМБЛЬ «СИНЯЯ ПТИЦА». «Осенний этюд».....	2-50
55-387 ДИСКОКЛУБ 13(А). «УЧИТЕСЬ ТАНЦЕВАТЬ». В. Горюховский. «Бальные танцы». Джаз-оркестр Густава Брома.....	2-50
55-393 «НАША ПЛАСТИНКА». В. Гамалея. «Здравствуй и прощай» — Н. Гнатюк, «Он и она» — И. Отиева и другие песни.....	2-50
55-394 «МОЙ БЕЛЫЙ ГОРОД». Е. Дога. «Вальс из к/ф «Мой ласковый и нежный зверь» и другие записи.....	2-50
55-400 «ЭВЕРЕСТ». Песни на стихи И. Шаферана. «Две печали» — А. Вески и другие песни.....	2-50
01-615 КОМПАКТ-КАССЕТА МК-60, для малогабаритных магнитофонов, без записи.....	4-00
01-628 СТЕРЕОФОНИЧЕСКАЯ МАГНИТНАЯ ГОЛОВКА ЗВУКОСНИМАТЕЛЯ ГЗМ-105Д, предназначена для комплектации электропроиг-	

рывающих устройств бытового назначения I и II классов по ГОСТ 18631-73 и относящихся по условиям эксплуатации к I группе ГОСТ 11478-75. Головка оборудована алмазной иглой..... 16-00

01-629 СТЕРЕОФОНИЧЕСКАЯ МАГНИТНАЯ ГОЛОВКА ЗВУКОСНИМАТЕЛЯ ВЫСШЕГО КЛАССА ГЗМ-005Д, предназначена для комплектации электропроигрывающих устройств бытового назначения 1-й группы сложности по ГОСТ 18631-83 и относящихся по условиям эксплуатации к I группе ГОСТ 11478-83. Головка оборудована алмазной иглой..... 20-00

Выбрав нужные вам пластинки, заполните бланк заказа (этот бланк выдает отделение связи). А можно просто направить личное письмо-заказ в адрес базы: 143360, Московская область, г. Апрелевка, ул. Ленина, 4, Апрельская база «Роспосылторга».

Стоимость покупки и расходы по пересылке оплатите на почте при получении бандероли. Пожалуйста, не забудьте указать индекс вашего отделения связи. Заказы принимаются к исполнению до 1 декабря 1986 года.

ПРОЕКТ

Одуванчик

(Окончание. Начало на 12-й стр.)

С учителем Сыковым из Белоярского района мы все упростили и упростили представление о компьютере, пока дошли до такой схемы:

реальность — формальная модель — программа.

Что такое крайние члены, более или менее понятно, а средний — это вот что. Чтобы составить программу и она заработала, надо необъятную реальность, жизнь представить в виде модели — того, что мы можем и желаем сделать. Выделить честно в этой реальности главное, то, от чего можно отказаться и от чего отказываться нельзя. Словом, смастерить из реальности деловую модель. Без нее компьютер — одно надувательство. Мы с учителем Сыковым вспомнили притчу основателя кибернетики Норберта Винера: попал к человеку талисман, сушеная обезьянья лапка, выполняющая три желания. Первым делом человек захотел двести тысяч, потер лапку, и вошел некто в черном. Я агент страховой компании, сказал он, ваш сын погиб в катастрофе — компания выплачивает. Не надо, закричал человек талисману, верни сына. И явился призрак. Он был так страшен, что человек взмолился: пусть исчезнет! Это было последнее желание. И кибернетик Винер предупреждал: тот, кто имеет дело с компьютером, должен избавиться от призрака. Рассчитывать на реальность.

Посмотрите-ка повыше, на схему — где этот призрак блуждает? Между реальностью и формальной моделью, то есть нашими представлениями о жизни. А теперь давайте разберемся, какие бывают призраки, чтобы с ними не иметь дела.

Самый примитивный — это страх перед компьютером: убьет, мол, фантазию, разломает коллектив. Не будем забывать, что компьютер — только машина, ничего, кроме того, что в нее закладывают, она не делает. Это дети, когда возьмется с первой своей программой, удивляются: почему она делает неправильно? Она машина. Это потом приходит понимание, что не она делает, прав или виноват только ты. Второй призрак сродни барину: вот прибудет компьютер, все проблемы решатся. Ничего не решится без нас — всех вместе и каждого в отдельности. Шестьдесят с лишним лет назад педагог Шацкий говорил: человека считать научим, а вот как сделать, чтобы он не обсчитывал... Третий призрак с другим знаком: подумаешь, компьютер, ничего он не решит! Это невежество — уже решает, и чем дальше, тем больше, оглянитесь! Четвертый призрак — пропасть, якобы образующаяся между детьми и необученными родителями. Но детей и родителей объединяет только одно — человечность. Пятый призрак — превращение компьютера в мир иллюзий, уход от реальности. Шестой — это компьютер в школе, ее не меняющий: ни уроков, ни творчества, ни отношений. Потавили в кабинете и ждем: завтра еще

что-нибудь придумают, опять, что ли, вводить? Вводить надо еще вчера, с умом вводить, но все глубже и глубже, потому что компьютер — это не просто техническое устройство, гораздо серьезнее. Директор вычислительного центра Министерства просвещения СССР Логвинов, помню, подумав поразившее меня определение компьютера: это устройство, которое резко отделяет человеческое от нечеловеческого. Не в этом ли суть компьютерной революции? Говорят: человек — мера всех вещей. Все вещи, которые нас окружают и которые мы создаем, измеряются человеком, его духовными ценностями, его человеческими устремлениями. Но вот человек создает устройство, вещь, которая его самого начинает мерить, а что в тебе человеческого? Кувалда, тяпка, справочник, контролер, преподаватель, ну-ка отщипну это у тебя — что останется? И компьютер отщипывает, и чтобы что-то осталось, нам надо наращивать, двигаться в сторону человеческого. Надо глубже вглядываться в личность воспитанника, развязать учительскую инициативу, обострить социальную ответственность. Мы же понимаем: самый умный компьютер не создает духовных ценностей. Знания и духовность связаны тонкой нитью, оборвешь — и знания оказываются безнравственным, логика — безжалостной. Оборвешь — и остается деревня с забитыми ставнями, уходит работник туда, где больше заплатят, заменяет преподавателя магнитная лента. Человека компьютер не заменит.

Это ведь не человек, а призрак вставляет шпильку в научно-технический прогресс, хоронит в папке с тесемочками миллионы изобретателя, подкапывается под новатора-агронома, учителя, врача, за которыми инициативы, не терпит риска, срывается в истерику от жизненного противоречия. Это не человеческое — что-то другое держится за беспорядок, разлад, работу тля-ляп, это ему выгодно — умному, ловкому и холодному, используемому алгоритм авралов, трескотню округленных цифр, за которыми скрывается его никчемность, кресло, форму которого оно принимает, функция, которую отстаивают способом круговой поруки (как и ЭВМ, призраки могут соединяться в сети). Его бьет дрожь оттого, что происходит в жизни сегодня, и ему глубоко ненавистно творчество учителя и ученика, потому что творчество — его смерть. Что ему делать — требовать справки, диктовать, когда сеять хлеб, поднимать руку и опускать? «Вход», «выход», «печать», «сортировка»... Как же это я раньше не понял, что такое компьютер!

Но, пожалуй, самый главный призрак — считать, что можно надуть реальность, переждать, когда кампания кончится. Переждать, подстроиться, себя не трогая, обойдясь без внутренней перестройки.

...В клинике глазника Федорова заработала линия автоматизированного зрения. Может быть, компьютер поможет нам лучше разглядеть наш человеческий мир, алогичный, как теория Эйнштейна, нервный, как музыка Скрябина, теплый, как педагогика Сухомлинского... Может быть, он обострит в нас чувство ответственности, ведь все ошутимее нарастают скорости жизни, а значит, возрастает и ответственность за нее. Конечно, компьютер умнее первого трактора, затархтевшего в селе Грязновском в 1928 году, с ним связывали надежду не только на урожай — на лучшую, более достойную человека жизнь. Тракторы тогда нам крепко помогли. Но сегодня уже нужны компьютеры.

Анатолий ЦИРУЛЬНИКОВ,
кандидат педагогических наук.
Фото И. ЯКОВЛЕВА.

**Юлиан
СЕМЕНОВ**

главы из

Спарк

(Лиссабон, декабрь, 1946)

Когда из подъезда следом за Лангером, маленьким, толстым катышкой, который чуть замешкался, неуклюже закрывая дверь, быстро вышел высокий, спортивного кроя парень в коротенькой коричневой кожанке, застегнутой на «молнию», и ловко сел рядом с ним, молча кивнув, Спарк понял: провал. Конечно, нельзя было все делать с налету; я вечно спешил, боялся не успеть, хотел сделать лучше и заметнее других; нечего искать виновных, поделом.

Он резко обернулся к Лангеру, сразу же увидев, как правая рука его соседа напряглась и сделала чуть заметное, какое-то пульсирующее движение к «молнии» на куртке; пистолет за поясом, понял Спарк.

— Мой босс присмотрел домишко за городом, — сказал Спарк. — Сто тысяч — это много по здешним ценам?

— Местная валюта? Или доллары? — поинтересовался Лангер, рассеянно глядя в окно.

— Конечно, долларов, — рассмеялся Спарк. — Все норвят продать за доллары, во франк никто не верит.

Лицо Лангера чуть сморщилось, он выжал из себя улыбку:

— За сто тысяч тут можно купить дворец.

— Ну, а этот домишко вроде бы и есть дворец; два этажа, башенки, огромный подвал, где можно оборудовать прекрасную мастерскую, много земли...

— Много — это как? — поинтересовался Лангер.

— Мне еще не передавали документацию...

— А сколько деревьев? Здесь очень ценятся участки с лесом. Сколько там деревьев и каких пород?

— Ну, семьдесят. — Спарк снова резко, но вполне мотивированно обернулся к Лангеру, и снова рука парня мгновенно передвинулась к «молнии» на куртке. — А что, это много?

— Это богатство, — ответил Лангер. — Сто тысяч — весьма дешево, если там такой лес. Мы едем туда?

— Да, — ответил Спарк, легко глянув в смотровое зеркальце: машина, пристроившаяся еще в центре, шла следом, не отставая: хвост.

— Именно туда. Это минут тридцать. Вы, думаю, будете ужинать с моим боссом и мистером Киккелем в городе, дом еще толком не оборудован, ни сдуг, ни электроплиты, мы привезем все оборудование из Штатов.

— Прекрасно, в городе так в городе, — машинально откликнулся Лангер; он мучительно хотел повернуться, чтобы посмотреть, идет ли за ним машина Пауля, но боялся, что водитель заметит его движение; нельзя пугать; смешно, конечно, если Ригельт ошалел от счастья, подписав контракт с американцем, забыв все на свете и случайно не поставил в письме нужную точку. Но ведь он обещал позвонить после разговора из редакции; не позвонил; приехал этот американец; на

(Окончание. Начало см. в № 7 за 1986 г.)

ЭКСПАНСИЯ — II

Романа

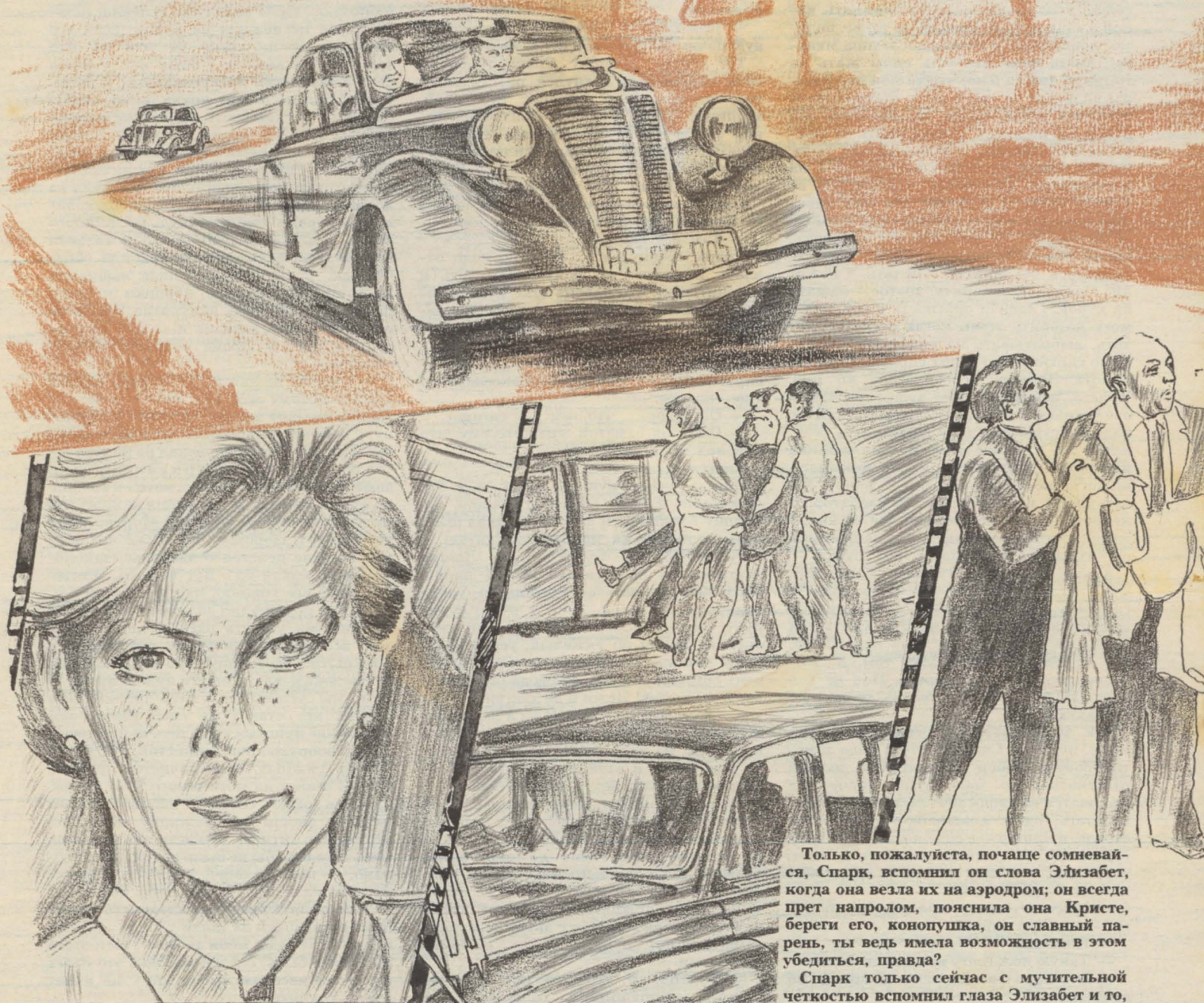

Рис. В. ФЕДОРОВА.

звал мое настоящее имя; нет, явно что-то случилось.

— Когда ваш босс будет оборудовать дом, пусть поставит несколько телефонных аппаратов: в городе отвратительная связь.— По-английски Лангер говорил очень грамотно, ни единой ошибки, но с заметным акцентом, его оплывшее, с нездоровыми отеками лицо замирало от напряжения.

— А там пока еще нет ни одного аппарата.— Спарк сразу же понял, отчего Лангер заговорил про телефоны; хитер бес.— Мы хотели вам позвонить из Эсто-рилы, это рядышком, а потом решили, что вы все равно нас не найдете, вот меня и погнало...

— Это очень любезно с вашей стороны. Мне совестно, что Киккель доставил вам столько хлопот.

Спарк снова обернулся, и на этот раз рука парня не дернулась так пульсирующе-судорожно, как раньше, спокойно лежала на коленях.

— Так ведь бизнес! — рассмеялся Спарк. Ты хорошо это сделал, похвалил он себя, вполне естественно.— Я имею процент с прибыли фирмы, по нынешним временам это неплохо, согласитесь.

— Зависит от того, какой оборот.

— У нас хороший оборот, фирма вполне благополучна, мы верно почувствовали послевоенную конъюнктуру, можете не сомневаться...

Только, пожалуйста, почаще сомневайся, Спарк, вспомнил он слова Элизабет, когда она везла их на аэродром; он всегда прет напролом, пояснила она Кристе, береги его, конопушка, он славный парень, ты ведь имела возможность в этом убедиться, правда?

Спарк только сейчас с мучительной четкостью вспомнил глаза Элизабет и то, как она посмотрела на Кристину; разница в четырнадцать лет, отяжелевшая после родов женщина — любимая, нежная моя, но с сединою уже, а рядом Криста; ноги растут из-под лопаток, обсыпана веснушками, волос — грива, смыла краску, снова стала белой, как солома, очень идет, дурашка, зачем экспериментировала? Логика женщин невозможно понять, хотя, быть может, именно в этом таится их главная прелесть? Бедная Элизабет, каково ей было везти нас на самолет! Почему я не подумал тогда о том, что ревность живет в женщине помимо разума? Она ведь раньше никогда и не думала, что кто-то может добиваться моей любви, она привыкла к тому, что я был ее собственностью, а я ведь действительно был увлечен Кристой, дурак не увлечется, но я

растворен в Элизабет, нет, это не страх и не только любовь к мальчишкам, просто в ней всегда было то, что так редко в женщинах,—прямо-таки мужская надежность, никаких перепадов настроений, капризов, бабских недомоганий, которые ложатся тяжелым осадком на семейную жизнь, обязательно осканда или слезы в эти их дни; Элизабет всегда умела держать себя, чудо что за дружочек, только сейчас стал по-настоящему понимать, какой я счастливый, вообще-то такое, видимо, понимаешь в самые последние минуты, когда надо что есть силы жать на тормоза, так сильно, чтобы мои пассажиры полетели со своих мест, выхватывать пистолет из-за пояса парня, бить его рукояткой по виску, выбрасывать на шоссе, велеть Лангеру переваливаться сюда, ко мне, совать ему «смит-вессон» в бок, на двенадцатом километре отрываться от хвоста, свернув направо; там есть хорошие проезды между особняками, я выведу за Эсторилем, не показываясь на трассе, время еще есть, хотя оно на пределе; не пришлось бы Кристе стрелять. Сможет ли? Одно дело говорить, другое — нажать на курок. Главная опасность в том, что я могу потерять темп, когда стану тормозить, выбрасывать на шоссе эту кожаную скотину, что сидит справа, и приказывать Лангеру перебраться ко мне. Ничего, перевалит. Под дулом пистолета быстро перевалит, только сейчас надо рассупониться, не сдерживать себя: или я их, или они меня. Вторая машина наверняка остановится около кожаного, не могут же они бросить его на дороге? Я в это время поднажму на акселератор, я непременно должен оторваться от них, у меня нет иного выхода, иначе мальчишки останутся без отца, вот в чем штука.

А как прекрасно Элизабет улыбалась мне, когда мы с Крис шли по полю к самолету, как весело и белозубо, никакой тревоги в глазах, это надо ж уметь так скрывать свои чувства! Она ведь знала, что за нами с Крис уже там, в Лос-Анджелесе, могут смотреть, Пол не зря предупредил, что его теперь постоянно «страхуют»...

Так, до поворота мне осталось еще три мили, подумал Спарк. Сейчас надо замотивировать набор скорости, я должен разогнаться до максимума, иначе они удержатся на своих местах, а они должны полететь; один, кожаный,— на ветровое стекло, а Лангер — с сиденья на пол; салон огромный, он должен покатыться вниз, удариться о спинку и хоть на мгновение потерять ориентацию...

— Мистер Лангер, вы водите машину? — спросил Спарк.

— Конечно.

— Такую кольмагу никогда не водили? — Это королевская машина, мне не по средствам...

— Вообще-то да.— Спарк оглянулся, улыбнувшись:— Глядите, как она резко набирает скорость, практически с места...

— Да, очень сильный двигатель...

— Видите, уже сто десять миль... Лихо, а?

Кожаный, что сидел рядом, вытянул левую руку и уперся ею в приборный щиток; ну, погоди, подумал Спарк, ты натренирован, но я тоже не зря прожил на земле сорок три года, тоже чему-то научился, а особенно за последние месяцы в Голливуде,— как-никак специалист по разведке, надо было изучать штампы, которые только и понимают наши доверчивые зрители, борьбе ума они научены жизнью, пойдти не выучись — в момент съедят конкуренты и косточки выплюнут, а вот умению отрываться от слежки,

коронному удару аперкотом или ребром ладони по шее, так что голова бессильно отбрасывается в сторону, будто ее срубил, резко повороту машины в крошечный переулочек, так, что из-под шин появляется дым, они учатся в кино, платят за это доллары, и, кстати, немалые, пойдти обмани их надежды, нельзя, не по правилам...

Спарк сбросил скорость и попросил кожаного:

— Пожадуйста, достаньте в ящичке новую пачку сигарет, мои все искрошились.

Тот открыл крышку, Спарк прибавил газа, парень чуть нагнулся, разглядывая то, что лежало в ящичке; ну, давай, машинка, давай, «испано-сюизочка», гони, ты ж такая устойчивая, скорость незаметна, идет, как плывет, плыви, голубонька, попробуем-ка выкрутиться, а, милая? Поможешь? Ну-ка, помоги.

Парень несколько удивленно посмотрел на Спарка, сказал по-португальски:

— Там нет сигарет...

Спарк обернулся к Лангеру, надо отвлечь кожаного от скорости; я ведь и рассчитывал, что парень ответит мне по-португальски, ах, как хорошо все получается, просто прекрасно, лучше быть не может.

— Что он говорит, мистер Лангер? — спросил Спарк, нажимая на акселератор еще сильнее.

— Он говорит, что там нет сигарет.

— Они под бумагой, скажите ему, что они под бумагой.

Лангер перевел.

Парень сунул руку в ящик, и в это мгновение Спарк обрушил ладонь на кнопку блокировки дверей (и такая была предусмотрена на приборном щитке), а ногу на тормоз, услышал, как Лангер скатился на пол, увидел голову парня, враз побелевшего от страшного удара темечком о стекло; бросил руль, сунул руку ему за пояс, выхватил пистолет, ощутил, какой он тяжелый, успел подумать, что это «парабеллум», ударил; парень обмяк, как куль, сполз на пол; лежи, сука, если жив! Лежи и не двигайся! Не я это затеял, это твои ригельты и лангеры с фурарами затеяли все это, прости меня, кожаный, но надо знать, кому служишь; за все блага в этой жизни приходится расплачиваться, вот и расплачивайся!

Спарк обернулся, перегнувшись через сиденье, и сразу же увидел глаза Лангера; щелочки, а не глаза, медведь, надеется на ту машину, что гонит ко мне; валяй надейся. Руки-то у него лежат вдоль тела, босс воючий, пистолет с собой не возит, зачем ему, кожаный с пушкой сидел рядом, а сзади машина с двумя головорезами, спешат, поняли; ну-ну, спешите, голубчики.

— В угол! В угол сразу! — крикнул Спарк срывающимся голосом.— Если увижу движение — убью!

Тот сразу же отполз в угол, Спарк открыл дверь трясушимися руками, слава богу, трасса пустая, только хвост несется, жмут по газам. Вскинув «парабеллум», всадил три патрона в колесо «плимута», который был совсем уже рядом, и попал, потому что машину резко повело в сторону, на левую полосу; вот так, прощентал он, даже если я повалил шофера, у меня не было выхода.

Положив левую руку с зажатым в ней пистолетом на правое плечо, он увидел в зеркальце мучнистое лицо Лангера; прошло всего несколько секунд, тот еще не очухался; нажал на акселератор, свернул в переулочек так резко, что из-под колес действительно появились синие дымки; на какой-то миг запах жженой

резины стал явственным, словно бы прямо здесь, в громадном краснодеревом салоне, згбли электрический шнур.

— Двинешься, убью! — крикнул Спарк.

Сейчас следует кричать; психологический фактор страха закрепляется криком и истерикой, сейчас не до логики, ему надо будет оперировать, когда я втолкну этого гада в подвал, к Ригельту, время еще есть, мы должны успеть, это будет ужасно, если я опоздаю. Крис вела себя отменно, только б она не нажала на курок; если это случится, я не смогу сделать то, что задумано. А выхода у меня нет, я имею дело с военными преступниками, с нацистами, они не имеют права на то, чтобы спокойно рассказывать по улицам и смотреть на золотые часы с цепочкой. (Спарк почему-то все время вспоминал этот барский жест Ригельта, когда тот вальяжно расстегивал кремовый плащ, доставал из жилета громадную золотую луковичку — отобрал у какого-нибудь несчастного перед тем, как удушить его в газовой камере; они ведь сначала грабили обреченных, а потом подручные выбивали молоточками золотые коронки у задушенных, били очень аккуратно, чтобы не портило золото, каждая пылинка на счету, все идет в «фонд обороны рейха», сволочи.)

— Сидеть, не двигаясь! — снова заорал Спарк, потому что ему показало, что Лангер вот-вот потянется рукой к карману; у него нет в карманах оружия, я успел бы заметить, когда он лежал на полу, я бы увидел, если оттопыривало, у него даже сигарет нет в пальто, хотя он вообще не курит, ни разу за все время не выкурил ни одной сигареты, бережет здоровье, они все берегут здоровье, чем хуже человек, тем больше печется о здоровье, закономерность какая-то... Вот видишь, Элизабет, пока все хорошо, машины сзади нет, но если я подстрелил водителя, надо будет сегодня же убежать отсюда; посмотрим, как все пройдет в Осло, это хорошее прикрытие, пусть ищут, где я был эти дни, пусть доказывают, на это нужно время, а если мы успеем получить то, что нам нужно, все станет на свои места, тем более, мне пришлось уходить от преследования вооруженных нацистов, это проймает присяжных, если начнется процесс, пресса станет на мою защиту, это точно.

Спарк резко свернул направо, потом налево; хвоста по-прежнему не было, оторвался; отсюда до места ехать десять минут, только бы не было впереди перекопано, у португальцев какая-то страсть раскапывать дороги, забывая об этом и не выставлять предупреждающего знака, поди развернись на такой улочке... А если все-таки те гады меня догонят? Нет, этого не может быть, сказал он себе, это будет слишком несправедливо, это не имеет права случиться.

Спарк притормозил и, не оборачиваясь, но глядя на Лангера в зеркальце, приказал:

— Руки на голову. Вот так, хорошо. Поднимись. Шагни к сиденью и переваливайся сюда. Живо! Я что сказал?! Живо!

— Как переваливаться? — тихо спросил Лангер.

Он может ударить меня носком ботинка в голову, подумал Спарк. Нельзя, чтобы он переваливался головой к двери, может распахнуть ее и вывалится, одно мгновение, не успеешь; Спарк снова посмотрел на кнопку блокировки дверей, нажал ли я на нее в суматохе; отсутствием внимания не страдаю, хорошо, что это отложилось в памяти, молодец, похвалил он себя, всегда надо оглядываться загодя; в критический момент на это нет времени.

— Перегибайся! — крикнул Спарк. — Переваливайся головой вниз!

Лангер нерешительно нагнулся, Спарк, схватив его за шиворот, резко дернул на себя, перевалив на переднее сиденье.

— Повернись к окну! — по-прежнему играя истерику, крикнул Спарк. — Руки за спину!

С того момента, как он оторвался от хвоста, прошло не более минуты; жаль, не засек по ниточной стрелке — действительно, секунды пульсируют; если выпарапаяю из этой передыжки и вернусь домой, будет что вспомнить; можно продать сценаристам пару любопытных сюжетов; дудки, хватит, задарма консультировать я более не намерен и так пишу им целые сцены, они гребут за это гонорары, а мне делают подарок к рождеству — почему-то все, как один, набор носовых платков...

Спарк быстро обыскал Лангера; к удивлению, нащупал в заднем кармане брюк плоский, с перламутровой рукояткой, хромированный «браунинг»; значит, развалится, я бы на его месте сделал все, чтобы всадить мне обойму в затылок, какая-то возможность для этого у него была; или он подстраховался еще чем-то?

— Имейте в виду, Лангер, — неожиданно сказал Спарк спокойным, очень тихим голосом, резко изменив манеру поведения, — вам ровным счетом ничего не будет грозить, если вы проявите благоразумие... Я даже готов высадить вас из машины прямо сейчас... Позвоните в «Скорую помощь», вызовите карету для вашего сотрудника... Я освобожу вас... Если вы здесь прямо сейчас ответите на пять моих вопросов...

Ну, давай, подумал Спарк, реагируя, гад. Я дал тебе пищу для размышления. Тепло против холода — это действует. Ты ошалел от моих голливудских номеров, ничего еще не соображаешь, давай шевели мозгами... А кинокритики у нас действительно абсолютнейшие дубины, склонасты какие-то... Если бог поможет вернуться домой, обязательно заставлю себя просидеть пару дней за столом и напишу статью про фильмы Джона Флэкса: нет, это не просто детективы, где умный сыщик дурачит доверчивых зрителей, это настоящая инструкция для тех, кто попал в безвыходное положение, вот что такое ленты Флэкса... А сейчас ты нравишься себе, Спарк, подумал он. Ты клял себя и ненавидел, когда кожаный сел в машину, а пуще того, когда заметил за собою хвост; тогда ты ощутил себя расплюснутым пигмеем со слюнявым, бесформенным ртом, вот что делает с человеком унижение страхом, это, наверное, самое страшное унижение, нет ничего ужаснее безнадёжного ощущения собственной малости и подчиненности обстоятельствам, перед которыми ты бессилён.

— Ну! — вновь заорал Спарк. До особняка осталось шесть минут, я успеваю; надо снова ломать манеру; почему же он молчит. — Ну?!

— Я вам не верю, — тихо, чуть не шепотом ответил Лангер, с трудом разлепляя пересохшие губы.

И в это время слабо застонал кожаный, лежащий в ногах Лангера.

Дорога, как на грех, испортилась, сплошные рытвины, здесь не погонишь, рискованно. Что делать, если этот крепкий поднимется? Нет, он в шоке, надо быть Голиафом, чтобы так быстро прийти в себя, он неопасен. А что, если этот Ригельт развяжется там, в подвале, с ужасом подумал Спарк. Этого не может быть! Я надёжно захохотал его ноги, несколько раз проверил, это невозможно, чтобы он развязался. А если он сыграл

обморок? Или сердечный приступ? И Криста подошла к нему? Нет! Нет! Он чуть было не закричал это «нет», какое страшное слово, самые распространенные слова во всех языках, «нет» и «да», только «нет» произносятся чаще. Что за двуногие, эти люди?! «Нет» словно щит — нужно ли, не нужно, «нет», и все тут! Боимся горя, заключаем: «Нет, нет, нет», — а оно не подвластно заклинаниям, жизнь вокруг вас существует по своим законам; сколько людей, столько законов; у Ригельта свой, у Кристи свой, и у этого кожаного тоже свой — свои «нет», жалостливые, как заклинания, или решительные, будто удар в нос.

— Поставьте ноги на своего хранителя, — снова перейдя на спокойный, даже сострадательный тон, сказал Спарк. — Если он очухался и решит подняться, нажмите каблучками... Ясно?

Лангер молчал.

Спарк резко вытянул правую руку и уперся пистолетом ему в шею.

— Я спрашиваю: ясно?

— Вы не посмеете выстрелить, — по-прежнему тихо, едва шевеля губами, ответил Лангер. — Я вам нужен живым. Уберегите оружие.

Он хорошо думает, понял Спарк. Он уже пришел в себя, и у него что-то на уме, он имеет свой план, и мне не дано понять его логику...

Лангер спокойно поставил ноги на своего телохранителя и тихо спросил:

— Можно, я вытру кровь с уха? Я не терплю неопрятность.

— Нет.

— На какие вопросы я должен вам ответить?

— Кто сообщил, что Штирлиц был отправлен из Мадрида на испанском самолете за океан?

— Что? — Лангер, казалось, сделался еще меньше, вжался в сиденье.

— Не тяните время, Лангер! Лучше нам договориться сейчас, пока я вас не свел с Ригельтом.

— Что вас еще интересует?

— Сначала ответьте на этот вопрос.

— Я могу рассказать вам все, что вас интересует, если вы гарантируете мой отъезд из Лиссабона, новые документы, средства к существованию и одновременное пособие. Скажем, тысячу пятьдесят долларов.

— О деталях мы будем говорить после того, как вы ответите.

— Нет.

— Видите этот дом? — Спарк кивнул на особняк, окруженный парком.

— Да.

— Там в подвале сидит Ригельт. Будем разговаривать при нем? Или закончим наше собеседование здесь? Ну?!

— Я назвал вам свои условия. Я вам открыю все. Мне есть что открыть. Но мне нужны гарантии. Если вы не можете их дать, пусть даст ваш шеф.

Он думает, что в подвале сидит целая команда, подумал Спарк. Это плохо. Когда он увидит там одну лишь Кристу, я не знаю, что он надумает. Двое против трех... Ладно, кожаный не в счет; два против двух; что-то я терю ориентиры, я плохо подготовлен к этому делу, и мы в цейтноте, отсюда надо улепетывать как можно скорее. Салазар не любит, когда незнакомые поднимают стрельбу в его городе, здесь знают цену порядку, такие же фашисты, как и лангеры, только говорят на португальском...

— Вы теряете шанс, Лангер. Или вы начинаете говорить, или...

— Я сказал вам... Я не скажу ничего другого...

— Хорошо. Пеняйте на себя. Кладите правую руку на дверь, нет, выше, на стекло!

Спарк подкатил к дому, запарковал «испано-сиузу» за разросшимся кустом жасмина, выключил двигатель, ощутил гулкую тишину и понял, что ему далеко не просто выйти: ноги были ватные, колени мелко дрожали; еще десять минут назад, когда он был комком энергии, устремленным к спасению, тело было собранным, а сейчас была такая слабость, что он с тоской подумал про то, как сможет связать Лангера, а ведь его надо вести в подвал связанным; как оставить в машине кожаного? Что, если он очухался, а сейчас лишь играет беспометством? Нет, повторил он себе, такого не должно быть, я помню, как я ударил его. Но что же мне сейчас делать? Господи, надоумь меня и помоги!

— Левою рукой выпнете ремень из брюк, — тихо сказал Спарк, позволив себе расслабиться еще больше; Лангер будет вытаскивать ремень секунд тридцать, целая вечность; как можно мягче расслабиться; когда мышцы мягкие, в них происходит интенсивный обмен веществ, они наполняются кислородом и освобождаются от какой-то гадости, я всегда путал эти газы, то ли углекислый, то ли какой еще, но очень вредный... Интересно, я бы вытаскивал ремень так же покорно, как и он? А что можно сделать, если правая ладонь лежит на стекле, ноги на голове телохранителя, в затылок упирается пистолет, а левой корячишься, расстегивая ремень? Ничего бы я не сделал, только, наверное, молил бы создателя, чтобы все это поскорее кончилось. Нет, я бы что-нибудь придумал, возразил он себе, чувствуя, что веки сами собой закрываются; если я позволю им закрыться, то, как ни странно, могу вырубиться, — усталость после дикого напряжения, организм отравлен вредными выбросами, производными страха, у меня так бывало, двухминутный сон, а Лангеру нужны секунды на то, чтобы выскочить.

— Все, — сказал Лангер, выгасив ремень. — Дайте гарантию, я готов отвечать.

— Упустили время, — ответил Спарк. — Будете торговаться с Ригельтом: кто больше скажет, тот и останется жить. Надо было говорить сразу, когда только поняли, что проиграли.

Спарк связал ему руки за спиной: Лангер протянул их покорно, выгнув их, как ласточка крылья; пальцы были ледяные; они у него еще более холодные, чем у меня, подумал Спарк; я никогда не мог понять, рассматривая фотографии, когда нацисты целили из пистолетов в затылки своих жертв, почему обреченные покорно стоят на коленях? Все равно ведь через мгновение все будет кончено, отчего бы не рискнуть в самый последний миг?! Неужели надежда на то, что все обойдется и случится чудо?! Неужели и логика подчинена надежде? Глупо надеяться на счастливый исход, когда имеешь дело с гиенами... Но он-то, Лангер, знает, что я не гиена, он, наверное, поэтому и надеется...

— Выходите, — сказал Спарк, обойдя машину, и распахнул ему дверь.

Лангер неловко сполз со своего сиденья.

— Ложитесь лицом на землю, — сказал Спарк.

— Никогда не думал, что у птиц такие разные голоса, — сказал Лангер, прислушиваясь к гомону неведомых пичуг в кронах деревьев.

Действительно, подумал Спарк, не сразу поняв немца, поют разноголоса, а я и не услышал их.

Он набросил на кожаного свой макин-

тош, аккуратно расправил его, чтобы не было видно тело, запер дверь, поднял Лангера за воротник пальто и толкнул пистолетом в спину:

— Спускайтесь вниз.

Тот пошел покорно, по-прежнему втягивая голову в плечи.

...Ригельт лежал в той же позе, что и раньше, словно бы ни разу и не пошевелился за время отсутствия Спарка; бледная Криста, с запавшими глазами, цвет лица землистый, старческий, сидела на стуле, сжимая двумя руками пистолет.

— Слава богу,— прошептала она.

— Пристрелили его,— сказал Спарк, кивнув на Ригельта.— Он предупредил своего босса. Да, Лангер?! Он ведь очень ловко тебя предупредил?

— Нет! Нет! — завыл Ригельт.— Нет! Я все скажу!

— Пусть скажет! — крикнул Спарк, потому что четко, как в замедленном кадре кино, увидел палец Кристи, лежавший на курке,— сейчас нажмет.— Погоди! Погоди же!

— Хорошо,— кивнула она.— Пусть скажет...

Штирлиц, Гелен

(Барилоче — Мюнхен, март, 1947)

«Генералу Гелену.

Строго секретно.

В одном экз.

№ 54/285—А

Служба визуального прослушивания интересующих «организацию» разговоров, пользующаяся услугами наших ученых, работающих в подразделениях ИТГ — в интересах возрождения немецкой государственности,— решила провести опробование опытных образцов, позволяющих записывать беседы людей, находящихся в лесу, на реке или в поле, с расстояния в 400—500 метров, получила санкцию на эксперимент в гг. Малаге и Бургосе (Испания), Асунсьоне (Парагвай), Кордове и Барилоче (Аргентина).

В Барилоче, где начались атомные исследования Перона, службе было реко-

мендовано — и в интересах нашего дела — опробовать качество записи на Штирлице, взявшем в аренду горнолыжный инвентарь на спусках, оборудованных неким политическим эмигрантом Оскаром Вальтером, подозреваемым в давних связях с левыми.

Записанные в горах разговоры Штирлица и Вальтера оперативного интереса не представили.

Однако в воскресный день 23.П.1947 служба, следившая за Штирлицем во время его уединенной прогулки в горах, записала тексты, которые он читал самому себе, разложив костер на берегу озера Уэмуль.

Приводим расшифровку текстов, записанных с расстояния в 420 метров.*

***

Странное слово «доверие»

Похоже на жеребенка,

Нарушишь — чревато отмщением,

Словно обидел ребенка.

Нежное слово «доверие»,

Только ему доверься,

Что-то в нем есть газелье,

А грех в газелей целиться.

Грозное слово «доверие» —

Тавро измены за ложь.

Каленым железом по белому,

Только так и проймешь!

Вечное слово «доверие»,

Сколько бы ни был казним,

Жизнь свою я им меряю,—

Принцип неотменим.

***

Есть возраст? Есть. А если «нет»?

Отвергни однозначность истин,

Тебе сегодня столько лет,

Как в Безинги подводных быстрин.

Есть возраст? Нет. А если «да»?

Но в Безинги течет вода,

Она умчит тебя туда,

Куда не каждому повядно,

Но ощущение отрадно:

Прозрачна с выси быстрина.

* Стихотворный текст приводится в сокращении. (Ред.)

***

Когда идешь в крутой вираж
И впереди чернеет пропасть,
Не вздумай впасть в дурацкий раж.
Опорная нога — не лопасть.

Когда вошел в крутой вираж
И лыжи мчат тебя без спроса,
И по бокам каменье осьпль,
Грешно поддаться и упасть.

Прибегни к мужеству спины,
К продолгоу мьшиц, к чему угодно,
Запомни: спуски не длинные,
Они для тренажа удобны.

Иди в вираж, иди смелей,
Ищи момент врезанья в кручу,
Судьба еще готовит бучу,
Тем, кто весы и водолей.

И, наконец, опор ноги,
Буранный снег под правой лыжей
И солнца отблеск сине-рыжий,
Но самому себе не лги.

Не лги. Иди в другой вираж.
Спускайся вниз, чтобы подняться,
Не смеешь просто опускаться,
Обязан сам с собой сражаться.

Чтоб жизнью стал один кураж,
Когда смешенье света с тьмой
Несет тебя, как к возрожденью,
А в снежной пелене — мираж.

По моей просьбе отдел математических исследований проработал тексты, записанные службой визуального прослушивания.

Предварительный анализ строк свидетельствует, что прочитаны они были русским, скорее всего петербуржцем по рождению. Немцы, рожденные в Прибалтике и России, привлеченные в качестве экспертов, отвергли версию о том, что родители Штирлица были подданными нашей страны, натурализовавшимися в одном из русских городов.

Таким образом, следует утверждать, что Штирлиц, автор текстов, записанных службой визуального слежения, является по национальности русским.

Генрих фон Крух*.

Так заканчивается роман Юлиана Семенова «Экспансия-II». Но мы не прощаемся с его героями. В будущем мы познакомим читателей с главами из нового романа «Экспансия-III».

НЕОБХОДИМЫЙ ЧЕЛОВЕК

В Крыму наша семья переехала из-за меня: я сердечница. И в первый же день жизни на новом месте, в селе Наташино, мне понадобилась помощь медработника. Так мы познакомились с Полиной Николаевной Медведевко-Хоменко, участковым фельдшером.

А через десять дней в автокатастрофе погиб мой муж. Можете представить, что со мной было. Сердце отказывало совсем. И если оно выдержало, то только благодаря Полине Николаевне: в любое время суток приходила на помощь. И вот уже семь лет она меня спасает. Помогает всем, кто ее зовет. А село наше большое.

Полина Николаевна проработала здесь четверть века. А ее стаж медика — 33 года. Только родов приняла более трехсот.

Недавно она ушла на пенсию. Решила

проведать брата. Ехала поездом Москва — Соликамск. Вдруг по радио объявили: в пятом вагоне срочно нужна медицинская помощь. Полина Николаевна поспешила туда. Оказалось, что рожает молодая женщина. И пока поезд не подошел к станции, где уже ждала «скорая помощь», Полина Николаевна была рядом. Нам она об этом случае не рассказывала — я прочитала, как все было, в газете.

Удивительные они люди — фронтовики-ветераны! Скромность их так же велика, как их мужество, сердечности в них так же много, как и чувства ответственности. Ведь наша Полина Николаевна и войну прошла, воевала на 2-м Украинском фронте. Работала в эвакогоспитале, в хирургическом полевом госпитале. И медсестрой, и за врача, и за санитарку делала все, что надо.

Конечно, отмечена она и наградами, и благодарностями. Но все кажется, что мало. О таких, как она, внукам надо рассказывать, чтобы они своим уже внукам не дали забыть. Только чистые, честные, горячие сердцем люди могли в той битве выстоять, победить, спасти мир от фашизма. Я даже стихи написала про Полину Николаевну, про то, как она была медсестрой в госпитале:

Еще не скоро сможешь ты
Забыть измученные лица,
Мольбу в глазах, в крови бинты
И тихий голос: «Пить, сестрица...»

Юлия Александровна ПИТЕРОВА

с. Наташино,
Сакский район,
Крымская область.

Если вы задумаете сшить летнюю блузу без рукавов, то управитесь и за один вечер (при том условии, конечно, что вы немного умеете шить), с рукавами — за два-три вечера

...ЗА ОДИН ВЕЧЕР

...ЗА ДВА ВЕЧЕРА

Итак, две блузы на одной основе, с удлиненной линией плеча и с застежкой спереди, размер 46, рост III. Варьируются только длина рукава, подбор деталей, оформление (отделочная бейка, «игра» тканей и т.д.). Модный силуэт блузы достигается за счет расширенной свободной линии плеча. Ткань легкая: батист, ситец, маркизет, поплин. Расход (при ширине 80 см) на блузу с рукавами 2 м 60 см, без рукавов — 2 м 10 см.

На рисунке 1 — блуза, сшитая строго по выкройке-основе. Обтачки по горловине и в проймах внутренне — потайные. Единственное украшение — карман на левой полочке. Ткань однотонная или набивная, с модным рисунком.

Модель 2 — блуза с удлиненным рукавом из однотонной ткани. Горловина немного углублена (на 1—1,5 см) и обшита декоративной бейкой, можно из контрастной ткани. Эта же ткань использована для отделки карманов и для манжет. Карманы большие, прямоугольные, расположены симметрично.

Модели 4 и 6 варьируют использование декоративных тканей для беек и других отделочных деталей.

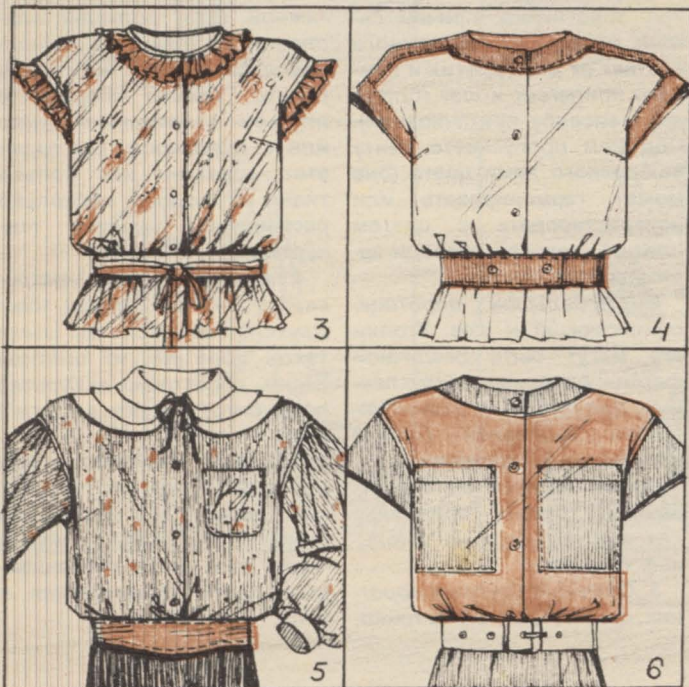
Блуза на рисунке 3 выглядит более женственно и нарядно благодаря тому, что горловина и проймы у нее обшиты неширокими оборками, а блуза немного удлинена и надета навыпуск с пояском.

Блуза 5 с длинным рукавом сшита из однотонной ткани по предлагаемой основе, но дополнена съёмным многослойным воротничком. Воротник можно при желании заменить другим — варианты мы предлагаем в этом же номере.

Последовательность работы для блузы без рукава:

- стачиваем вытачки на спинке и полочках, заметываем борта, стачиваем плечевые и боковые швы. Декоративные обтачки-бейки притачиваем с изнаночной стороны, а затем выворачиваем на лицевую. Подвернутый и заранее заметанный свободный край обтачек-беек пришиваем накладным швом.

- обтачки потайные притачиваем с лицевой стороны, выворачиваем на изнаноч-

ную, срезы свободного края обтачки обметываем и пришиваем к блузе потайным швом. Обратите внимание: бейка, пришиваемая по линии горловины с лицевой стороны, длиннее бейки, притачиваемой с изнанки: ее длина дополняется цельнокроеным подбортом.

- после того, как вы обработали горловину и проймы обтачками или декоративными бейками, пришейте карманы на заранее намеченное место и подшейте низ блузы. Остается только обметать петли и пришить пуговицы.

Если шьете блузу с рукавами, советую пришить карманы до того, как стачаете боковые швы. Тогда же вшейте рукава, причем в развернутом

виде, то есть с незашитым внутренним швом. Потом этот шов вы прошьете одновременно с боковым швом блузы, как это делается в мужских сорочках.

Теперь можно пришить манжеты, обработать низ блузы.

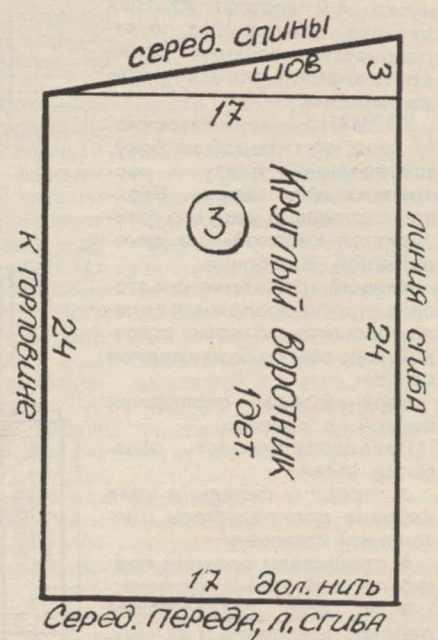
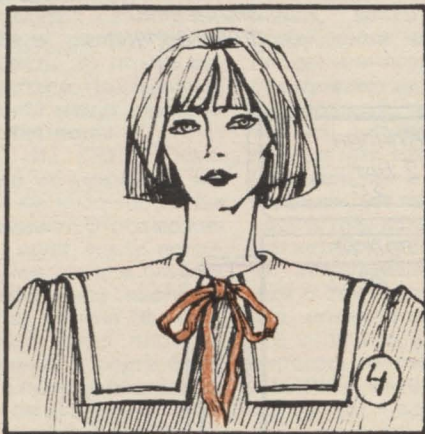
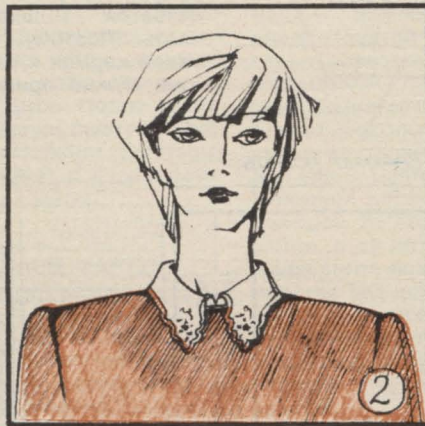
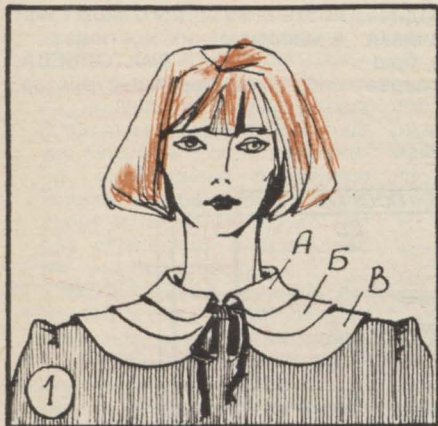
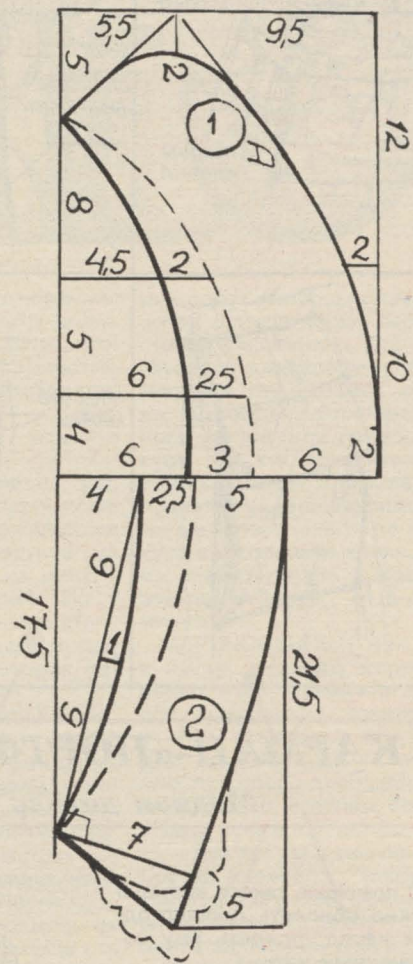
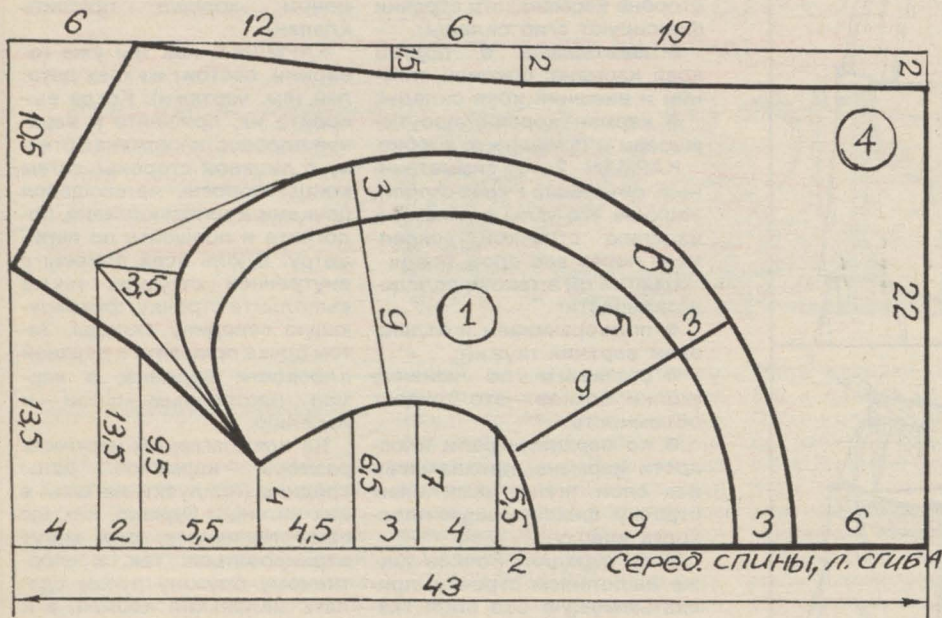
Если вы выбрали блузу 3, учтите, что длина оборок для горловины и для пройм должна быть не меньше чем полторы длины горловины и проймы соответственно, а вшивается оборка между основными деталями блузы и обтачками.

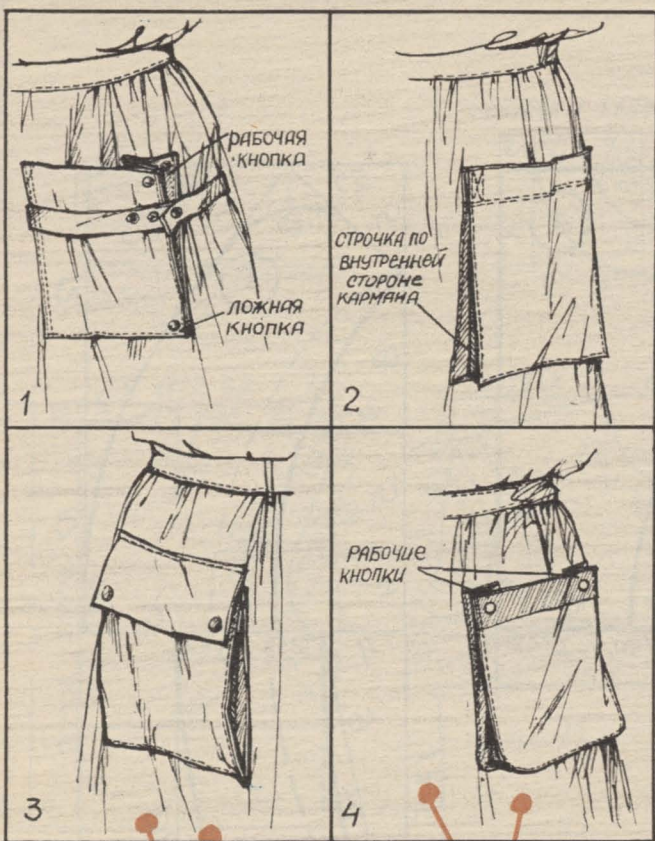
Горловину вместе с оборками можно обшить руликом.

С. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ,
художник-модельер.

Чертежи и рисунки
автора.

КАРМАН-«ПОРТФЕЛЬ»

Модная деталь

С помощью такого кармана можно обновить прошлогодний наряд, придать ему современный вид.

Посмотрите, пожалуйста, на рисунки. Первые 3 конструкции кармана объединяет общий тип кроя — из одного куска. 4-й состоит из трех деталей, выкроенных по отдельности: верхняя плоскость кармана, обтачка и бочка кармана.

КАРМАН 1 — асимметричного кроя, со складкой на боку, закрепленной внизу и раскрывающейся сверху. Верхний отступающий угол его фиксируется кнопкой — не декоративной, а рабочей.

Нижний край кармана и сторона, противоположная складке, прошиты по краю строчкой, как обычный накладной карман.

Верхний край перехвачен бейкой на кнопках.

Последовательность обработки такая:

- середину складки и края кармана прокладываем сметочными стежками;
- прошиваем верхний подгиб по всей длине кармана;
- по оси, разделяющей плоскость кармана и складку, выполняем по лицевой стороне декоративную строчку,

прихватывая оба слоя ткани, посередине складки строчку выполняем на внутренней стороне кармана, эти строчки фиксируют сгиб складки;

● заметываем в подгиб края кармана: боковой, нижней и внешней края складки;

● карман хорошо проутюживаем и пришиваем к юбке.

КАРМАН 2 — симметричный, объемный с трех сторон, верхние его углы прижаты к изделию строчкой «скрепкой» через все слои ткани.

Шьется он в такой последовательности:

● подворачиваем и подшиваем верхний подгиб;

● стачиваем по изнанке уголки бочков — это создаст объемность;

● по верхним краям плоскости кармана, прихватывая все слои ткани, выполняем строчку, фиксирующую плоскость сверху;

● по середине бочков также выполняем строчку, прихватывающую оба слоя ткани, но с внутренней стороны.

Подогнув внешние края кармана и проутюжив его, пришиваем к изделию накладным швом, прижимая верхние углы строчкой «скрепкой».

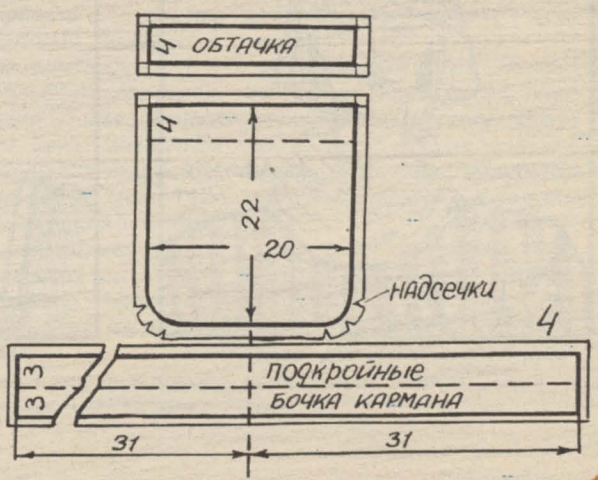
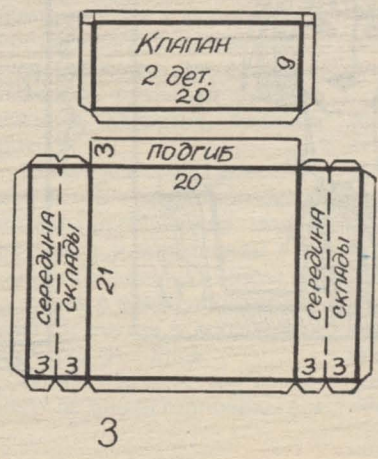
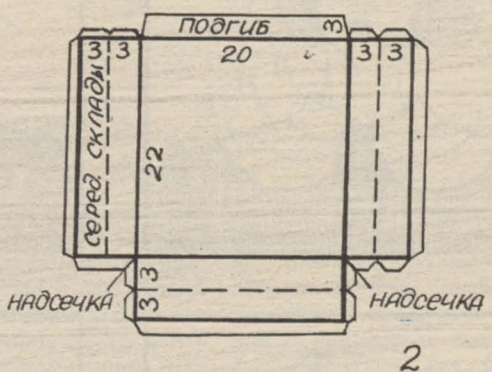
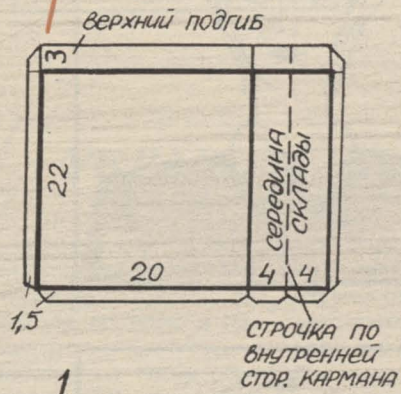
КАРМАН 3 похож на предыдущий, но у него объемной остается только средняя часть. Поэтому, притачивая такой карман к платью, брюкам, нужно пришить сперва

бочка склад, а затем нижний край кармана, прихватывая все слои склад. Над карманом хорошо пришить клапан.

КАРМАН 4, как мы уже говорили, состоит из трех деталей (см. чертежи). Когда выкроите их, пришейте к верхней плоскости кармана обтачку с лицевой стороны, затем концы полосы, являющейся бочками и низом кармана, подогните и прошейте по периметру. Вдоль всей полосы с внутренней стороны также выполните строчку, фиксирующую середину складки. Затем бочка пришейте к верхней плоскости кармана, а карман настрочным швом — к изделию.

На предлагаемых чертежах размеры карманов даны средние (припуски на швы в них учтены). Однако, как вы сами понимаете, они могут варьироваться: так, к спортивному блузону лучше сделать маленький карман, а к широкой юбке или куртке — побольше. Отделка, бейки, фурнитура — все это дело вашего вкуса. Обратите, пожалуйста, внимание только на один совет: карманы такого типа уместны в основном на одежде спортивного стиля и никак не смотрятся на платьях из легкого шелка или в классических костюмах.

С. АНАТОЛЬЕВА,
модельер-конструктор.

Трудно в августовскую пору выкроить для дома свободную минутку. А надо! Уже многие овощи созрели, ягоды отходят, фрукты наливаются соком...

ЗАБОТЫ СВЕТЛОГО АВГУСТА

СОВЕТЫ МАРИИ ИВАНОВНЫ

А. Б. В... КУЛИНАРИИ

Какой же инвентарь нам надо иметь в сезон заготовок? Прежде всего закаточную машинку и нужное количество жестяных или специальных пластмассовых крышек. Разнообразные ножи из нержавеющей стали для нарезания плодов. Тазы, различные по размеру и глубине,— для очистки, мойки и сортировки плодов, овощей, ягод. Мясорубку, дуршлаг или сито для приготовления соков, пюре.

Технология стерилизации имеет общие правила и подразделяется на операции.

ОЧИСТКА И НАРЕЗКА ОВОЩЕЙ. Удаляются плодоножки, листья, некоторые овощи и фрукты нарезают кусочками. Медлить с использованием нарезанных продуктов нельзя: они быстро портятся, вянут и через несколько часов становятся непригодными для переработки.

МОЙКА. Очень важное дело! Отнесемся к нему со всей серьезностью. Сперва овощи и фрукты замачивают в холодной воде, а потом тщательно промывают проточной водой в тазах или кастрюлях.

БЛАНШИРОВАНИЕ. Сначала овощи обдают кипятком, а затем быстро погружают в холодную воду, пригодную для питья. Для чего это? После бланширования овощи и фрукты размягчаются, уничтожаются микробы на поверхности. Сохраняется естественный цвет плодов.

ПОДГОТОВКА ТАРЫ. Банки надо мыть перед самой стерилизацией ершиками, щетками с применением питьевой соды. После этого банки ополаскивают кипятком для дезинфекции и, наконец, снова теплой питьевой водой. Прогреть банки лучше заранее.

УКЛАДКА ОВОЩЕЙ И ЗАЛИВКА. Когда вы закладываете овощи в банки, старайтесь сделать это не только аккуратно, но и красиво.

Заливку нагревают до 80 градусов и покрывают ею

овощи, уложенные в банке. Заполнить банку так, чтобы между горловиной и крышкой вообще не было воздуха, невозможно. Полтора-два сантиметра от верхнего края банки — вполне достаточное пространство, чтобы консервы хранились нормально.

СТЕРИЛИЗАЦИЯ. На дно кастрюли лучше уложить плотную хлопчатобумажную ткань в два-три слоя, чтобы тара не разбилась. Когда вода в кастрюле закипит, слегка убавьте огонь. Жестяные крышки перед работой промойте в растворе соды — 1 чайная ложка на литр воды, — ошпарьте кипятком для надежности. Банки, заполненные продуктами, ставят на дно так, чтобы кипящая вода ни в коем случае не попала внутрь. После стерилизации банки быстро вынимают из кастрюли, закрывают крышками и переворачивают вверх дном.

НАДЕВАЕМ ФАРТУКИ

КОМПОТ ИЗ МАЛИНЫ. Малина, особенно поздняя, — ягода нежная и требует delicateго обращения. Ее можно залить сахарным сиропом (1,5 кг сахара на литр воды) или засыпать в каждую банку 0,8 л 180 г сахара и залить кипятком. Если малину долго стерилизовать, то ягоды могут развариться. Подходящий срок — 10—12 минут с момента закипания воды.

КОМПОТ ИЗ ГРУШ. Освобожденные от кожицы и нарезанные на кусочки груши быстро темнеют. Этого можно избежать, если сразу погрузить кусочки груш в слабый раствор лимонной кислоты, но не более чем на полчаса. Если мякоть груш плотная, как, например, у сорта бере, то сначала их надо бланшировать, а потом возможно более плотно уложить в банку ровными рядами. Вообще чем более зрелые плоды вы выберете для консервирования, тем меньше сахара потребуются для сиропа. Лучше

взять среднее соотношение: 670 г сахара на литр воды. Этого количества хватит, чтобы залить 5 банок емкостью 0,8 л. Жесткие груши стерилизуем полчаса, мягкие — 20—25 минут с момента закипания воды.

Поскольку многие из вас, милые хозяйшечки, хорошо варят варенье, мы, пожалуй, не станем останавливаться на рецептах варенья из вишни, малины, яблок, слив. Тут у каждого свои «секреты». Вместо этого приведем лучше рецепт варенья, которое варят довольно редко.

ВАРЕНЬЕ ИЗ МЕЛКИХ ЗЕЛЕННЫХ ПОМИДОРОВ. 60—70 мелких зеленых помидоров продолговатой формы, у которых обрезаны плодоножки и шпилькой удалена часть семени, вывариваем в трех водах по несколько минут, чтоб овощи не горчили. После каждой варки тщательно моем их холодной водой. Кожица помидоров за это время сморщится, и ее можно будет без труда снять ножом. Такие помидоры без кожицы варим в сахарном сиропе (из расчета 1 кг сахара на литр воды) до сгущения, ставим на ночь охладиться и разливаем по банкам.

ЦУКАТЫ — это не что иное, как засахаренная твердая мякоть плодов, ягод, апельсинных, арбузных корочек. Сразу после варки варенья плоды или ягоды вынимают, откидывают на дуршлаг и дают обсохнуть пару часов. Потом их посыпают сахарным песком или сахарной пудрой (которая, как я уже говорила, отлично получается, если пропустить сахар через кофемолку). При этом цукаты слегка встряхивают. Не говоря уже о том, что цукатами любят полакомиться детишки, это отличное украшение для пирогов, тортов, пудингов.

МАРИНОВАННЫЕ ОГУРЧИКИ. Август — самое время подобрать с грядки огурчики, плотные, хрустящие, с мелкими семенами внутри. Их тщательно моют, обрезают кончики (у самых мелких можно не обрезать). На дно каждой бан-

ки кладут лавровый лист, кусочки жгучего перца, пару листиков смородины. Для 10 кг готовых консервов готовят маринад следующего состава: 10 л воды, 1,5 л 6-процентного уксуса (или винного уксуса той же концентрации), 200 г соли, 200 г сахара, 20 г соцветий укропа. Помимо этого, можно положить по вкусу кусочки корней хрена. Время стерилизации с момента закипания воды — от 8 до 13 минут.

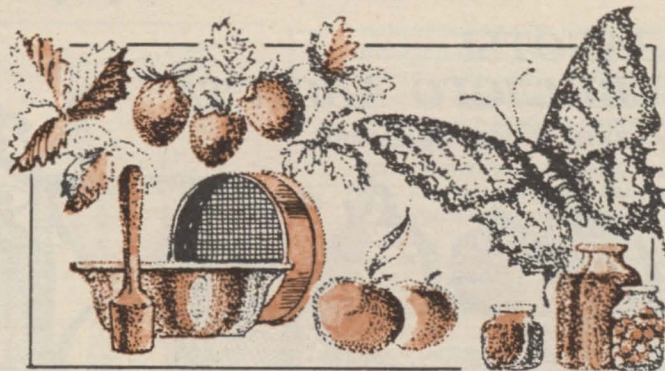
МАРИНОВАННЫЙ ЛУК. Лук в наших деревнях маринуют редко. А зря! Севок или выборок, луковички диаметром 2—3 см прекрасно подходят для маринования. Очищенные луковички бланшируем и укладываем в банки. Пряностями лучше не пользоваться — лук хорош и сам по себе. Состав маринада такой же, как и для огурцов. Время стерилизации — 25 минут с момента закипания воды.

ФАРШИРОВАННЫЕ БАКЛАЖАНЫ. Подготовленные овощи надо прежде всего хорошенько вымочить в подсоленной воде, чтоб пропала горечь. Потом промыть холодной водой и слегка обжарить на растительном масле, заполнить фаршем. Для 10 кг фарша потребуются 8 кг нарезанной соломкой и обжаренной моркови, 400 г нашинкованного и обжаренного сельдерея, 400 г мелко нарезанных и обжаренных корней петрушки, 1 кг нарезанного кольцами и обжаренного лука, 200 г соли. На каждом баклажане делается продольный разрез, куда закладывают фарш. Потом баклажаны укладывают в банки.

Заливку лучше сделать из томатного сока или томатного пюре, разбавленного водой, которые уваривают до консистенции соуса. Можно приправить заливку красным перцем, на любителя. Время стерилизации с момента кипения воды — 1 час 20 минут. После охлаждения и укупок банки выносят на холод.

ВАША
МАРИЯ ИВАНОВНА

Овощи, фрукты, ягоды называют «кладовыми витаминами». Сейчас самая пора этих «кладовых». Давайте же посмотрим, сколько витаминов нужно в среднем человеку.

НА ЗИМУ — С ВИТАМИНАМИ

Медики рекомендуют такую суточную норму: витамина В₁ — 1,7 мг, витамина В₂ — 2 мг, витамина РР — 19 мг, витамина С — 70 мг, витамина А — 1 мг в день. Для того, чтобы узнать, много это или мало, приводим две таблицы: одну — о содержании витаминов в свежих фруктах, ягодах и овощах, а другую — о содержании их в технологически обработанных фруктах, овощах и т. д., а также в хлебе, мясе, молоке.

Из таблиц видно, что потребность организма в каротине и в наиболее дефицитном витамине С мы можем удовлетворить в основном за счет именно свежих овощей, ягод, фруктов. Поэтому, если есть возможность, надо летом и весной не только «напиться» ими, но и запастись впрок. Как сделать это правильно, так, чтобы потери витаминов при обработке были минимальными?

К сожалению, столь ценный в питании витамин С является и наименее устойчивым, особенно к температурным воздействиям. Любое кипячение и даже просто нагревание ведет к уменьшению его. Поэтому традиционные способы приготовления варенья, повидла и компотов приводят к тому, что в готовых продуктах витамина С уже меньше (см. таблицу 2). То есть вопреки сложившемуся мнению домашние заготовки вовсе не являются «кладовыми» витаминов

в зимний период, хотя и имеют ряд других достоинств.

Один из немногих способов, который в домашних условиях позволяет максимально сохранить витамин С, — приготовление тертых желе или тертых ягод с сахаром без нагревания (при этом способе ягоды теряют всего около 20% витамина).

Из ягод, содержащих много собственных кислот — черной, красной и белой смородины, клюквы, — хорошо сделать желе. Из клубники и малины, содержащих мало кислот, готовят только сиропы; чтобы приготовить желе, вам придется смешать их с другими, высококислотными ягодами.

Основное требование при готовке различных тертых ягод — максимальная стерильность сырья, оборудования и рук: все должно быть тщательно вымыто, банки прокипячены или обработаны паром. Ягоды — все, кроме

малины, — предварительно промывают охлажденной кипяченой водой и сушат на открытом воздухе, желательно в тени, на чистых полотенцах.

Будьте внимательны, перебирая ягоды: одна гнилая, зеленая или побитая может испортить всю банку.

Ягоды с тонкой кожицей (малину, клубнику, белую и красную смородину) лучше растереть в предварительно взвешенной эмалированной кастрюле деревянной ступкой через чистую двойную марлю (металлическая посуда исключается!). Полученный сок идет в дело, а оставшийся жом можно использовать для приготовления компотов.

Ягоды с твердой кожицей (черную смородину, клюкву) лучше пропустить через соковыжималку, сок собрать в эмалированную кастрюлю. После того как ягоды растерты, взвешиваем кастрюлю с

соком и высняем вес сока — это необходимо, чтобы определить нужное количество сахара. На 1 кг сока постепенно добавляем 1 кг сахарного песка. Песок с соком тщательно перемешивают деревянной ложкой до получения прозрачного сиропа. Затем готовый сироп разливают в стеклянные банки.

Черную смородину можно использовать и целиком. Для этого ее перемалывают в мясорубке и затем всю массу — и сок, и жом — перемешивают с сахарным песком: 1,8—2 кг песка на 1 кг размолотой ягоды. Полученный продукт нельзя назвать ни соком, ни желе, скорее всего это «невареное варенье», вкусное и сохранившее после обработки 80% витамина С.

Расфасованные в банки желе, сиропы и тертые ягоды нужно сразу же закрыть полиэтиленовыми крышками. Ваши заготовки могут храниться несколько месяцев даже при комнатной температуре, так что на зиму вы обеспечены витаминами. Например, в 100 г желе из черной смородины содержится 80 мг витамина С, а в 100 г черной смородины, тертой с сахаром, — 48 мг. Посмотрите на таблицу 2: это высокие показатели.

Что касается хранения фруктов и ягод в свежем виде, то, к сожалению, из их громадного разнообразия длительным сроком подлежат лишь немногие зимние сорта яблок и груш, но уже через несколько месяцев витамина С в них почти не содержится (но сохраняются другие полезные пищевые вещества — минеральные соли, органические кислоты, углеводы).

Из овощей в свежем виде лучше всех сохраняет витамин С белокочанная капуста, пожалуй, репчатый лук. Морковь при хранении в прохладном помещении хорошо сохраняет каротин; ее можно до весны держать в грядках, если они расположены в сухом месте и не вымокнули от осенних дождей, или в ящиках с песком.

Капусту хорошо на зиму заквасить, добавив к ней тертую морковь, можно и клюкву. Квашеная капуста до весны сохранит 20—30 мг витамина С в 100 г. А картофель даже в самых благоприятных условиях быстро теряет этот «летучий» витамин, и к весне его почти не остается.

И. СКУРИХИН,
профессор, доктор
технических наук,
руководитель лаборатории
Института питания
АМН СССР.

Рис. Н. БЕШЕНКОВСКОЙ.

Таблица 1

Содержание витаминов, в миллиграммах на 100 граммов, в свежих фруктах, ягодах и овощах (в скобках — примерная доля от суточной потребности в %)

Витамины	Яблоки	Черная смородина	Клубника	Виноград	Капуста	Морковь
В ₁	0,03 (2)	0,03 (2)	0,03 (2)	0,05 (3)	0,03 (2)	0,06 (4)
В ₂	0,07 (4)	0,04 (2)	0,05 (3)	0,02 (1)	0,04 (2)	0,07 (4)
РР	0,30 (2)	0,30 (2)	0,30 (2)	0,30 (2)	0,74 (4)	1,00 (5)
С	16 (23)	200 (286)	60 (86)	6 (9)	45 (65)	5 (7)
каротин	0,03 (1)	0,10 (2)	0,03 (1)	0	0	9,0 (150)

Таблица 2

Содержание витаминов, в миллиграммах на 100 граммов, в продуктах, подвергшихся тепловой обработке (в скобках — примерная доля от суточной потребности в %)

Витамины	Компот из свежих абрикосов	Компот из сушеных яблок	Варенье из сливы	Кисель из черной смородины	Картофель отварной	Мясо отварное	Хлеб пшеничный из муки II с.	Молоко кипяченое
В ₁	0	0	0,02 (1)	0	11 (6)	0,05 (3)	0,18 (11)	0,03 (2)
В ₂	0	0	0,03 (2)	0	0,06 (3)	0,16 (8)	0,11 (6)	0,13 (7)
РР	0,1 (1)	0,05 (1)	0,02 (1)	0,02 (1)	1,07 (6)	3,64 (19)	0,67 (4)	0,10 (1)
С	0,9 (1)	0	3,0 (4)	12,0 (17)	14,4 (20)	0	0	0,8 (1)

Боль в суставах, отечность их — таковы обычные признаки одной из распространенных болезней, связанных с нарушением обменных процессов в организме, — подагры. Этот хронический недуг трудно поддается лечению. Но обменные процессы можно регулировать.

САМОЧУВСТВИЕМ МОЖНО УПРАВЛЯТЬ

В. ИВАНОВ, заслуженный врач РСФСР,
кандидат медицинских наук

Лечение подагры требует времени и, что самое важное, самодисциплины: алкоголь, курение, переедание, равно как и продолжительное голодание, чрезмерное употребление мяса, копченостей, жиров — все это способствует обострению подагры, может спровоцировать приступ боли.

Если вы поражены этим недугом, прежде всего составьте с помощью лечащего врача режим питания и соблюдайте его безусловно. Принцип один: питание должно быть диетическим, приемы пищи в одно и то же время, небольшими порциями.

Ограничьте потребление продуктов, содержащих вредные для вас вещества — пурины: жареное мясо и рыба, мясные бульоны, почки, а также шпинат, щавель, редис, фасоль.

Помимо диеты, в комплекс лечения подагры входит лекарственная терапия. Особенно хорошо зарекомендовала себя брусника: прием водного настоя ее в течение трех месяцев в значительной степени способствует восстановлению нарушенного обмена.

Для приготовления водного настоя берут 2 столовые ложки измельченных листьев брусники, помещают в эмалированную посуду, заливают горячей кипяченой водой, за-

крывают крышкой и нагревают на водяной бане (в кастрюле с кипящей водой) 15 минут, затем 45 минут охлаждают при комнатной температуре, процеживают. Принимают по 1 столовой ложке 4 раза в день через час после еды.

При остром приступе подагрического артрита используют водный настой сбора следующих растений: цветков календулы, василька синего, коры крушины — по 1 части, листьев крапивы — 2 части, коры ивы, травы хвоща полевого, листьев березы — по 4 части. Восемь столовых ложек смеси этих растений заливают четырьмя стаканами горячей кипяченой воды, кипятят на водяной бане 15 минут, настаивают 45 минут при комнатной температуре, процеживают и пьют по стакану через каждые 2 часа.

Улучшению обменных процессов в организме способствует прием лекарственных трав, обладающих мочегонным и желчегонным действием. Наиболее эффективен такой сбор: плоды петрушки — 1 часть, листья мяты, корень одуванчика, плоды фенхеля — по 2 части, кора крушины и кукурузные рыльца — по 3 части.

Активно способствует улучшению обменных процессов и сбор в составе: ромашки аптечной и липового цвета — по

1 части, листьев мяты — 2 части, листьев крапивы — 4 части.

Из каждого сбора растений готовится водный настой, который должен храниться в своей посуде. Для его приготовления берут 4 столовые ложки одного из сборов, травы помещают в эмалированную посуду, заливают двумя стаканами горячей кипяченой воды, закрывают крышкой, нагревают на водяной бане 15 минут, охлаждают 45 минут при комнатной температуре, процеживают, остаток отжимают и полученный объем доводят до 2 стаканов, доливая настой кипяченой водой. Принимают по стакану настоя 2 раза в день через 2 часа после еды. Курс лечения — 8—10 недель.

Хороший результат для борьбы с ожирением, для его предупреждения дает самомассаж живота. Прежде чем заняться им, рекомендуется освободить кишечник и мочевой пузырь, принять удобное положение — сидя или лежа. Мышцы живота расслаблены. Начинаем с поглаживания снизу, с правой подвздошной области, и по ходу часовой стрелки легкими зигзагообразными движениями, неглубокими касаниями, поднимаемся вверх до правого подреберья, затем переходим на левое подреберье и за-

канчиваем поглаживание в левой подвздошной области.

Переходим к растиранию. Растираем кожу и подкожную клетчатку от подреберий вниз к паховым областям и снова вверх — до подреберий.

Теперь сверху живота выполняем поперечное разминание, постепенно продвигая руки к паховым участкам, и этим приемом заканчиваем самомассаж.

В номерах журнала «Крестьянка» за 1984 год мы подробно говорили о приемах массажа и самомассажа, напомним лишь вкратце: при поглаживании рука скользит по поверхности кожи, при растирании — смещает ткани, лежащие под кожей, в разных направлениях. При поглаживании направление движений руки должно совпадать с ходом лимфатических и кровеносных сосудов, при растирании — не всегда. Растирание усиливает сократительную функцию мышц, ускоряет кровообращение, повышает обменные процессы. Оно разделяется на прямолинейное, круговое и спиралеобразное, выполняется одной или обеими руками.

Каждый прием массажа живота выполняется 4—5 раз.

Рис. И. ЧЕЛМОДЕЕВА.

КАКАЯ У ВАС ПОХОДКА?

Замечаете ли вы, как ходите? Следите за собой при ходьбе? Обязательно обратите внимание на свою походку: грациозность, изящество движений, легкий шаг наряду с красивой осанкой — обязательные составные понятия «женская красота».

Выработать красивую походку не так уж трудно. Ставя ногу на землю, нужно сначала коснуться земли пяткой, затем плавно перенести упор на среднюю и вслед за ней — на переднюю часть стопы. Иными словами, в шаге участвует вся стопа, от пятки до носка,

но движение должно быть постепенным, плавным, мягким, тогда ваша походка будет выглядеть упругой, свободной.

Как вы выносите ногу вперед при шаге? От колена? Неправильно — в движении должна участвовать вся стопа от бедра. Корпус прямой, голова не склоняется при каждом шаге, подбородок слегка приподнят, плечи развернуты.

На носки смотреть не надо, но выработайте, пожалуйста, привычку ставить их чуть-чуть в стороны. Ни в

каком случае не внутрь!

Пересмотрите свою обувь: важно не только, модна ли она, но и удобна ли вам. В туфлях слишком широких или слишком узких невозможно идти свободно, легко. На слишком высоких каблуках приходится передвигаться «по-журавлиному» — не сгибая колен, переставляя ногу, точно на ходулях. Однако не украшает походку и обувь совсем без каблуков — это надо помнить любителям модных кроссовок. Походка в них делается размашистой, небрежной.

Удобный и устойчивый модельный каблук — кстати говоря, и он сейчас в моде — придаст вашей походке женственность, изящество, легкость.

И последнее: последите за своим шагом. Здесь также необходимо чувство меры — равно некрасиво выглядит и размашистая, «мужская» походка с широким шагом, и семенящая. Шаг должен равняться длине трех ваших стоп — разумеется, с учетом роста и комплекции, размера ноги.

После целого дня трудов и хлопот вы наконец присели отдохнуть и взяли в руки свежий номер «Крестьянки». Заинтересовал он вас? Понравился? Нашли вы в нем то, что искали?

Об этом мы узнаем из ваших писем, дорогие читательницы. Ежедневно около 200 из них приходит в адрес «Хозяюшки». Это наши добрые советчики, друзья, взыскательные критики. И, составляя планы «Хозяюшки» на будущий год, мы снова и снова перечитываем ваши письма, ищем в них ответа... теперь уже на свои вопросы.

Нравятся вам рубрики, разделы «Хозяюшки»? Определяя их, мы имеем в виду все, что может интересовать современную женщину в сфере домашнего хозяйства, что может пригодиться ей в работе по дому.

Современная женщина — и такая традиционная, давно устоявшаяся деятельность хозяйки домашнего очага? Тут нет противоречия. Мы с вами моем и гладим, стираем и чистим, готовим и шьем, убираем и вяжем, да еще на огороде, в саду успеваем поворачиваться... Но посмотрите, сколько у нас появилось «помощников» — электроплиты и холодильники, газовые водонагреватели и пылесосы, скороварки и кофемолки, стиральные машины и вафельницы... Сегодня хозяйка управляет всей этой техникой точно оператор на производстве. И, конечно же, не может не заботиться и о сохранности техники, и об энергии, которую эта техника потребляет. Бережливость, рачительность — вот обязательные черты умелой хозяйки.

Бережливость наша основана не на грошовых расчетах. Просто мы всегда помним, сколько труда и государственных средств вложено в машину, в продукт, в вещь, и не можем себе позволить отнестись к ней расточительно. В будущем году мы поговорим о том, как правильно составить бюджет семьи, как дать вторую жизнь немного устаревшим, но еще вполне прочным вещам, как самим устранить мелкие неполадки в домашнем оборудовании, самостоятельно сделать приспособления, которые облегчат ваш домашний труд.

«ХОЗЯЮШКА» РАССКАЖЕТ ВАМ...

Итак, бережливая, умелая хозяйка. Но взгляните на нее: при всех своих заботах она еще умудряется оставаться молодой или молодой, красивой, модно, современно одетой. И в этом «Хозяюшка» постарается помочь читательницам своими советами.

Возьмем, к примеру, такое традиционно женское занятие, как шитье. Конечно, мы и в будущем году продолжим публикацию чертежей и описаний работы: как сшить платье, костюм, брюки, юбку, блузку для женщин разных возрастов, одежду для детей.

Но сегодняшняя мода, как никогда демократичная, делает акцент на отделке, на модных деталях, которые придают вещи современный вид. Об этом мы поговорим в будущем году. Под рубрикой «Модная деталь», которую мы сегодня открываем, предлагаются материалы о поясах, шарфах, фурнитуре и т. д.

Замечали вы, какую элегантность придает вещи, даже не новой, отделка кожей или мехом? Вы скажете, что их сложно купить. И не надо! Ручаемся, что ваши шкафы забиты целлофановыми пакетами со старыми меховыми шапками, воротниками от давно сношенных пальто, спорками детских шубок. Носить не носите, а выбрасывать жалко.

Давайте попробуем обновить старый мех, окрасить его, ошить из старого воротника, старой детской шапки новую, самого модного фасона.

Продолжаем инвентаризацию наших полок: вынимаем старые кожаные перчатки, вышедшие из моды сумки, старые пояса. Даже голенница от сношенных сапог — все годится для отделки! Множество замечательных вещей можно сделать из куска ко-

жи, а как — об этом пойдет речь в «Хозяюшке».

Да разве только отделка кожей, мехом придает одежде элегантность? А такое нестарое искусство, как вышивка — ришелье, гладь, мережка, двойной крест — и созданные с их помощью национальные и геометрические орнаменты, яркие клеточки, полосы!.. Рисунки их вы найдете в «Хозяюшке».

А что вы скажете о теплом, свободном свитере с воротником... сплетенным техникой макраме? Мы видели этот свитер. Он очень красив. Надеемся, что он понравится и вам. Изящны и другие изделия, сплетенные макраме, — абжуры, шторы, кашпо, настенные панно для детей, декоративные скатерти и многое другое, что нам предстоит научиться делать.

По вашему желанию, дорогие читательницы, возвратимся к технике вязания крючком, предложим вам несколько вариантов шапочек и шарфов, варежек, пуловеров, джемперов, кофт...

Предпочитающие вязать на спицах тоже не будут разочарованы: свитеры, береты, пуловеры модных рисунков и расцветок вы сможете связать, пользуясь рекомендациями «Хозяюшки».

Наш кулинарный раздел готовится порадовать вас новинками: рецептами блюд, которыми славится национальная кухня советских республик, а также разных стран мира. Мария Ивановна, как всегда, ответит на наиболее часто встречающиеся в ваших письмах вопросы. Не будут забыты, конечно, и рецепты наших бабушек, и тех блюд, что «изобрели» сами наши читательницы. Фирменное блюдо семьи — есть оно у вас? Если да, расскажите о нем читательницам «Хозяюшки». Только будьте добры, учтите одно пожелание: оно должно

быть быстрым в приготовлении.

Тут хочется вспомнить вот о чем. Да, слов нет, очень приятно вкусно накормить семью, удивить гостей необычным блюдом. Но во всем нужна мера! И так ли уж приятно, когда стремление вкусно и сытно поесть оборачивается другой своей, гораздо менее привлекательной стороной — тучностью, сопутствующими ей болезнями? Ведь мы с вами хотим — и должны! — быть бодрыми, здоровыми, жизнерадостными. С помощью ученых мы научимся планировать свое меню так, чтобы получить все необходимые вещества и витамины, но в то же время сохранить стройность, работоспособность, подвижность.

Подтянутому, бодрому, дисциплинированному человеку легче справиться и с недомоганиями, вызванными нарушением обменных процессов в организме. Вероятно, вы уже сами убедились, применяя рекомендации заслуженного врача РСФСР В. И. Иванова, публикуемые в нашем журнале, что «самочувствием можно управлять!» Цикл будет продолжен и в 1987 году. По вашему просьбам в него будут включены беседы о том, как регулировать обменные процессы у детей, какие приемы общего и точечного массажа помогут детям, ослабленным после болезней, при нарушении аппетита, сна и т. д.

Будут печататься и консультации для тех, кто работает в саду и на огороде, разводит цветы дома, кто любит комнатные растения. Какие из них выбрать? Где поставить? Как ухаживать, чтобы и зимой цвели? Обо всем этом расскажет «Хозяюшка».

...После целого дня трудов и хлопот вы наконец присели отдохнуть и взяли в руки свежий номер «Крестьянки». Заинтересовал он вас? Понравился? Нашли вы в нем то, что искали? Напишите нам об этом, пожалуйста: планы «Хозяюшки» еще составляются!

Рис. З. ЧЕРНАКОВОЙ.

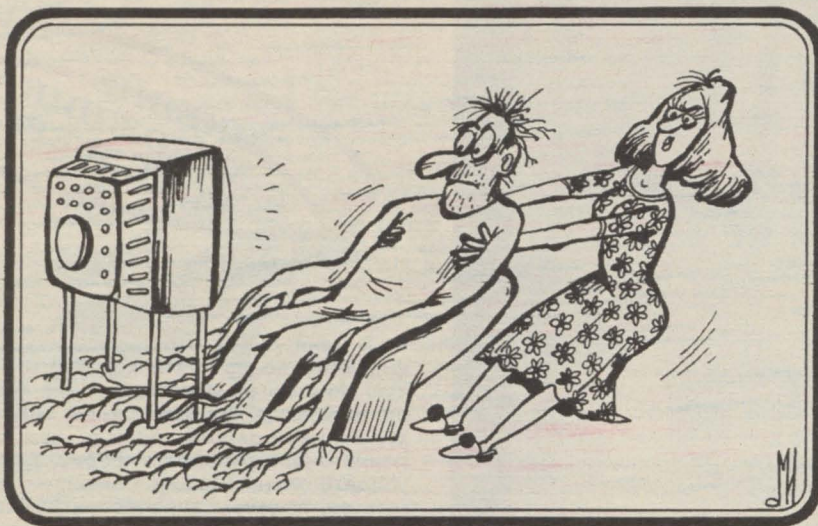
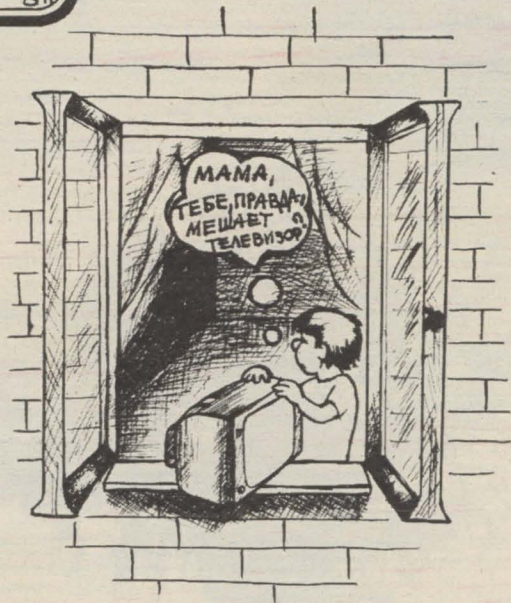

Рис. Ю. АФОНИНА
и Е. МИЛУТКИ.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 6. Наука о старинных монетах и медалях. 9. Настольная игра. 10. Город в Могилевской области. 12. Пьеса Дж. Лондона. 14. Традиционный персонаж итальянской «комедии масок». 15. Декоративное растение с вечнозелеными листьями и крупными красивыми цветками. 18. Спутник Сатурна. 20. Самый высокий женский голос. 21. Снежная буря. 22. Русский химик, открывший один из основных законов естествознания. 23. Колючий садово-ягодный кустарник. 25. Роман Артура Хейли. 27. Специалист, изучающий растения. 28. Главная артерия. 32. Врач, занимающийся лечением органов движения и опоры. 33. Русская разменная монета. 34. Центр русской народной лаковой живописи. 36. Испанский народный танец. 37. Лицо командного состава армии и флота. 38. Русский советский писатель.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Русский механик-самоучка. 2. Моток, свитый спиралью. 3. Отверстие в оборонительном сооружении. 4. Наступление. 5. Музыкант. 7. Небесное тело. 8. Река на Севере Европейской части СССР. 11. Строительное искусство, зодчество. 13. Наука о языке. 16. Русский художник-передвижник. 17. Барометр. 19. Пицца, еда. 21. Старинный смычковый музыкальный инструмент. 24. Рассказ М. Шолохова. 26. Советский космонавт. 29. Травянистое болотное растение, род камыша. 30. Военное звание. 31. Государство в Южной Америке. 34. Стремление найти что-либо. 35. Льняная ткань.

Составила А. ЗОТОВА (Москва).

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 7.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Бунин. 6. Глиэр. 8. Штамп. 10. Шасла. 11. Рассада. 12. Саженец. 13. Нутация. 17. Ость. 19. Смирнов. 20. Арча. 22. Бекас. 24. Апорт. 26. Гумус. 28. Оляха. 29. «Искра». 31. Аист. 32. Торо. 34. Шаферан. 35. Вавилов. 36. Весна. 38. Панова. 39. Адонис. 43. Стриж. 44. Вербя. 46. Ярмарка. 48. Гнездо. 49. Лесник. 50. Боронование.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Вратарь». 2. Кислица. 4. Нарцисс. 5. Наст. 6. Грач. 7. Иванова. 9. Блантер. 10. Шпалеры. 14. «Восток». 15. Гром. 16. Каштан. 18. Тюльпан. 21. Ренклюд. 23. Агранович. 25. Половодье. 26. Гусев. 27. Спора. 30. Дренаж. 33. Иванов. 37. Саврасов. 38. Персей. 40. «Сирень». 41. Чернов. 42. Гектар. 45. Бобы. 47. Олев.

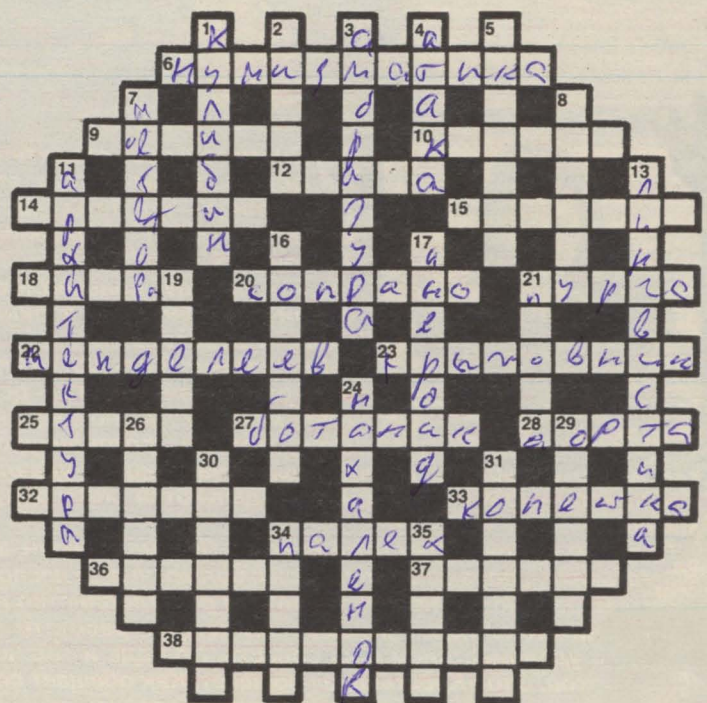

ФОТО-
КОНКУРС

Внимательный объектив, прощаясь с домом, запомнил вот это: хлеб, цветы и солнце — приметы счастья. Женщина ко всему имеет отношение — к цветам, которые ей дарят, к хлебу, ею испеченному, и к солнцу, конечно, — оно и в ненастный день заглянет в окно к матери, к жене, к невесте...

Вы, должно быть, догадываетесь, какая это радостная работа — делать журнал для женщин. А помощников сколько! Один только фотоконкурс обнаружил,

как много у журнала влюбленных, счастливых, удачливых друзей, как пристально и благодарно вглядываются они в окружающую нас жизнь.

Проблем в этой жизни тоже хватает. Письма женщин, адресованные «Крестьянке», поражают глубиной и болью: чья-то несправедливость, безответственность, небрежность или разгильдяйство не дают покоя нашим читательницам, мешают женщинам работать так, как они умеют, с удовольствием и на совесть. Но ведь и тем, кто мешает, не будет покоя. Это «Крестьянка» обещает. Как обещает совет и помощь всем своим читательницам, решившим строить жизнь непременно счастливую, в которой в досталь и работы, и цветов, и солнца.

**ПОДПИСКА НА ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ
НА 1987 ГОД ПРОВОДИТСЯ С 1 АВГУСТА.**

МНЕНИЕ ХУДОЖНИКА- МОДЕЛЬЕРА

«У меня лежит отрез шерсти (шелка, фланели), посоветуйте, как шить» — такую помощь на расстоянии нас просят оказать часто. Но даже самый опытный художник-модельер, прежде чем мысленно сконструировать форму, должен увидеть ткань и даже больше — потрогать ее, помять, задрапировать. Ведь в сегодняшнем изобилии тканей за одним общим названием, например, «шерсть», множество разновидностей. И у каждой свой набор характеристик — толщина и крутка нитей, переплетение, род примесей... А значит, они по-разному держат форму, мнутся, драпируются. Все это надо учитывать при выборе фасона. Например, вы задумали сшить свободное пальто с веерными фалдами внизу. Но вдруг драп окажется недостаточно легким и гибким? Тогда ожидаемый изящный рисунок фалд превратится в ряд неуклюжих выступов. А если, допустим, в платье из шелка с «живым» креповым переплетением вы заутюжите складки, то вместо необходимых четких линий получите гнутые и подвижные, как и сама ткань.

Листая журнал мод в поисках фасона, порой мы мало вникаем в то, из какой же ткани сделана модель. «Не пойму, в чем дело, — растерянно сетовала моя знакомая, показывая новое пальто. — И ткань мне нравится, и фасон такой, как я хотела, а вот чувствую — что-то не так». Из толстого, пушистого, как одеяльце для новорожденного, драпа был сшит... классический редингот — двубортное пальто, с острыми лацканами и шлицей. Что же получилось? Во-первых, пальто исказило фигуру. Изящно обрисовывая ее со спины, оно непомерно выдавалось впереди: ведь здесь толстая ткань ложилась в четыре слоя. Пухлые воротник, лацканы, клапаны, карманы из-за той же толщины ткани казались непомерно тяжелыми и вдобавок топорщились. Острых углов не получилось — ткань была просто не в состоянии обеспечатить строгость форм. Приятельница оправдывалась: «Но я же точно по журналу...» Нашли журнал. На снимке — то же пальто, только сделанное из легкого, почти костюмного трико. Здесь все было на своих местах. Модель притягивала чистотой линий, «мужской» стиль был полностью защищен необходимой тканью, быть может, в точности такой же, из какой был сшит и самый первый на свете редингот.

И в наши дни неизменной школой безупречного союза формы и материала, из которого эта форма создается, остается народный костюм. Красоту наши предки могли создавать почти из «ничего», опираясь только на сам материал, его технологические и декоративные возможности.

Подолгу простаивают посетители в Загорском музее народного творчества перед коллекцией льняных костюмов, переселившихся сюда из сундуков про-

Которые

мы выбираем

стых крестьянок прошлого века. Нашего современника поражает то, какой выразительности можно достичь, если остаться верным природе ткани.

Льняное полотно — прочное, неизносимое, древнего полотняного переплетения. Самый логичный и крепкий шов тут — по прямой. К тому же ткань жесткая, топорщится, иначе как прямой рубашкой ее не сошьешь. Простые прямоугольники основы и рукава — вот и весь крой. А как украсить? Расшить вышивкой? Но настил нитей еще больше утяжелит ткань, и без того плотную. Тут лучше скомбинировать ее с кусочками другой, яркой или узорчатой. И получались нарядная кайма, прямоугольные вставки. Однако можно не только украсить вещь, но при этом и «облегчить» ее. Стоит выдернуть ряд нитей, закрепить столбики — выйдет знакомая меретка. А если столбики соединить в разном ритме — уже ажурная прошивка. Самые искусные мастерицы по этой сетке еще и вышивали. И простая серая ткань сказочно преображалась: наряд становился затейливым, воздушным, женственным.

Сегодня не у всех есть время и умение для кропотливого рукоделия. Наложили на ткань готовое кружево и прошлись по краям зигзагом. Но принцип подхода к льняной ткани остался неизменным: прямые полотнища кроя и соответствующая отделка. Если же вас это не устраивает — лучше отказаться сразу от самой ткани.

Отделка, крой, исходящие из природы материала, помогают раскрыть его «характер», непохожий на другие, подчеркнуть самобытность. И тогда ткань самая вроде бы невзрачная (бельевой тик, бязь, сатин, упаковочная), если помочь ей «найти себя» в формах и отделках, вознаградит за внимание к ней сторицей: возникнет платье-образ, которое как бы стоит над модой, а потому не устаревает.

Вряд ли справедливо еще существующее в сознании многих деление тканей на «дорогие», а значит, красивые и «дешевые», а поэтому якобы неэффективные. Простынное полотно может дать художественно более ценную модель, чем платье из дорогого трикотажа.

Иногда нас расхолаживают «простота» и дешевизна ткани, и, недолго думая, шьем из нее что попроще. Сегодня ситец нам знаком по стандартному прямому халатику, хотя и для него есть свои интересные и вовсе не трудоемкие решения. Чуть роскошнее юбки с одной или несколькими оборками внизу, двойные юбки — гладкая и набивная, отделочные канты и бейки, тесьма «зубчиками», недорогое машинное кружево, простые аппликации, сборки и оборки — все

это в ладу с недолгим веком ткани и в то же время создает образ ситцевого платья.

...В магазине темно-красный с золотистым отливом бархат собрал около себя целую толпу. Женщины прикладывали ткань к лицу и срочно выписывали чеки. Потом в таком вот платье я видела женщину на приморской набережной. Ее можно понять — приехала на курорт, взяла свое лучшее выходное платье, но как же оно было неуместно среди простых поплиновых, батистовых под лучами летнего солнца! А ведь деньги были потрачены немалые. Поэтому, прежде чем выписывать чек, остановимся, подумаем. Может быть, ткань хороша только на стенде, а лично нам она вообще не пригодится?

Взяв в руки ткань, всмотритесь, что она может сама предложить? Что в ней главное? Прозрачность, пушистость, несминаемость или красота в драпировке? Предположим, у вас есть отрез шифона. Вы молоды, стройны, и так хочется шить летнее платье с маленьким лифом на плечиках. Но ткань слишком прозрачная, лиф придется дублировать. Юбку тоже без чехла не наденешь. И получается, что прозрачность — самое ценное качество шифона, которое и выделяет его среди других, почти не проявится. Оставьте этот фасон для любого более плотного шелка. А у шифона свои решения: длинный рукав, «летучая мышь», а может быть, «крылышки», юбки с туниками, воланы, сборки. Здесь образ ткани перейдет в образ платья, где самое важное — легкость, нежность, воздушность.

А вот в джинсовой ткани главное — прочность. И тут фасон предельно служит идее прочности: заклепки, двойная и тройная отделочная строчка, чаще всего контрастная, позаметнее. По технологии, может, хватило бы и одной строчки, и заклепки не везде так уж необходимы. Но все атрибуты использованы для того, чтобы привлечь внимание к этому свойству ткани. Она непластична, однако приятна в прикосновении к телу, отсюда точнейший крой, множество резных деталей, помогающих облеганию. Джинсовой ткани, как и любой другой, должны соответствовать свои приемы кроя и отделки.

Немнущиеся синтетические ткани сами диктуют различной формы буфы — они не меняются после стирки. Эффекты со сборками на современных плащах и куртках из тонкой плащевки возникли оттого, что были использованы возможности ткани. Слабая сторона ее — непластичность, но и здесь найден выход: юбки, а иногда и все платье кроится по косой.

Плательный бархат и в куске часто

выглядит интересней других тканей. Но стоит его чуть присборить — начинается неповторимая игра света по краю складок. Не дать в платье хоть участка такой вот игры — значит обеднить и платье, и ткань. Буфы, сборки, драпировки — неизменные спутники бархата.

...Закройщица ателье приняла с десятком заказов из разных шерстяных тканей и для всех предложила один дежурный фасон. Но может ли он одинаково подойти к легкому кашемиру и плотной фланели? Наверняка несколько платьев, а значит, и заказчиков окажутся «в проигрыше».

Самое ценное свойство шерсти — сохранять тепло. Но греет при этом не само волокно, а воздух, который надежно сохраняется бесчисленными жесткими пружинками, из которых оно состоит. Поэтому ценность шерстяной ткани измеряется не ее толщиной, а легкостью, способностью при малом весе задержать как можно больше воздуха. Но фасон должен стать рекламой как раз этого главного достоинства ткани. Кашемир, легкий креп шьем почти как шелковое платье — те же свобода и легкость. В пальто из драпа избегаем жестких, запрессованных форм. Отделочную строчку располагаем дальше от края, не применяя ее, чтобы сохранить впечатление объемности. Формы пальто свободные, детали чаще округлые. Меньше режем ткань конструктивными линиями — не утяжеляем зрительно вещь, не портим зря ценного материала. Фасонные сложности — двойные строчки, резные детали — оставим для тканей типа сукна.

Когда появилась шерсть с лавсаном, из нее вначале шили так же, как и из мягкой натуральной. Однако приталенные платья и жакеты мало кого устраивали: ткань «сухая», в ней тесно телу и неуютно коже, в швах она топорщится. Но зато шерсть с лавсаном оказалась незаменимой для юбок в складку и гофрированных, в прямых блузонах, там, где меньше швов и облегающих по фигуре.

Мы часто представляем себя в будущем платье как застывшую картинку, забывая, что этой картинкой мы ни минуты не будем. А потому от внимания ускользает красота, которую ткань может дать в движении. Особенно не везет здесь натуральным шелкам.

Из них крепдешин — самая упругая и живая ткань. А используют его сплошь и рядом традиционно: чуть расширенное платье, рюши, мелкие оборки. Но такое же платье можно сшить и из его более скромного дублера — ацетатного шелка, который не дает вольных, струящихся линий. Крепдешин же способен спадать упругими, льющимися складками, и это

надо учитывать так же, как и его живость в движении, особый жемчужный отлив на сгибах, снискавший ему по праву славу короля шелков. Художники предлагают сегодня модели, где эти качества проявляются в наполненном лифе, клешевой юбке, широком длинном рукаве.

Но, можно возразить, разве пойдешь на работу вот в таком платье? И вот тут задумаемся над назначением тканей вообще: не выделить ли такие привередливые в носке и шитье натуральные шелка в группу особо нарядных и праздничных, чтобы не лишать себя удовольствия в торжественных случаях выглядеть соответственно? А для будней — практичные искусственные шелка.

Признаться, я удивилась, не увидев на танцах в одном сельском клубе девушек в шелковых платьях. Преобладали «фирменные» юбки из плащевки. Но в танце эти ткани топорщатся, весь рисунок движения становится непластичным, в то время как шелковое платье способно даже «выправить» движение, украсить его, придать грациозность.

Деловая жизнь вывела на первое место в нашем гардеробе комплекты. Действительно, как удобно из «малых» форм одежды создавать каждый раз по своей потребности новые ансамбли. Эта идея проникла и в нарядную одежду. Блузки с юбками из нарядных тканей практичны и выглядят более непринужденно, чем целое платье. Однако не все ткани дают гармоничные сочетания. Представим: девушка в джинсах и в блузке из атласа. Обе ткани от соседства проигрывают: суровая джинсовая рядом с нарядным шелком выглядит «золушкой», а блеск атласа на ее фоне кажется крикливым.

Бархатный жакет хорошо надеть с юбкой из качественной камвольной шерсти, но гармония нарушится, если юбка будет грубошерстная, с ворсом. Шелковая блуза не сочетается с плащевой курточкой, но прекрасно «свяжется» с жакетом из бархата или фланели.

Объем фигуры зрительно зависит от толщины и фактуры ткани. Учитывая

это, можно выглядеть полнее или изящнее. Рыхлые ворсовые или типа букле (с поверхностью из мелких петелек) полнят, так как не отражают света, их очертания размыты, и полным женщинам приходится от них отказываться. Но здесь есть выход. Решающий в полноте фигуры — объем бедер, поэтому юбку делаем из ткани гладкой и не слишком плотной, а жакет, кофточку — из объемной. Можно вообще продумать комплект, в котором гладкие ткани будут расположены там, где нужно сократить объем, рыхлые — где необходимо его увеличить. Полным женщинам следует избегать и чересчур тонких, облегających тканей, особенно трикотажа с блеском, поскольку активная игра света создает впечатление еще большей полноты.

Вот, оказывается, как много нужно учесть, выбирая ткань по фактуре: и фасон будущего наряда, и его назначение, и особенности собственного облика. Часто жалуемся: трудно найти нужную ткань. Но взгляды внимательно в те, что есть в нашем магазине, и может быть, какая-то из них, мимо которой мы вчера прошли равнодушно, окажется необходимой именно для нас.

Е. ЕЛЕНИКОВА,
художник-модельер.

Рис. О. ПОЛЯНСКОЙ.

КРЕСТЬЯНКА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»
ОСНОВАН В ИЮНЕ 1922 ГОДА

Главный редактор
Г. В. СЕМЕНОВА

Редакционная коллегия:

И. П. АЛЕКСАНДРОВ,

Н. И. ГОРШКОВА,

Е. Г. ГРИГОРЬЕВ,

Р. Ф. КАЗАКОВА,

А. В. КУПРИЯНОВА
(ответственный секретарь),

Э. Б. МАРКИН,

А. А. ПИМЕНОВА,

М. Б. РЫЖИКОВ,

Л. Ф. СЕРГИЕНКО
(заместитель главного редактора),

И. Г. УШАЧЕВ,

Л. В. ХАНБЕКОВ,

Л. И. ШВЕЦОВА.

Главный художник
В. В. ФЕДОРОВ.
Художественный редактор
Е. Г. Новикова.
Над оформлением номера
работала **Т. А. Новрузова.**

Присланные рукописи, фотографии и рисунки редакция не возвращает.

Адрес редакции: 101460, Москва,
ГСП-4, Бумажный проезд, 14.
Телефоны для справок: 212-20-79,
212-12-39.

Сдано в набор 13.06.86. Подписано
к печати 04.07.86. А 02004. Формат
бумаги 60×90¹/₈. Глубокая печать.
Усл. п. л. 6,00. Уч.-изд. л. 8,56. Усл.
кр.-отт. 18,00. Тираж 16 500 000 экз.
(1—12 781 020 экз.). Изд. № 1900.
Зак. № 3191.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография имени
В. И. Ленина издательства ЦК
КПСС «Правда», 125865, ГСП,
Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

На первой странице обложки
фото **Н. СОФРОНОВОЙ.**
На странице 36 фото
С. КУЗНЕЦОВА.

Т. Н. ЯБЛОНСКАЯ.
«Июнь». 1980 г.

**СВЕТ
ОТЕЧЕСТВА**

Наверное, нет лишних слов в сокровищнице языка. Но как часто использовались они не по назначению, искажая свою суть, и тогда назывались ничтожества громкими и пышными титулами, и не только ничтожества, но и слова казались лишними. Но обязательно приходит срок, и слова оmyваются, как росой, находя единственное, для чего были созданы они, и остаются навсегда — Его Превосходительство Поле, Ваше Сиятельство Солнце, Ее Благородие Женщина, Ваше Величество Жизнь.

